

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

Устинов Дмитрий Сергеевич

**ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБВИНЯЕМОГО
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЯ,
ПРИНИМАЕМЫЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

12.00.09 – уголовный процесс

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель –

доктор юридических наук, профессор

Корнуков Владимир Михайлович

Саратов – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Поведенческая характеристика обвиняемого как уголовно-процессуальная категория: сущность, содержание, структура.....	18
§ 1. Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, его содержание, структура и виды.....	18
§ 2. Правовая природа и значение поведенческой характеристики обвиняемого, ее место в категориальном аппарате уголовного судопроизводства.....	39
Глава II. Факторологическая основа поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве	55
§ 1. Система обстоятельств (факторов), влияющих на формирование поведения обвиняемого.....	55
§ 2. Права и обязанности обвиняемого как базисная правовая основа формирования его уголовно-процессуального поведения	63
§ 3. Роль и значение ответственности в формировании процессуального поведения обвиняемого.....	78
§ 4. Взаимоотношения обвиняемого с другими участниками уголовного судопроизводства и их роль в формировании его уголовно-процессуального поведения	89
§ 5. Внутриличностный аспект мотивации уголовно-процессуального поведения обвиняемого.....	113
Глава III. Влияние поведенческой характеристики обвиняемого на производство и решения, принимаемые по уголовному делу	126
§ 1. Общая характеристика механизма воздействия поведения обвиняемого на решения, принимаемые по уголовному делу.....	126
§ 2. Влияние поведенческой характеристики обвиняемого на решения, принимаемые в досудебном производстве.....	146
§ 3. Правовая природа связи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	205
ПРИЛОЖЕНИЯ	230

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

Осуществляемые в последние годы преобразования в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, повлекшие построение уголовного процесса на состязательных началах, существенное расширение возможностей обвиняемого по оказанию воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, направления и формы её осуществления, в корне изменили представления не только о правовом положении обвиняемого, но и о юридической значимости его поведения в уголовном судопроизводстве. Оно приобрело качественно иное значение в этой деятельности, оказывая системное воздействие на многие процессуальные решения, принимаемые в ходе её осуществления. Если раньше обвиняемый мог использовать предоставленные ему законом права лишь для опровержения обвинения, выражения и отстаивания своей позиции по делу, защиты других своих интересов, затрагиваемых уголовно-процессуальной деятельностью, то теперь он располагает широкими возможностями по воздействию не только на процесс доказывания в целом, но и на определение форм его осуществления. К примеру, обвиняемого нельзя допросить повторно в случае его отказа от дачи показаний; он фактически сам определяет время дачи показаний в судебном заседании; при согласии с обвинением может сократить до минимума судебное разбирательство по уголовному делу, то есть предопределяет форму осуществления правосудия по нему. Ныне по настоянию обвиняемого в особом порядке рассматривается более 60% уголовных дел. По действующему законодательству поведение обвиняемого в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности перестало быть только предметом определения методической основы проведения с ним следственных действий, его изобличения в совершении преступления и в целом производства по уголовному делу. Оно превратилось в

специфический, относительно самостоятельный объект уголовно-процессуального исследования, характеризующийся целым рядом свойств и признаков, требующих документально-правового оформления. Это даёт основание утверждать, что в категориальном аппарате науки уголовно-процессуального права должна появиться новая категория под названием «поведенческая характеристика обвиняемого», содержание которой имеет непосредственное отношение к механизму принятия решений в уголовном судопроизводстве.

Изложенное обуславливает актуальность обозначенной проблемы, порождает объективную необходимость выделения уголовно-процессуального поведения обвиняемого и его связи с принимаемыми по делу процессуальными решениями как самостоятельного объекта научного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Отдельные аспекты этой темы рассматривались применительно к проблематике, связанной с изучением личности обвиняемого, которая в правовой науке криминального цикла долгое время воспринималась как отражение личности преступника и изучалась в основном под углом зрения состава совершённого преступления и других обстоятельств, характеризующих поведение обвиняемого до и во время совершения преступного деяния, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела по существу. Собственно уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, то есть поведение этого участника уголовного процесса, проявляемое им в ходе производства по уголовному делу, не выделялось в виде самостоятельного объекта исследования и рассматривалось как некий обязательный, но второстепенный элемент обозначенной проблемы либо её часть.

Подобный подход наблюдается и в трудах А.П. Гуськовой, М.Г. Коршика, А.С. Кривошеева, Г.К. Курашвили Н.С. Лейкиной, И.А. Матусевича, С.С. Степичева и других авторов.

Некоторые поведенческие аспекты обвиняемого затрагивались в работах известных процессуалистов, освещавших правовое положение этого участника процесса и проблемы реализации его прав и обязанностей (Н.С. Алексеев, А.Д. Войков, М.М. Гродзинский, Н.Я. Калашникова, В.И. Каминская, Д.С. Карев, Л.Д. Кокорев, В.М. Корнуков, Э.Ф. Куцова, В.А. Лазарева, В.З. Лукашевич, Е.Г. Мартынич, Я.О. Мотовиловкер, И.Л. Петрухин, Р.Д. Рахунов, В.М. Савицкий, В.А. Стрёмовский, М.С. Строгович, А.А. Тарасов, М.А. Чельцов С.А. Шейфер В.Н. Шпилев М.Л. Якуб и др.). На диссертационном уровне (С.А. Новиков, В.Н. Перекрёстов и др.) достаточно пристальное внимание уделялось вопросам отношения обвиняемого к предъявленному обвинению и значимости признательных показаний.

Не умаляя вклада отечественных ученых в разработку проблем личности обвиняемого, отметим, что, во-первых, сугубо уголовно-процессуальное поведение обвиняемого в их трудах не получило системного отражения; во-вторых, подавляющее большинство работ данной проблематики опубликовано до принятия действующего УПК РФ (далее, если не оговорено иное, – УПК).

Что касается проблемы правового воздействия поведения обвиняемого на решения, принимаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, то юридические основания для её постановки появились совсем недавно и, на наш взгляд, в полной мере ещё не осмыслены. Между тем тенденция максимального учёта мнения обвиняемых (подозреваемых) при производстве по уголовным делам, принятии по ним процессуальных решений, связанная с активизацией сотрудничества этих лиц с органами, осуществляющими соответствующую деятельность, становится всё более очевидной, значимой и нуждается в глубоком научном изучении.

Цель диссертационного исследования – формирование и обоснование концепции поведенческой характеристики обвиняемого,

отражающей поведение этого участника процесса, характер его взаимоотношений с другими субъектами уголовного судопроизводства в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, а также выявление её роли и значения в принятии процессуальных решений по уголовному делу.

Достижение поставленной цели осуществлялось путём решения следующих **задач**:

- анализа общенаучных представлений о поведении человека, сложившихся в философии, психологии, юридических научных дисциплинах, и определения возможности их использования для характеристики поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве;

- определения понятия, раскрытия сущности, структуры и содержания уголовно-процессуального поведения обвиняемого;

- выявления и исследования факторов, определяющих и влияющих на формирование поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве;

- раскрытия правовой природы и значения поведенческой характеристики обвиняемого в уголовном судопроизводстве, определения места этого правового явления в категориальном аппарате науки уголовного процесса;

- изложения структуры и содержания поведенческой характеристики обвиняемого, определения её соотношения с собственно уголовно-процессуальным поведением данного участника уголовного процесса;

- моделирования и анализа связей поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность в досудебном и судебном производстве;

- определения параметров и степени влияния поведения обвиняемого на решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве;

– разработки и формулирования предложений по совершенствованию действующих в рассматриваемой сфере правовых норм и практики их применения на основе анализа выявленных при проведении исследования нарушений требований закона.

Объектом диссертационного исследования являются складывающиеся в уголовном судопроизводстве общественные отношения, одним из субъектов которых выступает лицо, вовлечённое в процесс в качестве обвиняемого (подозреваемого).

Предмет исследования – нормы процессуального права, регламентирующие правовое положение обвиняемого (подозреваемого); порядок реализации предоставленных ему прав и исполнения возложенных обязанностей; его взаимоотношения с другими участниками уголовного судопроизводства; содержание и процедура вынесения процессуальных решений по уголовному делу. Составным элементом предмета исследования является практика реализации указанных норм и их научная трактовка.

Методология исследования сформирована совокупностью использованных общенаучных и специальных методов познания правовой действительности: диалектического, логического, исторического, сравнительно-правового, формально-юридического, социологического и других.

Теоретическую основу исследования составили научные труды в области философии, психологии, социологии, общей теории права, конституционного, уголовно-процессуального и уголовного права, криминологии, криминалистики и других фундаментальных и прикладных наук. Широко представлены работы дореволюционных российских юристов, зарубежных авторов, ученых советского периода, современных процессуалистов. Рассматриваются решения и теоретико-правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Верховного Суда РФ и СССР, касающиеся исследуемых вопросов.

Нормативно-правовая база исследования: Конституция РФ, нормативные положения соответствующих международно-правовых документов, УПК, УК РФ, федеральные конституционные и федеральные законы («О судебной системе Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции»), другие нормативно-правовые акты. Привлекались также зарубежные источники и правовые акты дореволюционной России, СССР, РСФСР.

Эмпирическую базу исследования составили сведения, полученные при обобщении статистических данных, анкетировании практических работников, изучении уголовных дел, а также опубликованных материалов судебно-следственной практики. Автором обобщены 300 уголовных дел различных категорий, рассмотренных судами Саратовской, Московской и Тамбовской областей в период с 2007 г. по март 2015 г.; проведено анкетирование 284 практических работников Тамбовской, Липецкой, Орловской, Саратовской, Брянской областей, Ставропольского края из числа следователей, дознавателей, руководителей следственных органов, адвокатов, прокурорских работников и судей; изучены опубликованные материалы практики Верховного Суда РФ за 2010 г. – март 2015 г.

Научная новизна исследования определяется его целью, задачами и проявляется в нетрадиционном подходе к обозначению и освещению вопросов избранной проблематики. Впервые в уголовно-процессуальной науке самостоятельным объектом исследования становится поведение обвиняемого при производстве по уголовному делу, системный анализ которого повлек обоснование авторской концепции поведенческой характеристики данного участника процесса, аккумулирующей основные материально и процессуально значимые сведения о личности обвиняемого, что позволило выявить и раскрыть механизм воздействия поведения

обвиняемого на решения, принимаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующих **основных положениях, выносимых на защиту, и авторских предложениях по совершенствованию законодательства:**

1. Выступая в виде одной из форм отражения личности обвиняемого и являясь структурным элементом указанного правового феномена, уголовно-процессуальное поведение обвиняемого представляет собой обусловленную определенными социально-правовыми факторами систему взаимосвязанных взглядов, отношений, действий (бездействия) лица, изобличаемого в совершении преступления, проявляемых и осуществляемых им с целью защиты своих прав и интересов при производстве по уголовному делу.

2. Объективированно-собираемым «портретом» уголовно-процессуального поведения обвиняемого, системно отражающим его суть, содержание и направленность в материалах уголовного дела, выступает поведенческая характеристика обвиняемого. Являясь по существу информационной моделью поведения обвиняемого, поведенческая характеристика эквивалентно-аналогово отражает структуру самого поведения и включает в себя: а) биографические сведения, позволяющие идентифицировать обвиняемого; б) данные уголовно-правового характера о личности обвиняемого и действиях, вменяемых ему в вину, которые имеют значение для квалификации деяния при принятии уголовно-процессуальных решений по существу уголовного дела, об избрании меры пресечения и другим вопросам; в) отношение обвиняемого к предъявленному обвинению, и выражающее его позицию по уголовному делу; г) сведения, характеризующие поведение обвиняемого относительно осуществляемого производства по уголовному делу (содействие, противодействие); д) информацию о семейном положении, роде и характере занятий до привлечения в качестве обвиняемого, социальном положении, состоянии

здоровья, психологических особенностях и других сторонах личности обвиняемого; е) сведения, раскрывающие отношения обвиняемого с потерпевшим (гражданским истцом), в том числе касающиеся возмещения причинённого ему вреда.

3. Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов процессуального и непроцессуального характера. Субъектно-личностная мотивационная составляющая поведения обвиняемого, обусловленная его личностными качествами и свойствами, и внешняя мотивационная (ситуационная) составляющая его поведения находятся в диалектической взаимозависимости, поскольку всё происходящее с обвиняемым при производстве по уголовному делу, принимаемые в его отношении процессуальные решения, действия других участников процесса и иные обстоятельства объективного порядка, формирующие его поведение, воспринимаются обвиняемым в соответствии с его психофизиологическим состоянием и сложившейся у него системы ценностей и внутриличностных качеств.

4. Объединение в одну систему разных обстоятельств и факторов, детерминирующих поведение обвиняемого, придание им потенциально равного значения в этом процессе не означают признания их одинакового воздействия на поведение обвиняемого. Типологизация отражает абстрактный, виртуальный процесс, в то время как в каждом уголовном деле в качестве обвиняемого выступает конкретный человек со своими индивидуальными особенностями, и всё производство по делу (его субъектный состав, используемые процессуальные средства и способы воздействия на обвиняемого, складывающиеся при этом правоотношения и т.д.) приобретает специфически индивидуальный характер.

5. Факторологическую основу уголовно-процессуального поведения обвиняемого образуют прежде всего обстоятельства, непосредственно

характеризующие участие обвиняемого в уголовно-процессуальной деятельности: его права и обязанности; ответственность за ненадлежащее поведение, взаимоотношения с другими участниками уголовного судопроизводства (потерпевшим, защитником, должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу); личностные свойства, имеющие прямое отношение к осуществляемой в отношении него деятельности.

б. Права и обязанности обвиняемого, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, образуют правовой базис его поведения в уголовном судопроизводстве. Выступая в качестве основополагающих компонентов правового статуса, определяя пределы возможного и должного поведения, права и обязанности закладывают определённую программу поведения обвиняемого в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Всемерное расширение прав и возможностей обвиняемого по оказанию реального влияния на осуществление уголовно-процессуальной деятельности и принимаемые в его отношении решения должно сочетаться с чётким (должным) упорядочением его обязанностей, исключающим возможность манипулирования им спецификой своего статуса.

Законодательное обеспечение ответственного отношения обвиняемого к использованию предоставленных ему законом прав и исполнению возлагаемых на него обязанностей не может расцениваться как посягательство на его права или их ограничение, так как объективно отвечает не только публичным интересам, но и интересам самого обвиняемого. Это прежде всего касается права обвиняемого на дачу и отказ от дачи показаний. Соглашаясь давать показания, он должен осознавать, что ему придётся изложить все известные обстоятельства по уголовному делу (конкретные предложения по совершенствованию УПК в части регламентации прав и обязанностей обвиняемого даны в приложении 3).

7. Формы связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу должностными лицами и органами, как и степень влияния исследуемого явления на указанные решения, весьма разнообразны. Наиболее типичными и распространёнными являются связи, при которых поведенческая характеристика порождает основания для принятия процессуального решения, либо выступает в виде составной части указанного основания как необходимого условия для принятия соответствующего решения, либо обстоятельства, учитываемого при его принятии.

8. В рамках правового регулирования отношений обвиняемого и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, на основе исследованных в диссертации форм связей поведения обвиняемого с процессуальными решениями и предмета соответствующего правоотношения складывается определённый механизм воздействия поведенческой характеристики обвиняемого на решения, принимаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Этот механизм представляет собой правовую технологию перевода охватываемых поведенческой характеристикой обвиняемого и осуществляемых им в рамках норм уголовно-процессуального регулирования действий, поступков и других проявлений (заявление ходатайств, выражение согласия и т.п.) в плоскость процесса принятия процессуальных решений, а также структурирования их в систему элементов данного процесса, определяющих направленность и результативность принимаемого акта. Содержание рассматриваемого механизма предстаёт в виде системы (набора) правовых средств, включающей уголовно-процессуальные нормы, регулирующие права, обязанности и взаимоотношения обвиняемого с органами и должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность; полномочия последних; правоотношения, складывающиеся между указанными субъектами; юридические факты, влекущие

возникновение, развитие и прекращение этих отношений; нормы, регулирующие основания, условия и процессуальный порядок, режим и последовательность принятия и реализации уголовно-процессуальных решений. Выступая в виде некоего условно существующего самостоятельного образования, изложенная система является частью общего порядка и правового механизма, лежащего в основе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

9. Основания, условия, юридические факты, другие проявления указанных форм связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу, находятся в диалектической взаимосвязи с обстоятельствами, образующими предмет всякого уголовного дела. Именно поэтому механизм воздействия поведенческой характеристики на процессуальные решения по уголовному делу предполагает возможность преобразования, содержательного изменения направленности, правовой значимости, а также взаимозамещения форм связи указанных правовых явлений. Переход из одного состояния в другое и, наоборот, изменение юридической сущности, приобретение разномаркированных направлений правовой значимости – неотъемлемое свойство и специфическая черта механизма перевода информационно насыщенных элементов уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого в плоскость процесса принятия процессуальных решений по уголовным делам.

10. Поведение обвиняемого, проявляемое в действиях, заявлениях, ходатайствах и иных документах, содержащих сведения об определенных конкретных обстоятельствах уголовного дела, которые могут создавать основания для производства процессуальных действий или принятия решений, должно во всех случаях выступать юридическим фактом, влекущим принятие должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, решения о проверке и исследовании этих сведений с последующей констатацией результатов такой деятельности в

соответствующем уголовно-процессуальном документе. Положительные результаты, то есть Подтверждение верности указанных сведений, в свою очередь, могут образовывать основания для принятия решения об их реализации в том или ином виде – назначении экспертизы, перепредъявлении обвинения, изменении квалификации преступного деяния либо прекращении уголовного преследования и т.д. При нежелании или невозможности использования полученных сведений в указанном качестве дознаватель или следователь должен вынести соответствующее мотивированное решение.

11. Познавательный и правообеспечительный аспекты правовой природы связи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными актами присутствуют и проявляются при принятии любого судебного решения. Однако степень активности их проявления и влияния на процесс принятия решений неодинакова. В зависимости от этапа, стадии судебной деятельности, её направленности и конкретных целей тот или иной аспект может приобретать превалирующее или подчинённое значение. Исходя из этого, все судебные акты подразделяются на три группы: 1) судебные акты, в которых разрешаются вопросы факта совершения преступления, квалификации и наказания, а также все иные решения, принятие которых связано с установлением определённых обстоятельств, их исследованием и оценкой доказательств; 2) судебные решения организационно-процессуального плана, основное назначение которых – обеспечение проведения судебного разбирательства и прав его участников; 3) судебные акты, подчинённые исключительно обеспечению реализации прав обвиняемого, разрешению заявляемых им ходатайств и жалоб.

12. Предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере касаются следующего: 1) изменить содержание отдельных пунктов ч. 4 ст. 47 УПК, что позволит обвиняемому участвовать практически во всех следственных действиях; 2) дополнить указанную статью набором обязанностей обвиняемого, которые предполагаются исходя

из действующей регламентации положения обвиняемого и без которых невозможно судить о правомерности (неправомерности) поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве; 3) дополнить ч. 1 ст. 111 УПК положением, касающимся целей применения иных мер процессуального принуждения; 4) закрепить в ч. 1 ст. 108 УПК положение о том, что заключение под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, может применяться только в случае нарушения ими ранее применённой к ним меры пресечения; 5) охарактеризовать в УПК фактические основания принятия уголовно-процессуальных решений посредством использования терминов «данные» или «сведения», сопровождая их прилагательным «фактические»; 6) сделать явку с повинной, обременённую обстоятельствами, указанными в ст. 25, 28 и 28.1 УПК, самостоятельным основанием для отказа в возбуждении уголовного дела; 6) предоставить обвиняемому право сразу после предъявления обвинения в случае согласия с ним и признания себя виновным ходатайствовать о применении в отношении него особого порядка вынесения приговора; 7) в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК предусмотреть, что обвиняемый может давать не только показания, но и объяснения; 8) ст. 77 УПК озаглавить: «Показания и объяснения обвиняемого», ввести в неё новую часть, в которой дать определение объяснений по аналогии типу, использованному применительно к показаниям; 9) указать, что подсудимый пользуется правом на допрос свидетелей, потерпевших и других лиц, допрашиваемых в процессе судебного разбирательства; 10) части 1 и 2 ст. 292 УПК объединить в одну и дать в ней прямой перечень всех лиц, принимающих участие в судебных прениях.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в обосновании нового подхода к аккумуляции по уголовному делу материально и процессуально значимых сведений о личности обвиняемого, предстающих в виде поведенческой характеристики этого участника

процесса; в определении и раскрытии ее видов и форм связей с процессуальными решениями, принимаемыми в уголовном судопроизводстве. Содержащиеся в работе выводы, предложения и рекомендации создают предпосылки для углублённого исследования научных проблем, связанных с личностью обвиняемого, необходимостью совершенствования его правового положения и форм воздействия на результативность уголовного судопроизводства. Полученные результаты могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также в учебной работе при изучении курса уголовного судопроизводства и отдельных спецкурсов в юридических учебных заведениях, в системе переподготовки и повышения квалификации работников правоохранительных органов и судов.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Ее основные положения, выводы и предложения изложены автором в семи научных статьях, четыре из которых опубликованы в научных рецензируемых журналах, включённых в Перечень ВАК при Министерства образования и науки РФ. Результаты исследования также прошли апробацию в ходе участия автора в работе международных и всероссийских научно-практических конференций: «Правонарушение и юридическая ответственность» (Тольятти, 14–15 декабря 2011 г.); «Правонарушение и юридическая ответственность» (Тольятти, 13–14 ноября 2012 г.); «Уголовное судопроизводство: история и современность» (Москва, 20–21 марта 2014 г.); «Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве» (Тольятти, 16 апреля 2014 г.). Некоторые положения, выработанные в процессе диссертационного исследования, используются в педагогической практике автора в ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения, библиографического списка, приложений.

**Глава I. Поведенческая характеристика обвиняемого
как уголовно-процессуальная категория:
сущность, содержание, структура**

**§ 1. Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого,
его содержание, структура и виды**

Поведение в широком смысле представляет собой явление, характеризующее взаимодействие живых существ с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) деятельностью¹. Человек живет и действует, совершая определенные поступки. В этих поступках и общении с другими людьми, то есть в деятельности, проявляются его поведение и основные социально-психологические свойства. Деятельность человека не может быть понята и объяснена вне зависимости от его психической жизни, его внутреннего мира. Человек всегда выражает отношение к тому, что он познает или делает. Состояние психики человека (уверенность, бодрость, надежда или, наоборот, беспокойство, раздражение, заботы) оказывает сильное влияние на его поведение и результаты деятельности².

В общей психологии поведение человека интерпретируется в двух контекстах: 1) присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью; 2) неосознанные поступки, в том числе регулируемые операциональными установками и стереотипами автоматизированного поведения, которые позволяют субъекту на уровне

¹ См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 504; *Клаус Г. Кибернетика и философия* / пер. с нем. И.С. Добронравова; посл. Л.Б. Баженова. М., 1963. С. 142; *Гобозов И.А. Социальная философия*. М., 2008. С. 218–219; *Психология: Полный энциклопедический справочник* / сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб., 2007. С. 507; и др.

² См.: *Анисимов С.Ф. Мораль и поведение*. М., 1985. С. 12; *Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов*. СПб., 2008. С. 455–468; *Добросельский П.В. Общие аспекты психики*. М., 2008. С. 9–16; и др.

подсознания предвосхищать события и способы действия, опираясь на опыт поведения в аналогичной ситуации¹.

Таким образом, понятие «поведение человека» содержит в себе целенаправленные поведенческие акты и неосознанное поведение. В контексте данного диссертационного исследования нас интересует прежде всего первый контекст исследуемого явления – осознанное поведение человека. В этом смысле поведение человека предстает как «система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определенной функции и требующих его взаимодействия со средой»². В структуре такой осознанной предметной деятельности исследователи усматривают следующие элементы: субъект, мотив, цель, средства (орудия), процесс, объект и результат деятельности³. Оценив условия деятельности, определив ее цель, субъект выбирает наиболее оптимальные варианты, средства действия и добивается соответствующих результатов в процессе деятельности⁴. При этом цель как идеальная модель результативной деятельности всегда предстает в виде удовлетворения потребностей и интересов индивида, а мотив служит внутренним побуждением к деятельности, связанной с определенными потребностями человека⁵. В.В. Мальцев справедливо отмечает, что поведение человека – это «имеющая природные предпосылки социально обусловленная деятельность, регулируемая заранее поставленной целью, которая избирается обладающей способностью к свободному выбору и самостоятельному принятию решений личностью»⁶;

¹ См. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.Г. Ярошевского. М., 1985. С. 244.

² Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 70.

³ См.: *Лаврухин С.В.* Поведение преступника как объект криминалистического моделирования. Саратов, 2005. С. 37.

⁴ См.: *Фролов В.В.* Общественные законы в условиях социализма: философско-психологический анализ. М., 1990. С. 23.

⁵ См.: *Самсин А.И.* Социально-философские проблемы исследования потребностей. М., 1987. С. 41–49.

⁶ *Мальцев В.В.* Категория «общественно опасное поведение» и ее уголовно-правовое значение // Государство и право. 1995. № 9. С. 57.

В науке различают два вида направленности осознанного человеческого поведения:

- реактивное поведение, которое представляет собой в основном реакции на различные внутренние и внешние стимулы (раздражители);
- активное поведение, которое связано со способностями человека к сознательному выбору целей и форм поведения для достижения выбранных целей¹.

Наряду с этим в целенаправленном (осознанном) поведении человека выделяются две функционально взаимосвязанные стороны: побудительная и регуляционная. Побудительная обеспечивает (стимулирует) направленность и активность поведения. Она связана с понятием мотивации, представлением об интересах, потребностях, целях, побуждениях, намерениях и стремлениях человека. Поэтому для управления поведением человека с точки зрения побудительной стороны нужны адекватные средства навигации: идеи, вера, методы и т.п. Невозможно управлять поведением людей, не зная и не учитывая их психические особенности.

Регуляционная сторона отвечает за то, как поведение складывается от начала до конца (до достижения поставленной цели) при тех или иных условиях. Регуляцию поведения человека в этой части обеспечивают в основном различного рода процессы и состояния².

Знание и учет психических особенностей человека, факторов, влияющих на его поведение, функциональных осознанных и неосознанных сторон его деятельности, реактивных и активных состояний позволяют не только предугадывать возможное поведение человека, но и в какой-то степени управлять им, что обуславливает необходимость изучения поведения человека в рамках различных правовых дисциплин.

Юридическая психология изучает поведение человека в целях определения психологических типов и особенностей личности преступника,

¹См.: Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология. М., 2000 С. 95–96.

²См.: Там же.

предпосылок и особенностей мотивации преступного поведения и т.д.¹ Уголовно-правовой аспект исследования поведения личности предполагает его рассмотрение не только как деяния (поступка в виде действия или бездействия), подпадающего под признаки преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, но и поведения, влияющего на назначение наказания и его отбывания². Криминологическое изучение поведения человека состоит в исследовании процесса зарождения преступления, его возникновения, развития и т.д.³

Науку уголовного процесса интересует анализ содержания и особенностей поведения обвиняемого до и во время производства по уголовному делу. Это весьма важно как с теоретической, так и с практической точки зрения. Теоретическая интерпретация позволяет раскрывать свойства личности обвиняемого и те стороны внешней среды, которые обуславливают совершение преступления, стимулируют позитивное посткриминальное поведение обвиняемого⁴; в практическом аспекте – помогает определить меры, способные обеспечить более эффективное достижение уголовным судопроизводством своего назначения.

Однако в уголовно-процессуальной науке предметом исследования в основном выступало не процессуальное поведение, а личность обвиняемого, которая исследовалась под углом зрения состава преступления и других обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку данные о личности обвиняемого и обстоятельства, характеризующие его поведение до совершения преступления, образуют неотъемлемый элемент предмета уголовно-процессуального доказывания. Это проявлялось даже в структурировании сведений, составляющих в своей совокупности объём и

¹ См.: *Кудрявцев В.Н.* Мотивы преступного поведения // *Юридическая психология.* 2007. № 4. С. 2–7; *Пахомов С.Н.* Психология обыска // *Юридическая психология.* 2007. № 4. С. 7–10; *Косарев В.Н.* Причинный механизм формирования корыстного поведения // *Российский следователь.* 2009. № 14. С. 18, 19; и др.

² См., напр.: *Щерба С.П., Савкин А.В.* Деятельное раскаяние в совершенном преступлении (значение, правовые последствия и доказывание). М., 1997. С. 5–14.

³ См., напр.: *Купцова К.О.* Преступное поведение и механизм совершения вымогательства // *Право и политика.* 2011. № 6. С. 967–973.

⁴ О посткриминальном поведении см.: *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985. С. 3.

систему такого изучения. Например, все шесть групп таких сведений, выделенных М. Г. Коршиком и С. С. Степичевым, помимо демографических и установочных данных, характеризовали либо общественное лицо обвиняемого, либо его состояние здоровья и поведение в быту, либо содержали другие сведения об обвиняемом, касающиеся его моральных и интеллектуальных качеств. Места для процессуального поведения обвиняемого в указанной классификации не нашлось¹. В классификации, предложенной Н.Т. Ведерниковым, отношение обвиняемого к содеянному и его поведение в ходе следствия (судебного разбирательства это исследование не касалось) было обозначено последним из семи пунктов².

Особенно большое внимание в прошлом уделялось изучению действий, поступков обвиняемого, так или иначе связанных с преступлением, поскольку считалось, что они могут выступать в качестве «улик поведения» и быть признаны косвенными доказательствами по уголовному делу³. К поведению, акты которого могли иметь самостоятельное доказательственное значение, в частности, предлагалось относить поведение обвиняемого, направленное на уклонение от ответственности, указывающее на его осведомленность об определённых обстоятельствах, использовании обвиняемым предметов преступления и косвенном признании им своей виновности⁴. Отмечая эту сторону вопроса, следует иметь в виду, что указанные доказательства характеризуются рядом особенностей. В частности, их создает сам обвиняемый, изобличающий себя своим же поведением. Если доказательства, относящиеся непосредственно к личности обвиняемого, носят как бы статический характер (например, свойства, знания и навыки, имеющиеся у обвиняемого на момент совершения преступления), то улики поведения отражают личность обвиняемого в динамике — в его

¹ См.: Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969. С. 16–17.

² См.: Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск, 1968. С. 33.

³ См., напр.: Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. С. 43–53; Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М., 1979. С. 82–87; Он же. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб., 2005. 122–129; и др.

⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 275.

действиях, высказываниях. Если данные о личности обвиняемого существуют независимо от инкриминируемого ему преступления, то улики поведения, напротив, тесно с ним связаны. Более того, доказательственное значение имеет лишь то поведение обвиняемого, которое непосредственно связано с преступлением. Если же связь между поведением обвиняемого и расследуемым преступлением не может быть установлена, то такое поведение не служит и не может служить доказательством. В качестве изобличающих доказательств предлагается рассматривать лишь следующие виды поведения обвиняемого независимо от того, проявилось ли оно после или до совершения преступления: 1) поведение, направленное на уклонение от грозящего наказания; 2) поведение, в котором обвиняемый проявляет виновную осведомленность, то есть осведомленность о событии, характере или обстоятельствах преступления, которые могли быть известны только лицам, принимавшим участие в его совершении; 3) другие виды поведения, косвенно свидетельствующие об осознании обвиняемым своей виновности¹.

Разумеется, доказательственное значение подобных улик поведения не всегда предопределённо и равноценно: нередко такое поведение может быть вызвано чрезмерным любопытством или ошибочными опасениями невинного человека. Поэтому при оперировании указанными доказательствами требуется особое внимание и строгое соблюдение требований закона, касающихся проверки и оценки доказательств.

Исследование поведения обвиняемого как внешнего проявления действий, поступков, высказываний до совершения преступления во время предварительного следствия и судебного рассмотрения дела П.П. Цветковым расценивалось как ключ к изучению и объяснению его взглядов и убеждений, что обеспечивало лучшее понимание взаимоотношений с окружавшими его людьми, обоснованность выдвижения версий, успех проведения его допроса,

¹См.: Мудьюгин Г.Н. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого // Социалистическая законность. 1961. № 6. С. 29, 30.

очных ставок, проверки показаний на месте и других следственных действий¹.

В дальнейшем учение об уликах поведения обвиняемого во многом составило теоретическую основу предпринимаемых попыток применения детектора лжи в уголовном судопроизводстве в качестве источника доказательств².

Так или иначе, но проблема личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве в основном сводилась к раскрытию его автобиографических данных, личностных свойств и других вопросов, связанных с совершением преступления и с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу.

При всей важности проведенных ранее исследований проблемы личности обвиняемого происходящие в настоящее время изменения уголовно-процессуального законодательства, касающиеся построения уголовного процесса на состязательных началах, наделения обвиняемого статусом полноправного участника процесса, расширения его возможностей по определению форм уголовного судопроизводства и других институтов уголовно-процессуального права порождают объективную необходимость выделения в качестве самостоятельного предмета научного исследования поведения обвиняемого, проявляемого им в ходе производства по уголовному делу, и связи этого поведения с другими аспектами и направлениями уголовно-процессуальной деятельности.

Кроме того, следует иметь в виду, что до настоящего времени поведение обвиняемого в уголовно-процессуальной науке исследовалось без учета составляющих его фундаментально значимых факторов: реактивности

¹ См.: *Цветков П.П.* Исследование личности обвиняемого (на предварительном следствии и в суде первой инстанции). Л., 1973. С. 5.

² См.: *Пеленицын А.Б., Сошников А.П.* Полиграф: научная обоснованность // *Эксперт-криминалист.* 2011. № 2. С. 12–15.

и активности¹. Под реактивностью в психологии понимается возможность организма приспосабливаться к среде. Например, В.В. Станчинский отмечал две реакции организма в процессе его приспособления к новым условиям существования: феноакклиматизацию и геноакклиматизацию. *Феноакклиматизация* – это непосредственная реакция организма на новую среду, выражающаяся в фенотипических, компенсаторных, физиологических изменениях, которые помогают организму сохранить в новых условиях равновесие. При переходе к прежним условиям восстанавливается и прежнее состояние фенотипа, компенсаторные, физиологические изменения исчезают. *Геноакклиматизация* – это принципиально иной путь приспособления организма к среде. В этом случае речь идет о гораздо более глубоких сдвигах в морфологии и физиологии, а самое главное о передаче их по наследству, о переходе фенотипических изменений, происходящих в условиях новых биоценозов, в генотип и закреплении их в качестве новых наследственных характеристик популяций, географических рас и видов².

Активность поведения предполагает возможность приспособлять среду к себе. Чем выше уровень организации живого организма, тем большее значение приобретает активность по сравнению с реактивностью. У человека высшим уровнем активности является деятельность, которая позволяет ему решать сложные задачи, связанные с преобразованием не только предметного материального мира, но и мира идеального, духовного, внутреннего³. Активность как центральная составляющая поведения человека не возникает сама по себе спонтанно, а детерминирована определенными состояниями человека как организма, социального индивида и личности, выражающими зависимость его от окружающей среды: материальной, социальной, духовной⁴. Более того, активность и реактивность

¹ См.: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения. Томск, 1978. С. 16–18; Гуськова А.П. Выявление судом обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. М., 1984. С. 14–16; Мудьюгин Г.Н. Указ. соч. С. 28–34; и др.

² См.: Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Указ. соч. С. 101–102.

³ См.: Манешин В.С. Дисциплина и общество (социально-философский аспект). М., 1984. С. 211–212.

⁴ См.: Дружинин В.Ф. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях. М., 1996. С. 127.

выступают, характеризуя уровень социального индивида, как содержательные характеристики поведения человека и определяются уже в полной мере мотивами, ценностями, смыслами. Тем не менее, и здесь реактивность дает возможность адаптироваться к ситуации, а активность – ее преобразовывать¹.

В уголовном судопроизводстве поведение обвиняемого тоже складывается из реактивных и активных аспектов. Реактивный аспект поведения обвиняемого проявляется в форме феноакклиматизации, то есть непосредственной реакции обвиняемого на новую среду, новые условия и предполагает, что основу его поведения образует прежде всего реакция на воздействующие на него внешние факторы, действия и решения, принимаемые в отношении него органами предварительного расследования и суда. Такая реакция бывает самой разной. Иногда она выражается в крайне негативных формах и приводит к психическим срывам. Так, М., будучи законопослушным человеком, исполнительным работником, порядочным семьянином, попав в СИЗО в связи с обвинением в хранении пистолета, который на самом деле в дом принес его сын, под воздействием первичного стресса через две недели оказался в психлечебнице, а затем был признан страдающим психическим расстройством, временно исключаящим производство по уголовному делу. Находясь в СИЗО, М. практически был раздавлен, абсолютно не задумывался о своей защите. В процессе общения с защитником твердил только об одном – об освобождении из места заключения. Был испуган, лишился сна и желания есть².

Совершенно иной на подозрение и заключение под стражу была реакция А. Он прежде всего озаботился своим бытом. Сам и с помощью защитника выяснил, что из утвари и вещей разрешается иметь в камере, просил родственников по возможности перечислить ему денег на

¹ См.: Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Указ. соч. С. 101–102.

² Уголовное дело № 1-32-2008 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ // Архив Советского районного суда г. Тамбова за 2008 г.

употребление предметов первой необходимости. Одновременно анализировал суть подозрения и возможные варианты попадания к нему в квартиру патронов к малокалиберной винтовке, в хранении которых без законных оснований подозревался¹.

Активный аспект поведения обвиняемого подразумевает воздействие обвиняемого на само уголовное судопроизводство, когда обвиняемый своим поведением, внося соответствующие коррективы, приспособливает саму уголовно-процессуальную деятельность к своим потребностям. Подобная ситуация возникает, когда обвиняемый заявляет ходатайства о производстве следственного действия, об участии в деле защитника, о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, желает обстоятельно ознакомиться с материалами уголовного дела и т.д. По одному уголовному делу обвиняемый настойчиво требовал производства обыска в его рабочем кабинете с целью отыскания среди документов корешка приходного ордера, подтверждавшего возврат полученных им денег, в хищении которых мошенническим путем он обвинялся².

Характеризуя уголовно-процессуальное поведение обвиняемого с точки зрения реактивности и активности, необходимо также учитывать его функционально взаимосвязанные стороны: побудительную и регуляционную. Побудительная сторона поведения обвиняемого обеспечивается (стимулируется) его потребностями, целями, побуждениями, намерениями и стремлениями. В качестве стимулов выступают объективные, то есть внешние по отношению к человеку воздействия, которые способны побуждать его к определенному поведению, вызывать его активность. Они являются основой возникновения и существования мотивов деятельности³. Стимулы – это осмысленные побуждения, то есть потребности, вызванные

¹Уголовное дело № 1-27-2009 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ // Архив Советского районного суда г. Тамбова за 2009 г.

²Уголовное дело № 1-31-2010 по обвинению З. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ // Архив Октябрьского районного суда г. Тамбова за 2010 г.

³См.: *Лебедев В. М.* Акробология (общая часть). Томск, 2000. С. 18–30.

воздействием объективных факторов¹. Осмысление потребностей – необходимый момент их реализации. Действие стимулов побуждает обвиняемого к поведению, которое соответствует его интересам, правильно выбранные стимулы направлены на реализацию и общественных интересов. Их действенность предполагает формирование у обвиняемого устойчивой внутренней потребности в надлежащем (позитивном) поведении, то есть формирование внутренней положительной мотивации. Для управления поведением обвиняемого необходимы не просто стимулы, а стимулы, в максимальной степени адекватные интересам обвиняемого. Только при этом условии стимул может вызвать соответствующий ему мотив, а последний – желаемое поведение².

Необходимо иметь в виду, что варианты поведения обвиняемого могут быть различными при одних и тех же стимулах. Иногда самые, казалось бы, действенные стимулы дают ничтожный, а то и отрицательный результат и наоборот. Например, в отношении Ш., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, с учетом обстоятельств, характеризующих его личность, небольшой тяжести совершенного деяния, признания вины в качестве меры пресечения была избрана подписка о невыезде и надлежащем поведении. Однако вместо сотрудничества с органами он скрылся от следствия и был обнаружен в результате розыска. Объяснить разумно причины своего поведения не мог³.

¹ Крайняя форма обусловленности поведения организма на стимулы отражена в философском учении бихевиоризма. Бихевиоризм – направление в американской психологии, зародившееся в начале XX в. Особенностью этого направления был отказ от изучения психики как непознаваемого явления. При этом полностью исключались из рассмотрения психические процессы, а поведение сводилось к совокупности реакций на стимулы (см.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 402–403).

² В криминалистике дополнительно выделяют проблемные следственные ситуации, организационно-неупорядоченные ситуации, ситуации тактического риска и др. Принимая во внимание, что объектом исследования настоящей работы является поведение именно обвиняемого, то отмеченные следственные ситуации остаются за рамками нашего исследования (см.: *Полищук Д.А.* Психологические особенности общения при допросе // Прокурорская и следственная практика. 2002. № 1/2. С. 199–215; *Саморока В.А.* Тактика допроса и стратегия поведения: криминалистика // Российский следователь. 2005. № 12. С. 2–4; *Полстовалов О.В.* Подготовка к преодолению конфликтов, возникающих при производстве следственных действий // Вестник криминалистики. 2006. № 2 (6). С. 40–45; и др.

³ Уголовное дело № 1-4-2014 по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ // Архив Токаревского районного суда Тамбовской области за 2014 г.

В другом случае следователь, не веря в искренность показаний обвиняемого о количестве похищенных с территории завода электроламп, предложил ему перечислить все случаи вывоза ламп с завода и мысленно пересчитать их, сказав, что эти лампы имеют специальное назначение и в них в настоящее время испытывается повышенная потребность. Проникнувшись пониманием сложившейся ситуации, обвиняемый не только назвал количество похищенных ламп, но и предложил показать место захоронения нереализованной их части¹.

Стимуляция поведения обвиняемого во многом обеспечивается за счет поощрения его надлежащего (позитивного) поведения. При этом стимулироваться может как активное, так и реактивное процессуальное поведение обвиняемого, например выдача пособников, воздержание от совершения определенных действий и т. п.

Регуляционную сторону процессуального поведения обвиняемого обеспечивают в основном различного рода процессы и состояния – например, права и обязанности, возложенные на обвиняемого, установленный законом порядок производства по уголовному делу и другое. Под воздействием принципа состязательности и равноправия сторон все больше прослеживается тенденция, согласно которой изменяется побудительная и регулятивная стороны процессуального поведения обвиняемого, он превращается из некогда пассивного (реактивного, приспособляемого) объекта исследования органов предварительного расследования и суда в полноправного и активного субъекта уголовного судопроизводства. Только 74 обвиняемых из трехсот обобщенных нами уголовных дел (11,3%) отказались от дачи показаний и не выражали никакого отношения к предъявленному обвинению, к уголовному делу в целом (приложение 2). Одним из побудительных факторов активного поведения обвиняемого в условиях состязательного построения уголовного

¹Уголовное дело № 1- 45-2007 по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ // Архив Марковского городского суда Саратовской области за 2007 г.

судопроизводства выступает разделение уголовно-процессуальных функций и отделение суда от сторон (суд не является органом уголовного преследования), в то время как регуляционный аспект поведения обвиняемого в значительной степени обусловлен расширением его прав, позволяющих активно участвовать в производстве по уголовному делу, то есть самой средой, в которой оказывается обвиняемый.

Именно такое построение уголовного судопроизводства в полной мере соответствует закономерности «чем выше уровень организации организма, тем большее значение приобретает активность по сравнению с реактивностью»¹. Поэтому поведение обвиняемого в целом приобретает качественно иной характер, оно выступает как необходимый атрибут самого процесса и предстает в виде многостороннего правового явления — не только средства раскрытия преступления и изобличения виновного (улики поведения), назначения справедливого наказания, но и как действенного средства защиты обвиняемым своих прав и интересов по уголовному делу; необходимого условия возникновения, изменения и прекращения уголовно-процессуальных правоотношений; условия дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Построение уголовного судопроизводства на состязательных началах предполагает не только реактивный, но и прежде всего активный аспект поведения всех его участников. При этом активное поведение участников уголовного судопроизводства во многом обусловлено правильностью определения его побудительной и регулятивной сторон. Правильная расстановка стимулов и должное правовое регулирование поведения участников являются необходимыми условиями организации современного уголовного судопроизводства. Показательно в этом отношении уголовное дело по обвинению одного из участников банды Цапко (ст. Кущевская Краснодарского края), осужденного по выделенному в отдельное

¹ См.: *Ситаров В.А., Пустовойтов В.В.* Указ. соч. С. 102.

производство уголовному делу в связи с заключенным досудебным соглашением. Осужденный активно сотрудничал со следствием, выдал соучастников жестоких преступлений, подробно рассказал об обстоятельствах их совершения. С учетом этого ему было назначено наказание в виде 20 лет лишения свободы, хотя по закону грозило пожизненное лишение свободы¹.

Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого – динамически развивающееся явление. Оно формируется и реализуется не одномоментно, а постепенно и поэтапно. Вопрос об этапах и механизме реализации поведения довольно обстоятельно изучен в уголовном праве и криминологии применительно к преступному поведению, что можно использовать и в настоящем исследовании. Так, В.Н. Кудрявцев в механизм предумышленного преступления включает три звена: мотивацию преступления; планирование преступных действий; исполнение преступления и наступление общественно опасных последствий². Что касается реализации процессуального поведения обвиняемого при производстве по уголовному делу, то в его механизме можно выделить следующие этапы:

- 1) мотивацию и определение цели процессуального поведения;
- 2) принятие конкретного решения о совершении определенного действия либо о воздержании от его совершения. Этот этап заключается в превращении мотивации в конкретный план поведения обвиняемого по уголовному делу. На данном этапе обвиняемый определяет как цели и объекты, так и средства, место, время своей деятельности. Решение о поведении обвиняемого по уголовному делу с точки зрения интеллектуально-волевого аспекта выражает готовность лица совершить определенное действие (бездействие) и представляет собой модель поведения обвиняемого, отражающую его программно – целевой комплекс;

¹ См.: Павловская Т. Кушевка возмущается // Рос. газ. 2011. № 5656, 13 дек.

² См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М., 1998. С. 33, 34.

3) реализацию решения, включая совершение процессуально – значимого действия (бездействия) и наступление его последствий. На данном этапе лицо непосредственно осуществляет задуманные действия либо воздерживается от их совершения.

С учетом изложенного, а также представлений о поведении человека, сложившихся в философии, психологии, уголовном праве и криминологии, уголовно-процессуальное поведение обвиняемого может быть определено как обусловленная определенными социально – правовыми факторами программно-целевой направленности система взаимосвязанных взглядов, отношений, действий (бездействия) лица, избличаемого в совершении преступления, проявляемых и осуществляемых им с целью защиты своих прав и интересов при производстве по уголовному делу.

Классифицировать уголовно-процессуальное поведение обвиняемого можно по различным критериям, поскольку процессуальное поведение обвиняемого во многом определяется не только его личностными качествами, но и качествами других участников процесса, с которыми он вступает в правоотношения: следователя (дознателя), судьи, потерпевшего и других субъектов. В совместной деятельности людей возникают определенные виды связей (отношений) между ними. Эти отношения оказывают большое влияние на людей, на их психологию и проявляются в поступках, действиях и конкретном поведении. Без анализа этих связей человека с другими людьми невозможно понять поведение отдельного человека. В каждом конкретном случае данные межличностные ситуации уникальны, зависят от индивидуальных особенностей психики личности и различных жизненных обстоятельств, но вместе с тем они обладают определенными чертами, позволяющими осуществить их классификацию. Так, по содержанию ситуации, в которой формируется поведение обвиняемого, подразделяется на:

а) сформированное в бесконфликтной (простой) ситуации;

б) сформированное в конфликтной ситуации¹.

Чтобы исключить механический подход к предложенным классификационным группам поведения обвиняемого, необходимо отметить, что между поведением обвиняемого и конкретной ситуацией расследования имеется двусторонняя диалектическая связь. С одной стороны, ситуация расследования может быть результатом поведения обвиняемого, с другой – поведение обвиняемого зачастую обусловлено следственной ситуацией. При этом необходимо учитывать динамичность ситуаций расследования.

Простые следственные ситуации характеризуются депроблемностью, бесконфликтностью, организационной упорядоченностью, отсутствием тактического риска. Поведение обвиняемого в бесконфликтной ситуации, как правило, сопровождается признанием им своей вины, дачей признательных показаний, добровольной выдачей пособников, похищенного имущества и т.п., что может обуславливать прекращение уголовного дела (преследования), заявление ходатайств о принятии судебного решения в особом порядке и заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласие с предъявленным обвинением и другое. В научной литературе такое поведение обвиняемого часто характеризуют как позитивное посткриминальное поведение².

Термин «посткриминальное поведение», которым представители уголовно-правовой науки обозначают поведение субъекта после совершения им какого-либо преступления, бывает: общественно полезным (правомерным), либо общественно вредным (неправомерным).

¹ В криминалистике дополнительно выделяют проблемные следственные ситуации, организационно-неупорядоченные ситуации, ситуации тактического риска и др. Принимая во внимание, что объектом исследования настоящей работы является поведение именно обвиняемого, то отмеченные следственные ситуации остаются за рамками данного исследования.

² См.: *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Томск, 1985. С. 3–6; *Кашипов Р.М.* Виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений // *Российский следователь*. 2011. № 15. С. 18–20; *Тарханов И. А.* Об уголовно-правовых предписаниях, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение (тенденции и перспективы правового регулирования) // *Уголовное право в XXI в.: материалы международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г.* М., 2002. С 203–206; и др.

Позитивное посткриминальное поведение обвиняемого, безусловно, является правомерным, представляет собой социально значимое поведение, которое не противоречит уголовному и уголовно-процессуальному праву и является общественно полезным, желательным с точки зрения интересов общества и государства (например, активное содействие раскрытию преступления, изобличение пособников). Правомерным может быть также **нейтральное поведение обвиняемого**, которое не всегда является позитивным.

Неправомерное (негативное) посткриминальное поведение может подпадать под признаки другого преступления, в этом случае налицо множественность преступлений, составляющая самостоятельный институт уголовного права¹, либо образовывать **посткриминальный проступок**. Термин «проступок» показывает, что это деяние не имеет преступного характера и занимает положение, близкое к другим непроступным антиобщественным явлениям – дисциплинарным, административным правонарушениям².

Иначе предстает поведение обвиняемого, сформированное в конфликтной ситуации. В криминалистике конфликтная ситуация при расследовании определяется как «особое состояние системы межличностных отношений двух или более участников уголовного процесса, имеющих несовпадающие интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях информационной неопределенности, возникшей в связи с планами и намерениями соперничающей стороны»³. Важнейшей особенностью конфликтных ситуаций является тактическое противодействие следователю со стороны обвиняемого, занимающего негативные позиции. Сущность конфликтной ситуации составляют два конфликтогенных фактора:

¹ См.: Фролов Е.А., Галиакбаров Р.Р. Множественность преступлений как институт советского уголовного права: лекция. Свердловск, 1967. С. 20; Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 6.

² См.: Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 3–6; Уголовное право России: практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2007. С. 148; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога 3-е изд., с изм. и доп. М., 2009. С. 242–245; и др.

³ Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Дряпкина. М., 1994. С. 45.

соперничество сторон, имеющих несовпадающие интересы; обстановка неопределенности в отношении планов и намерений противоположной стороны¹. В конфликтной ситуации поведение обвиняемого может быть не только неправомерным (негативным), но и правомерным, в том числе нейтральным.

Действия, составляющие содержание уголовно-процессуального поведения обвиняемого в конфликтной ситуации, подразделяются на **основные** и **вспомогательные**. К первым относятся действия обвиняемого, непосредственно направленные на предмет конфликта – обвинение. Содержание основного поведения обвиняемого в конфликтной ситуации составляют его действия, обусловленные отрицанием обвиняемым своей вины и, как следствие, представление соответствующих доказательств, предметов, документов, заявления алиби и т.п. Вспомогательные действия обвиняемого в конфликтной ситуации играют подчиненную роль, сами по себе для решения центральной проблемы конфликта (обвинения) они не предназначены, однако так или иначе влияют на ее решение. В этом качестве выступают: своевременная явка по вызову; приглашение защитника; строгое выполнение обязанностей, вытекающих из применяемой меры пресечения и другие.

В свою очередь, основные действия обвиняемого, образующие его содержание поведения в конфликтной ситуации, формируют наступательное (активное), оборонительное (пассивное, реактивное) и комбинированное поведение обвиняемого. **Наступательное** поведение выражают действия обвиняемого, проявляющиеся в активном осуществлении защиты от предъявленного обвинения по уголовному делу. Наступательное поведение характеризует прежде всего деятельность обвиняемого по доказыванию своей невиновности.

¹ См.: Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Дряпкина. М., 1994. С. 45.

Пассивное (оборонительное, реактивное) поведение обвиняемого характеризуется принятием мер только ответного характера на действия противоположной стороны обвинения, а также пассивностью поведения, например: обвиняемый отказывается от участия в доказывании своей невиновности, дачи показаний и т.п. **Комбинированное** поведение включает в себя сочетание первых двух. Его чаще всего можно наблюдать при производстве по многоэпизодным уголовным делам.

В зависимости от этапов уголовного судопроизводства, на которых формируется поведение обвиняемого, можно выделить:

- 1) в стадии предварительного расследования;
- 2) в судебных стадиях уголовного процесса (судебное производство), которое, в свою очередь, включает следующие подвиды:
 - а) в суде первой инстанции;
 - б) в суде апелляционной инстанции;
 - в) в суде кассационной, надзорной инстанций и при возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

С позиции возможности применения мер пресечения, поведение обвиняемого может быть двух видов: надлежащее и ненадлежащее.

В зависимости от программно-целевой установки воздействия поведения обвиняемого на действия и принимаемые по уголовному делу процессуальные решения различают:

- 1) осуществляемое в целях воздействия на действия и решения, связанные с процессом доказывания и решением основного вопроса уголовного дела.
- 2) целью которого является воздействие на иные действия и промежуточные решения органов, осуществляющих производство по уголовному делу.

В зависимости от субъектного состава взаимоотношений обвиняемого с различными участниками уголовного судопроизводства поведение обвиняемого может дифференцироваться следующим образом:

1) по отношению к органам предварительного расследования и суда (характеристикой такого поведения является содействие или противодействие производству по уголовному делу);

2) по отношению к потерпевшему (гражданскому истцу), которое, в первую очередь, характеризуется с точки зрения возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда;

3) относительно совершенного им уголовно-противоправного деяния, которое может характеризоваться совершением действий, свидетельствующих о раскаянии в совершенном или осуществлении действий противоположной направленности.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что для правильного прогнозирования, объяснения, учета и управления поведением обвиняемого в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности необходимы:

– знание психологических основ поведения обвиняемого (направленность, функциональные стороны, факторы, влияющие на его формирование, классификационные группы и др.);

– умение наблюдать внешние проявления психики обвиняемого;

– умение правильно их истолковывать и отражать в соответствующих уголовно-процессуальных актах;

– построение уголовного судопроизводства с учетом его положительного стимулирующего воздействия на поведение лица, изобличаемого в совершении преступления;

– учет реактивных и активных сторон поведения обвиняемого при наделении его правами и возложении обязанностей. При этом реактивное поведение обвиняемого обусловлено исполнением возложенных на него

обязанностей, а активное поведение – реализацией предоставленных ему прав.

Таким образом, в условиях состязательного построения уголовного судопроизводства и действующего ныне его правового регулирования поведение обвиняемого при производстве по уголовному делу становится фактором качественно иной юридической природы. Оно стало относительно самостоятельным атрибутом уголовно-процессуальной деятельности, способным оказывать влияние на многие её аспекты и направления. Прежде всего, поведение обвиняемого является одним из эффективных средств защиты им своих прав и законных интересов, поскольку в зависимости от действий, совершаемых обвиняемым (его поведения), во многом зависят действия противоположной стороны обвинения и принимаемые по уголовному делу решения. В целом уголовно-процессуальная деятельность приобретает более системный характер. По этой причине имеется необходимость объективного отражения процессуального поведения обвиняемого в материалах уголовного дела посредством формирования так называемой поведенческой характеристики этого участника уголовного судопроизводства.

§ 2. Правовая природа и значение поведенческой характеристики обвиняемого, ее место в категориальном аппарате уголовного судопроизводства.

Поскольку поведение в широком смысле – это явление, характеризующее взаимодействие живых существ с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью, постольку оно, согласно теории отражения, всегда внешне отражается в окружающей действительности. В соответствии с теорией материалистической диалектики отражение – всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отражаемому предмету. «...Вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»¹. Любое отражение несёт в себе информацию об объекте отражения. Материи вообще присуще свойство отражения. Отражение по своей природе – это способность материальных объектов оставлять в себе следы других материальных объектов при взаимодействии с ними. В большей или меньшей степени отражение свойственно всем материальным объектам при их взаимодействии с другими объектами. Не случайно говорят: «Каждая вещь – это эхо и зеркало Вселенной»².

Способность к отражению, а также характер его проявления зависит от уровня организации материи. В качественно различных формах отражение выступает в неживой природе, в мире растений, животных и, наконец, у человека. Взаимодействие различных материальных систем имеет своим результатом взаимоотражение, которое выступает часто в виде простой механической деформации (например, отпечаток тела на песке), сокращения или расширения в зависимости от колебаний окружающей температуры

¹ Ленин В.И. Теория познавательного эмпириокритицизма и диалектического материализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 18. С. 91.

² Лорен Грэхэм. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 185.

(например, термометр), отражение света, изменение электромагнитных волн (например, фотография), отражение звуковых волн (например, эхо), химических изменений (например, цвет лакмусовой бумаги), физиологических процессов (например, сужение зрачка при ярком свете и т.д.)¹. Элементарные формы отражения: механическое, физическое, химическое. В качестве особой формы отражения выступает биологическое отражение. Его специфика в том, что оно свойственно только живым организмам. С помощью биологического отражения живые организмы способны отражать как живую, так и неживую природу. Отражение человеком действительности отличается от отражения её в неживой природе как способом, так и предметом отражения, стремлением человека не только удовлетворить свои естественные потребности, но и понять объективные связи вещей сами по себе. Для отражения, свойственного человеку, характерно то, что оно есть нечто идеальное. Оно предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов, свойств и отношений и фиксации других, в превращении чувств, образа в логическую мысль, в оперировании понятийными формами знания². Указанные процессы характерны и для сферы осуществления и восприятия уголовно-процессуальной деятельности, в том числе поведения её участников, в частности обвиняемого. Его уголовно и уголовно-процессуально значимые действия, поступки, заявления и т.д. находят отражение в сознании должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, других участников процесса, в различного рода документах и актах уголовного судопроизводства.

Не является исключением в этом плане и процессуальное поведение обвиняемого, которое, будучи отражаемым объектом, оставляет о себе

¹ См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 19. С. 11.

² См.: Там же.

соответствующую информацию в окружающей среде, причем в качественно различных формах – в неживой природе (материальные следы поведения обвиняемого) и в форме идеального отражения такого поведения в сознании различных участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим необходимо четко разграничивать уголовно-процессуальное поведение обвиняемого и информационное отражение такого поведения в окружающей действительности. Отражением сущностных моментов деятельности, позиции и отношений обвиняемого, проявляемых им в ходе уголовного судопроизводства, является поведенческая характеристика обвиняемого, которая предстаёт в виде систематизированной совокупности сведений (информации) о поведении обвиняемого в ходе производства по уголовному делу.

Таким образом, информация, составляющая содержание поведенческой характеристики обвиняемого, является следствием материального и идеального отражения поведения обвиняемого в объективной действительности. В таком понимании информацию о поведении обвиняемого (поведенческую характеристику) можно рассматривать как отраженное многообразие поведения, которое возникает в результате того, что один объект (характеристика) отражает другой (поведение) и содержит эту информацию в своей структуре. Под самим *отражением* в данном случае следует понимать *перенос информации*, позволяющий *судить* об одном объекте посредством другого объекта.

К сожалению, до настоящего времени в уголовно-процессуальной науке вопрос об информационном отражении уголовно-процессуального поведения обвиняемого исследовался на уровне изучения либо самого обвиняемого¹, либо личности обвиняемого². Так, П.П. Цветков в структуре

¹ См., напр.: Матусевич И.А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975. С. 34.

² См., напр.: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения. Томск, 1978. С. 36; Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969. С. 5; и др.

личности обвиняемого выделяет различные группы сведений¹. Трудно согласиться с подобным подходом, так как личность и сведения о личности – это взаимосвязанные, но относительно самостоятельные категории.

Под личностью обвиняемого в науке уголовного процесса традиционно понимается физическое лицо, обладающее комплексом субъективных свойств, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт либо составлено обвинительное постановление². В свою очередь, личность обвиняемого, его качества проявляются в совершаемом им поведении (поступках, действиях, отношениях, позиции и т.п.). Человек живет и действует, совершая определенные поступки. Его деятельность и общение с другими людьми объединяются единым понятием «поведение». В поведении, в действиях и поступках человека проявляются его основные социально-психологические свойства.

В связи с этим логически правильно вести речь не о структуре личности обвиняемого, а о структуре поведенческой характеристики (сведений) о личности обвиняемого.

Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого и его поведенческая характеристика являются разновидностями форм проявления личных качеств обвиняемого при производстве по уголовному делу: процессуальное поведение характеризует личность обвиняемого в динамике, а поведенческая характеристика – статический результат отражения такого поведения.

С точки зрения теории информации всё обладает подобием, различные объекты обладают подобием организации своих структур, которые самим объектам принадлежат лишь потенциально и через которые выражаются

¹ См.: *Цветков П.П.* Указ. соч. С. 7.

² См., напр.: *Ведерников Н.Т.* Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения. С. 36; *Он же.* Личность обвиняемого в контексте уголовно-процессуальных отношений // Вестник ТГУ. Право. 2012. № 3. С. 11-17; *Матусевич И.А.* Указ. соч. С. 34; и др.

лишь структурная информационность реальности в целом¹. Поэтому, учитывая положения теории информации, необходимо отметить, что информационная структура, в качестве которой выступает поведенческая характеристика обвиняемого, должна отражать эквивалентно-аналоговую структуру самого поведения обвиняемого.

Подобие, аналогизм выражают соразмерную эквиваленцию структурных различий. Если бы структуры взаимодействующих объектов поведения обвиняемого и его поведенческой характеристики не обладали свойством подобия, то никакое изменение структуры одной из сторон не могло бы породить структурное изменение другой, то есть не могло бы породить феномен информации.

Таким образом, поведенческая характеристика обвиняемого и его уголовно-процессуальное поведение – тесно взаимосвязанные явления, находящиеся в аналоговых, соразмерных и эквивалентных взаимосвязях между собой. Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого обуславливает содержание и структуру его поведенческой характеристики.

С учетом содержания, структуры и классификации процессуального поведения обвиняемого, рассмотренного в предыдущем параграфе, поведенческая характеристика обвиняемого, как его эквивалентно-аналоговая структура, включает в себя:

1) сведения биографического характера, требуемые для индивидуализации личности обвиняемого (фамилия, имя, отчество, дата, место рождения, место жительства, национальность и т.д.);

2) данные уголовно-правового характера о личности обвиняемого и действиях вменяемых ему в вину, которые имеют значение при квалификации деяния, при принятии уголовно-процессуальных решений: об избрании меры пресечения, о прекращении уголовного дела и др.;

¹ См.: *Шорохова Е.В.* Тенденции исследования личности в советской психологии // Проблемы психологии личности: сб. статей. М., 1982. С. 11–24; *Шадриков В.Д.* Проблемы профессиональных способностей // Психологический журнал. 1982. № 5. С. 13–26; *Северцов А.Н.* Эволюция и психика // Психологический журнал. 1982. № 4. С. 149–159; и др.

3) сведения, отражающие отношение обвиняемого к предъявленному обвинению и выражающие его позицию по уголовному делу;

4) сведения, характеризующие поведение обвиняемого относительно осуществляемого производства по уголовному делу (содействие, противодействие, безразличное отношение и т.д.);

5) информация о психологических особенностях личности обвиняемого;

6) сведения, характеризующие отношения обвиняемого с потерпевшим (гражданским истцом), касающиеся возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда.

Необходимо отметить, что отдельные структурные элементы поведенческой характеристики обвиняемого могут иметь самостоятельное значение и выступать в качестве частных характеристик обвиняемого при принятии процессуальных решений и производстве различных процессуальных действий. Например, поведенческая характеристика обвиняемого по отношению к потерпевшему имеет правовое значение при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Характеристика психологических особенностей поведения обвиняемого помогает познать его психологический склад, индивидуальность, установить с ним необходимый контакт, что подчас крайне необходимо при производстве допроса, определении тактики проведения ряда следственных и судебных действий.

Более того, поскольку поведенческая характеристика обвиняемого является объективным, эквивалентно-аналоговым отражением его процессуального поведения, постольку каждая классификационная разновидность процессуального поведения обвиняемого может отражаться в самостоятельной поведенческой характеристике. Поэтому уместно выделять общую поведенческую характеристику обвиняемого, структура которой уже была рассмотрена, и частные поведенческие характеристики. Примерами

частных поведенческих характеристик обвиняемого выступают: поведенческая характеристика обвиняемого, отражающая его деятельность в бесконфликтной и конфликтной ситуациях; поведенческая характеристика обвиняемого в досудебном и судебном производстве по уголовному делу; поведенческая характеристика обвиняемого при избрании меры пресечения и иных ситуациях.

Выделение из общей поведенческой характеристики (аналоговой информации о поведении обвиняемого общего уровня) частных характеристик (более детальной аналоговой информации о поведении обвиняемого) имеет огромное практическое значение. Общая поведенческая характеристика обвиняемого обуславливает возможность принятия итоговых для той или иной стадии судопроизводства процессуальных решений. Частные же поведенческие характеристики обвиняемого способствуют более правильному и обоснованному принятию промежуточных уголовно-процессуальных решений, производству отдельных следственных и иных процессуальных действий. Например, решающим обстоятельством при принятии судом решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании Б. меры пресечения в виде заключения под стражу явилось то, что он непосредственно после совершения преступления добровольно явился в отдел внутренних дел и чистосердечно рассказал о содеянном¹.

В свою очередь по уголовному делу М., который подозревался в масштабном распространении наркотических веществ, одновременный обыск в жилище и кабинете подозреваемого был обусловлен прежде всего тем, что он отрицал свое знакомство с лицами, которые, судя по материалам уголовного дела, неоднократно посещали его дом и служебное помещение с целью приобретения наркотического вещества². Согласно данным

¹ Уголовное дело № 1-1-2010 по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ // Архив Токаревского районного суда Тамбовской области за 2010 г.

² Уголовное дело № 1-4-2013 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ // Архив Октябрьского районного суда г. Тамбова за 2013 г.

проведенного нами анкетного опроса практических работников, поведение подозреваемого и обвиняемого в той ли иной мере сказывалось либо учитывалось в 76,1% всех случаев принятия промежуточных решений по уголовным делам, в том числе о производстве отдельных следственных действий(приложение 2).

Тем не менее поведенческую характеристику обвиняемого нельзя сводить только к соответствующему уголовно-процессуальному акту (документу). Поведенческая характеристика обвиняемого (эквивалентно-аналоговая информация о поведении обвиняемого) включает в себя соответствующие уголовно-процессуальные акты постольку, поскольку в них находит отражение (документирование) поведение обвиняемого.

Н.Т. Ведерников, например считает необходимым использовать в уголовном судопроизводстве процессуальный документ, обобщающий все сведения о личности обвиняемого, в том числе сведения о поведении обвиняемого, и придать ему доказательственное значение¹.

И.А. Матусевич придерживается кардинально другого мнения, он пишет о необходимости составления по каждому уголовному делу справки-характеристики на обвиняемого, в которой, помимо данных о личности обвиняемого, необходимо отражать действия, произведенные для получения этих данных. Однако, по мнению автора, данный документ не должен рассматриваться в качестве доказательства по уголовному делу². В связи с этим остается непонятной цель составления подобного рода уголовно-процессуальных актов.

По нашему мнению, что главное предназначение характеристики обвиняемого как соответствующего уголовно-процессуального акта (документа) проявляется в том, что она позволяет строить уголовно-процессуальную деятельность с учетом достижений ряда научных дисциплин

¹ См.: *Ведерников Н.Т.* Изучение личности преступника в процессе расследования. С. 57.

² См.: *Матусевич И.А.* Указ. соч. С. 34.

фундаментального и прикладного характера, предметом исследования которых выступает человек, его психика и поведение.

Н.В. Жогин справедливо отмечал, что сведения о личности обвиняемого, отраженные в материалах уголовного дела, необходимы следователю для решения ряда криминалистических вопросов.

Во-первых, располагая подробными сведениями о личности обвиняемого, следователь может более успешно выдвинуть и проверить версию о причастности определенного лица к совершению расследуемого преступления. Объяснялось это тем, что тщательный анализ фактических данных, характеризующих личность обвиняемого, позволит следователю более глубоко разобраться в обстоятельствах преступления, правильно наметить пути выяснения обстоятельств, которые ему еще не известны, а также обстоятельств, на которые он не обратил внимания, если бы не располагал сведениями о личности обвиняемого.

Во-вторых, на взгляд Н. В. Жогина, сведения о личности обвиняемого необходимы для успешного проведения отдельных следственных действий. Располагая сведениями о личности обвиняемого, следователь может выбрать наиболее удачные тактические приемы его допроса, установить психологический контакт с допрашиваемым, определить тактику проведения очной ставки. Данные о личности обвиняемого, и прежде всего сведения о его профессии, образе жизни, связях, могут быть полезными при проведении обыска.

В-третьих, сведения о личности обвиняемого могут способствовать раскрытию других преступлений, совершенные им, или с его участием¹.

Поведенческая характеристика обвиняемого как соответствующий уголовно-процессуальный акт (документ) имеет под собой научное обоснование.

¹ См.: Руководство для следователей / под ред. Н.В. Жогина. М., 1971. С. 109.

С точки зрения психологии, наряду с биохимической и биофизической регуляцией поведения живых организмов, существует особый уровень регуляции, называемый информационный. Мозг живых существ – открытая система, обменивающаяся с окружающей средой информацией; он также использует химический, биофизический, оптический, акустический и многие другие каналы связи. Однако главная его способность – обнаруживать, перерабатывать информацию, транслировать ее другим существам или неодушевленным предметам.

Передаваемая информация облегчает условия существования живых организмов. Обработка информации, оценка сигналов у высших животных связана с наличием у них первой сигнальной системы, базирующейся на безусловных и условных рефлексах. У человека информационный обмен поднимается на качественно новую ступень, где ведущую роль начинает играть вторая сигнальная система. Это система сигналов назначения слова, и в основе ее лежит язык. Язык дает возможность обобщать информацию, его появление связано с возникновением и развитием сознания, мышления. С формированием языка появляется совокупность актов поведения, совершаемых не с образами реальных предметов, а со знаками, символами, организованными определенным образом. Благодаря этому становятся возможными речь и общение как специфическая деятельность.

Психический уровень регуляции является ведущим в поведении человека, именно он позволяет осуществлять наиболее адекватный информационный обмен, дает возможность приспосабливаться к жизненной среде, создавать саму эту среду¹. Поэтому поведенческая характеристика обвиняемого является в большей своей части языковой (понятийной) формой отражения фактического поведения обвиняемого. Именно возможность преобразовывать поступки обвиняемого, включая материальные следы его поведения, в языковую форму дает возможность обобщать и

¹ См.: Манешин В.С. Дисциплина и общество (социально-философский аспект). М., 1984. С. 211–212.

систематизировать необходимую информацию о таком поведении в соответствующем уголовно-процессуальном акте, производить информационный обмен между субъектами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность (психический уровень регуляции), строить весь уголовный процесс с учетом преобразованной информации (поведенческой характеристики обвиняемого).

Уголовный процесс – это не единое действие, и даже не сумма действий, а последовательно развивающееся производство, состоящее из совокупности действий, которые осуществляются не одним должностным лицом, а многими меняющимися субъектами уголовного процесса. Например, уголовное дело возбуждается одним лицом, а вопрос о привлечении в качестве обвиняемого решается другим, обычно следователем. Прокурор, осуществляя надзор за органами предварительного расследования, утверждает обвинительное заключение; суд, осуществляя правосудие, проводит предварительное слушание для разрешения ходатайства об исключении доказательств, назначает судебное разбирательство, выносит приговор. Далее следует еще апелляционное, кассационное, надзорное производство, и во всех правоотношениях, складывающихся в процессе выполнения соответствующих уголовно-процессуальных действий, участвует обвиняемый, потом подсудимый, осужденный. Отдельные элементы его поведения наблюдают все участники уголовного процесса, осуществляющие производство по уголовному делу. Возможности же полного, цельного восприятия поведения обвиняемого в реальности у них нет, и не может быть. Однако, принимая решение по уголовному делу, они должны исходить из всех обстоятельств, характеризующих поведение обвиняемого на протяжении всего производства по уголовному делу. Роль такого средства, позволяющего воспринимать указанное поведение обвиняемого, и призвана выполнять поведенческая характеристика обвиняемого – категория, которая, по нашему мнению,

должна занять соответствующее место в категориальном аппарате науки уголовного судопроизводства.

Согласно современной концепции интерпретации, вещь никогда не отражается полностью, отражаются лишь те или иные её свойства, по которым можно будет затем *воссоздать* этот объект как *целое*. Характер отражаемых свойств зависит от *формы репрезентации*, выступающей в качестве её языка, требующего соответствующей «дешифровки»¹.

Поэтому, чтобы провести соответствующую репрезентацию процессуального поведения обвиняемого (воссоздать его как единое целое), недостаточно одного лишь обращения к соответствующим уголовно-процессуальным актам, отражающим (фиксирующим) такое поведение. В соответствии с теорией отражения поведение обвиняемого при производстве по уголовному делу фиксируется не только в соответствующих уголовно-процессуальных актах (справках-характеристиках, протоколах различных процессуальных действий), оно проявляется и отражается и в других формах на самых различных уровнях (в сознании участников судопроизводства, в виде материальных последствий определенных действий обвиняемого, например заглаженного вреда, и др.). В обзоре судебной практики за 2011 г. приведен интересный в рассматриваемом плане случай, когда Верховный Суд РФ признал в качестве явки с повинной не зафиксированное ни в каком процессуальном документе обращение Х. к встретившемуся ему сразу после совершения убийства участковому милиционеру, которому он рассказал о случившемся. Учитывая данное обстоятельство, суд по представлению прокурора снизил Х. меру наказания на 1,5 года².

С точки зрения теории информации, если это разнообразие форм (различные аспекты поведения обвиняемого) не отражается в полном объеме в другом объекте (материалах уголовного дела), их содержательная сущность

¹ См.: *Минина М.Л.* Теория отражения и проблема интерпретации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. С. 6.

² См.: *Куликов В.* Верховный Суд засчитал устную явку с повинной // Рос. газ. 2012. № 72 (5745), 3 апр.

тем самым перестает быть информацией? Следовательно, получается, что та информация, которая официально не отражена в уголовном деле, не является уголовно-процессуально значимой информацией.

Согласно последним достижениям теории информации, информация есть процесс и результат соизмерения структурного разнообразия одного явления в структурной определённости другого явления. Соизмерение структурных изменений есть процесс передачи определённости одного объекта в системе структурных взаимосвязей другого объекта. Характер этих информационных взаимосвязей зависит от специфики взаимодействующих систем, обладающих определённым уровнем организации.

Возможен и обратный способ рассмотрения системности. Системность может быть интерпретирована в категориях семантического поля информационного мировоззрения. Очевидно, недостаточно указать на то, что системность всегда информативна, в свою очередь, информация всегда системна¹.

Системно-структурная методология позволяет обозначить важные закономерности информационных взаимодействий. Среди них можно отметить следующую: чем более сложно организованной является структура воспринимающей системы (в нашем случае в качестве таковой выступает поведенческая характеристика обвиняемого), тем больше величина воспринимаемой информации (процессуальное поведение обвиняемого). И, соответственно, наоборот. С уменьшением сложности воспринимающей системы уменьшается величина воспринимаемой информации. Например, отсутствие в настоящее время четкой концепции о поведенческой характеристике обвиняемого как научной категории не позволяет в полной мере учитывать все аспекты уголовно-процессуального поведения обвиняемого при производстве по уголовным делам. Поэтому поведенческая характеристика обвиняемого должна быть представлена в виде эквивалентно-

¹ См.: *Шорохова Е.В.* Указ соч. С. 11–24.

аналоговой и соразмерной информации о поведении обвиняемого и адекватно, в полном объеме отражать поведение обвиняемого.

В связи с изложенным предлагаем рассматривать поведенческую характеристику обвиняемого в качестве самостоятельной правовой категории, имеющей не только научное, но и важное практическое значение. Поведение обвиняемого при производстве по уголовному делу и его информационное отражение в объективной действительности создают предпосылки для адекватного построения самой уголовно-процессуальной деятельности. В результате выделяется закономерность следующего порядка: чем более полным является соответствие, тем полнее состояние одного объекта отражает состояние другого объекта. И, соответственно, тем больше информации один объект содержит о другом¹.

Необходимо отметить, что поведенческая характеристика обвиняемого – категория динамичная, имеющая многосторонние диалектические связи с другими правовыми явлениями. На протяжении производства по уголовному делу поведение обвиняемого может изменяться под воздействием различных факторов, что объективно отражается в его поведенческой характеристике. С другой стороны, поведенческая характеристика обвиняемого может оказывать воздействие на поведение обвиняемого. Факт отражения поведения обвиняемого при производстве по уголовному делу в соответствующей поведенческой характеристике, а также последующее влияние аналоговой информации о поведении обвиняемого на принятие соответствующих процессуальных решений и построение уголовного судопроизводства в целом, оказывает превентивное, воспитательное воздействие, стимулирует позитивное посткриминальное поведение обвиняемого. Например, обвиняемый А., отрицавший в начале расследования уголовного дела свое участие в ограблении М., после ознакомления с материалами уголовного дела и положительными отзывами

¹ См.: Шорохова Е.В. Указ соч. С. 11–24

сослуживцев и соседей о его поведении до совершения преступления заявил ходатайство о дополнительном допросе с целью дачи признательных показаний, выразив желание сотрудничать со следствием¹.

Позитивно значимые моменты концепции уголовно-процессуального поведения, обуславливающей необходимость выделения категории «поведенческая характеристика обвиняемого», проявляются в следующем.

Во-первых, отражение поведения обвиняемого в форме эквивалентно-аналоговой информации (поведенческой характеристики) обвиняемого в большей мере способствует организации уголовного процесса на состязательных началах. Обвиняемый из пассивного (реактивного) полуобъекта – полусубъекта исследования превращается в подлинно активного субъекта уголовно-процессуальной деятельности определённой направленности. Существенно расширяются его возможности по оказанию воздействия на принятие решений и производство различных уголовно-процессуальных действий, обеспечивающих должное расследование и правильное разрешение уголовного дела.

Во-вторых, поведенческая характеристика обвиняемого имеет стимулирующее (побудительное) значение для обеспечения его позитивного посткриминального поведения. Влияние поведенческой характеристики на действия и решения органов предварительного расследования и суда может побуждать обвиняемого поступать даже вопреки своим внутренним антисоциальным устремлениям (личным интересам, целям, мотивам).

В-третьих, стороне защиты предоставляется дополнительная возможность формирования доказательств по уголовному делу (регуляционная сторона поведения). Информационное аналоговое и соразмерное отражение поведения обвиняемого, в том числе в материалах уголовного дела, обязывает органы предварительного расследования и суд официально оценивать информацию, характеризующую поведение

¹ Уголовное дело № 1-20-2010 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ // Архив Октябрьского районного суда г. Тамбова за 2010 г.

обвиняемого наряду с другими доказательствами, имеющимися по уголовному делу. Сегодня поведение обвиняемого при производстве по уголовному делу зачастую оценивается весьма субъективно, а иногда и спекулятивно в угоду принимаемого решения. Это подтверждается материалами изученных архивных дел, а также результатами анкетирования работников предварительного расследования, адвокатов и судей. 55,7% опрошенных ответили, что встречались на практике с подобными случаями (приложение 1).

В-четвертых, поведенческая характеристика обвиняемого является своего рода процессуальной гарантией обеспечения его прав и законных интересов по уголовному делу. Именно эквивалентно-аналоговое отражение поведения обвиняемого при производстве по уголовному делу не позволяет осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, принимать решения без учета личностных качеств обвиняемого, его поведения. Например, информационное отражение факта добровольной явки обвиняемого с повинной гарантирует учет этого обстоятельства при принятии итогового решения по уголовному делу.

В-пятых, поведенческая характеристика обвиняемого обеспечивает дифференцированный подход к производству по уголовному делу. Именно поведенческая характеристика обвиняемого и тяжесть совершенного им преступления в большинстве случаев являются условиями дифференциации уголовно-процессуальной формы.

В-шестых, отмеченные аспекты в своей совокупности способствуют организации всего уголовного процесса на началах гуманизма и справедливости, позволяют учитывать индивидуальные личностные качества обвиняемого при производстве по уголовному делу.

Таким образом, уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, или поведение обвиняемого в уголовном процессе, и его поведенческая характеристика – явления тесно связанные между собой, но не

тождественные. Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого – это реальное поведение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, прямо и непосредственно наблюдаемое лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Оно состоит из действий, поступков обвиняемого, его позиции по поводу предъявленного обвинения, его отношения к уголовному делу, отношения к потерпевшему, к другим участникам производства. Что касается поведенческой характеристики, то она есть системное отражение в самых различных формах и уровнях действий, взглядов, отношений обвиняемого в окружающей среде.

Глава II. Факторологическая основа поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве

§ 1. Система обстоятельств (факторов), влияющих на формирование поведения обвиняемого

Уголовно-процессуальная поведенческая характеристика любого субъекта уголовного судопроизводства не возникает в одночасье. Она складывается (формируется) на протяжении всего производства по уголовному делу. Свой завершённый облик она приобретает в момент окончания уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой с участием того или иного субъекта уголовно-процессуальных отношений. Обвиняемый – один из наиболее активных, с точки зрения частоты и продолжительности участия, субъект этих отношений. Истоки его поведенческой характеристики надо искать не в его отношении к предъявленному обвинению, а в тех действиях, поступках и других проявлениях, которые имели место с самого начала его вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность, в том числе в деятельности, предшествовавшей вынесению уголовно-процессуального акта, с которым

закон связывает появление в уголовном деле данного субъекта уголовного процесса¹.

Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, составляющее содержание его поведенческой характеристики, зависит от множества факторов как объективного, так и субъектно-личностного свойства. К их числу относятся обстоятельства, характеризующие производство по уголовному делу, личные свойства обвиняемого, его взаимоотношения с другими участниками уголовного судопроизводства и целый ряд других обстоятельств как субъектно-личностного (внутреннего), так и вне личностного, т.е. внешнего по отношению к личности обвиняемого, характера. Поскольку поведение обвиняемого представляет собой разновидность всякого человеческого поведения, для более глубокого исследования данного вопроса обратимся к психологической науке, но прежде оговоримся, что предметом нашего исследования будет только осознанное поведение. Неосознанное, инстинктивное поведение² не имеет и не может иметь официального правового значения. Кроме того, предметом нашего интереса является мотивационная составляющая поведения обвиняемого, т.е. его детерминированность, причинная обусловленность, а эти свойства присущи именно осознанному поведению. Осознанное поведение выражает взаимодействие личности со средой и, как правило, всегда детерминировано. Такое поведение может быть описано с разных сторон. В частности, в уголовно-процессуальном плане любой поведенческий акт имеет начало, течение и завершение. Он может быть охарактеризован с точки зрения интенсивности, направленности, значимости для конкретного уголовно-процессуального решения и всего производства по уголовному делу. Выразительной особенностью мотивированного уголовно-

¹Поэтому, хотя тема настоящего исследования буквально обозначена как поведенческая характеристика обвиняемого, на самом деле оно охватывает и те поведенческие элементы, которые проявляются и фиксируются в случае его предшествовавшего вовлечения в дело в качестве подозреваемого, т.е. поведенческая характеристика обвиняемого рассматривается как категория, охватывающая поведение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

² См. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 70.

процессуального акта (действия или бездействия) является предшествующее ему намерение к его выполнению. Обвиняемый, выражающий согласие на вступление в уголовное дело адвоката, приглашённого его близким родственником или другим лицом по его поручению, реализует своё намерение на квалифицированную защиту. Отказываясь от защитника, он намеревается либо обойтись собственными знаниями, либо пригласить в качестве защитника другого адвоката.

Причинно-мотивационную сторону поведения человека, согласно психологической науке¹, образует система факторов, «инициирующих и энергитизирующих активность человека, направляющих, поддерживающих и приводящих к завершению его поведенческие акты»², которые большинство психологов подразделяют на: личностные (внутренние) и ситуационные (внешние). Что породило выделение двух типов мотивации и соответствующих им типов поведения личности: 1) внешней мотивации (extrinsically motivation) и соответственно внешне мотивированного поведения (extrinsically motivated behavior) и 2) внутренней мотивации (intrinsically motivation) и соответственно внутренне мотивированного поведения (intrinsically motivated behavior)³.

В уголовном судопроизводстве значение указанных выше факторов применительно к уголовно-процессуальному поведению обвиняемого приобретают: наличие обвинения либо подозрения в совершении преступления, права и обязанности обвиняемого, его взаимоотношения с потерпевшим, решения, принимаемые по делу должностным лицом, осуществляющим соответствующее производство, и другие обстоятельства, связанные с производством по уголовному делу или обусловленные им. Эта группа обстоятельств образует внешние или ситуационные факторы детерминирующие поведение обвиняемого. Вместе с тем, характер

¹См.: Немов Р. С. Психология. М., ВЛАДОС, 2003. Кн. 1: Общие основы психологии. С.461-468; Маклаков А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. С. 510-516 и др.

² Чирков В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. - 1996. - №3. - С.116.

³См.: Там же. С. 117-118.

поведения обвиняемого при производстве по уголовному делу во многом определяется его личностными свойствами и качествами, через призму которых он воспринимает предъявленное обвинение либо обозначившееся подозрение, предоставляемые ему законом права и все иные нормативно - правовые и правоприменительные установления. Обстоятельств данной группы, учитывая их субъектную принадлежность, выступают в качестве субъектно-личностных или внутренних факторов, обуславливающих уголовно-процессуальное поведение обвиняемого. Кроме того, необходимо иметь в виду, что среда, создавшая и создающая перечисленные и другие подобного рода обстоятельства, по своей природе неоднородна. Факт привлечения человека в качестве обвиняемого «помещает» его в уголовно-процессуальную среду. Однако вступает в неё он с уже сложившейся биосоциальной и психологической структурой, обладая при этом специфическими субъектно-личностными качествами. Обстоятельства этого порядка привносятся в уголовный процесс личностью обвиняемого. В основе своей они носят не уголовно-процессуальный характер. Поэтому обстоятельства, образующие факторологическую базу поведения обвиняемого, надо также подразделять на процессуальные и не процессуальные.

Таким образом, система факторов, обуславливающих уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, предстаёт в виде совокупности обстоятельств процессуального и не процессуального характера, внешнего или ситуационного и внутреннего или субъектно-личностного порядка. Анализ конкретных ситуаций практического проявления факторов воздействующих на поведение обвиняемого, показывает, что не все они поддаются строгому разграничению на внешние или ситуационные и субъектно-личностные или внутренние. Среди них обнаруживаются такие, которые обладают и теми и другими признаками . Например, взаимоотношения обвиняемого с потерпевшим предстают, с одной стороны,

как внешний ситуационный фактор, с другой - как проявление личностных свойств обвиняемого и потерпевшего. Та же картина наблюдается в отношениях обвиняемого со следователем и другими должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Основу их составляют решения и действия, принимаемые следователем, которые по отношению к поведению обвиняемого носят ситуационный характер и выступают в качестве внешнего обстоятельства. В то же время указанные взаимоотношения, сказывающиеся в той или иной мере на поведении обвиняемого, отражают личностные свойства обвиняемого. Таким образом, при строгом подходе к обстоятельствам, формирующие уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, с точки зрения их субъектно-внешнего отношения, следует подразделять не на две группы¹, а на три: внешние или ситуационные, внутренние или субъектно-личностные и ситуационно-личностные.

Роль и значение каждого из указанных выше видов обстоятельств, как и конкретных внутривидовых обстоятельств, в формировании поведения обвиняемого по уголовному делу, неодинаковы. Одни из них играют роль инициаторов либо блокаторов соответствующего поведения, другие стимулируют либо затормаживают развитие тех или иных его элементов. Однако реальное жизненное поведение человека есть результат взаимодействия факторов как внешне мотивационного, так и внутренне мотивационного поведения.

В теоретических работах по психологии встречаются попытки объяснения поведения человека исключительно под углом зрения либо внутренней (интринсивной), либо внешней (экстринсивной), мотивации. Согласно такому подходу, внутренне мотивационное поведение - конструкт, описывающий такой тип детерминации поведения, когда иницирующие и

¹ См.: Корнуков В.М., Устинов Д.С. Ответственность в системе факторов, определяющих процессуальное поведение обвиняемого // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы международной научно-практической конференции 13-14 ноября 2012 г. Тольятти, 2012. С. 156.

регулирующие его факторы проистекают изнутри личностного Я и полностью находятся внутри самого поведения. «Внутренне мотивированные деятельности не имеют поощрений, кроме самой активности. Люди вовлекаются в эту деятельность ради нее самой, а не для достижения каких-либо внешних наград. Такая деятельность является самоцелью, а не средством для достижения некой другой цели»¹.

Бихевиористские теории, объясняющие поведение человека, наоборот, ставят его в зависимость прежде всего от внешне мотивационных обстоятельств и связывают в основном с положительными (одобрение, награды, поощрения) или отрицательными (осуждение, наказания) последствиями человеческих поступков. Главной особенностью всех вариантов такого рода подхода является признание того, что основным инициатором и регулятором поведения человека является внешнее по отношению к нему подкрепление².

Отмеченные выше крайности в подходах к объяснению поведения человека мало уместны в уголовном судопроизводстве. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, выстраивает своё поведение в ходе производства по уголовному делу не только на основе своих психомоторных и физиологических качеств, но и с учётом собранных по делу доказательств, поведения потерпевшего, избранной в отношении него меры пресечения и т.д. Более того все или большинство из факторов внешнего проявления оцениваются обвиняемым и воспринимаются им в зависимости от его интеллектуальных, профессиональных особенностей, психического и соматического состояния здоровья. На одно и то же обстоятельство, например, на избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу либо на обещание следователя не избирать эту меру пресечения в случае признания им своей вины, обвиняемые реагируют по-разному. Один, довольствуясь обещанной свободой, признаёт себя виновным, не заботясь о

¹ Чирков В.И. Указ. соч. С. 119.

² См.: Чирков В.И. Указ. соч. С. 119

будущем, другой - готов на время лишиться свободы, чтобы доказать свою невиновность. Третий в изложенной ситуации избирает некий промежуточный вариант, дающий надежду на благополучный исход – признаёт себя виновным частично.

Для правильного понимания содержания поведения обвиняемого и обстоятельств, которые его обуславливают, внутренние и внешние факторы необходимо рассматривать как взаимосвязанные элементы одной сложной структурно-целостной системы детерминант. Внутренне мотивированная составляющая поведения обвиняемого, обусловленная его субъектно-личностными факторами, и внешне мотивированная (ситуационная) составляющая его поведения находятся в диалектической взаимозависимой, взаимопроникающей связи. С одной стороны, обвиняемый, как существо, обладающее сознанием и волей, воспринимает любое общественное явление, в том числе уголовно-процессуального характера, сквозь призму своего собственного психического склада и состояния. Оно всегда имеет для него свой психологический аспект. С другой стороны, он действует в условиях определённой правовой регламентации и обстоятельств, породивших необходимость её создания и применения, у него, как у участника уголовно-процессуальной деятельности, возникают определённые связи (отношения) с другими субъектами этой деятельности. Всё это, безусловно, оказывает влияние на его психологию и, так или иначе, проявляется в его поступках, действиях и поведении в целом. Без анализа обстоятельств внешней среды и связей человека с другими людьми невозможно понять поведение отдельного человека. Не случайно в современной медицине признаётся существование явления, обозначаемого понятием «эпигенетика», согласно которому многие внешние факторы могут оказывать серьёзное воздействие даже на генетическую информацию¹.

¹См.: Ответ доктору Споку // Росс. газета. 2013. 18 июля. № 155 (6113); Закиян С. М., Власов В.В., Дементьева Е. В. Эпигенетика. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2012. с. 578; Эллис С.Д., Дженювейн Т, Рейнберг Д. Эпигенетика. М.: Техносфера, 2010. с. 13-14; Назаров В. И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М. 2005. с. 404-409 и др.

Выделение различных типов обстоятельств, играющих роль факторов, формирующих поведение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, и придание им потенциально равного значения в этом процессе, не означает признания их абсолютно одинакового и всегда равнонаправленного воздействия на поведение обвиняемого. Типологизация характеризует абстрактный, виртуальный процесс, в то время как в каждом уголовном деле в качестве обвиняемого выступает конкретный человек со своими индивидуальными особенностями, и всё производство по делу (его субъектный состав, используемые процессуальные средства и способы воздействия на обвиняемого, характер складывающихся при этом правоотношений и т.д.) приобретает специфически-индивидуальный оттенок. В таких условиях конкретные параметры соотношения воздействия внутри личностных и внешних факторов на формирование поведения обвиняемого могут смещаться. Обвиняемый, обладающий более выраженными волевыми качествами, сможет выстраивать своё поведение с меньшей степенью восприятия негативных обстоятельств, порождаемых неприязненным к нему отношением потерпевшего, либо угрозой применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. И, наоборот, для обвиняемого, остро реагирующего на указанные обстоятельства, они могут оказаться решающими при формировании его уголовно-процессуального поведения. Ту же роль могут сыграть предусмотренные законом права обвиняемого, профессионально владеющего соответствующими знаниями. Индивидуально выраженным воздействием на возможное поведение обвиняемого обладают различные отклонения в его соматическом и психофизиологическом здоровье. Осознание последнего факта нашло отражение в ст. 99 УПК, которая обязывает дознавателя, следователя и суд при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, и определении ее вида учитывать его состояние здоровья, а в 2010 году - повлекло придание ряду заболеваний

указанного лица значения обстоятельства, исключаящего содержание его под стражей¹.

Характеризуя уголовно-процессуальное поведение обвиняемого как явление, обусловленное (детерминированное) внутренними и внешними факторами, необходимо учитывать, что многие обстоятельства, образующие содержание указанных факторов, определяют и функционально взаимосвязанные стороны этого поведения - побудительную и регуляционную. Побудительная сторона поведения обвиняемого определяется (стимулируется) его потребностями, целями, побуждениями, намерениями, стремлениями и в этом смысле сближается с обстоятельствами субъектно-личностного свойства.

Регуляционную сторону процессуального поведения обвиняемого обеспечивают в основном различного рода процессы и состояния. Например, права и обязанности, возложенные на обвиняемого, юридическая ответственность, установленный законом порядок производства по уголовному делу и др.

§ 2. Права и обязанности обвиняемого как базисная правовая основа формирования его уголовно-процессуального поведения

Права и обязанности обвиняемого, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, образуют правовую основу, правовой базис его поведения в уголовном судопроизводстве. Выступая в качестве базовых компонентов его правового статуса², права и обязанности обвиняемого

¹См.: Часть 1.1 ст.110 УПК РФ, Постановление Правительства Российской Федерации "О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений" от 14 января 2011 г. N 3// Росс.газета. 2011. 21 января. № 11 (5387).

² О понятии и структуре правового статуса личности см.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2001. С. 263–269; *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 10; *Строгович М.С.* Права личности: вопросы теории // Вопросы философии. 1979. № 4. С. 13; *Корнуков В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 15; и др.

прежде всего определяют пределы возможного и должного поведения этого участника уголовно-процессуальной деятельности. Посредством предоставленных ему законом прав и выполнения возложенных на него обязанностей обвиняемый участвует в уголовно-процессуальном доказывании, в принятии решений должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, реагирует на эти решения, заявляет ходатайства по делу, инициирует и осуществляет другие действия по защите своих интересов. Использование указанных компонентов своего правового статуса позволяет обвиняемому выстраивать процессуально значимые отношения с потерпевшим и другими участниками уголовно-процессуальной деятельности. Они определённым образом сказываются и на его внутреннем состоянии, создавая уверенность в возможности полноценной защиты от обвинения и исключении возможной судебной ошибки либо, наоборот, укрепляя сомнения в этом. Например, появившаяся в 2003 году законодательная новелла, предоставившая обвиняемому и его защитнику возможность обращения к услугам специалиста с целью получения заключения по возникающим вопросам, требующим специальных знаний, была воспринята почти восторженно и с надеждой на эффективное её использование не только обвиняемыми, но и всей юридической общественностью. Что из этого получилось – другой вопрос¹, но в первое время сторона защиты придавала заключениям специалистов по уголовным делам большое значение.

Поведение обвиняемого в сфере уголовного судопроизводства, его отношение к использованию своих процессуальных прав и обязанностей зависят от многих причин, но в первую очередь – от полноты и качества

¹О позитивных и негативных сторонах регламентации данного уголовно - процессуального института и его практики применения см.: *Зайцева Е.А.* Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2006. С. 89–111; *Кудрявцева А.В.* Уровни решения задач как основание разграничения компетенции эксперта и специалиста // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.): в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 488–489; *Давлетов А.А.* Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9 С. 47–48; *Тарасов А.А.* Новое в правовых формах использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 4. С. 79–87; и др.

законодательной регламентации уголовно-процессуального статуса обвиняемого. Анализ действующего УПК позволяет сделать вывод, что спектр и объем предоставленных обвиняемому прав охватывает все направления уголовно-процессуальной деятельности, затрагивающие материально-правовые и процессуальные интересы этого участника уголовного процесса, и позволяет ему эффективно осуществлять их защиту. Однако это не означает, что современный институт прав обвиняемого безукоризнен и не нуждается в совершенствовании. Как раз наоборот, он совершенен в базовом отношении, но нуждается в детальной проработке как с точки зрения системности изложения, так и с позиции содержания субъективных прав обвиняемого. Нынешнее содержание ст. 47 УПК формировалось постепенно путем внесения в него изменений и дополнений, обусловленных совершенствованием всего российского законодательства, без учета должной последовательности. В результате право на получение копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, постановления о применении к нему меры пресечения, обвинительного заключения и других документов, которыми завершается предварительное расследование, оказалось зафиксированным ранее предоставленных ему прав на возражение против обвинения, дачи показаний по предъявленному обвинению и отказа от дачи таких показаний. К тому же среди копий актов, вручаемых обвиняемому, не указано постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, которое по своей значимости для интересов обвиняемого и осуществления их защиты имеет не меньшее значение, чем перечисленные в п. 2 ч.4 ст. 47 УПК.

Емкое право – представлять доказательства (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК), оказалось оторванным от других способов участия обвиняемого в собирании доказательств, в частности путем участия в следственных действиях, производимых по ходатайствам обвиняемого, его защитника или законного представителя (п. 10 ч. 4 ст. 47 УПК). Разрыв внутри системы прав,

обеспечивающих обвиняемому возможность активного участия в формировании доказательственной базы по уголовному делу, образовался за счет более раннего включения в систему рассматриваемых прав, права на переводчика и дачу показаний на родном языке или языке, которым обвиняемый владеет. Это важное и первоочередное право должно следовать либо сразу после права на дачу показаний, либо по завершении системы прав, обеспечивающих участие обвиняемого в доказывании по уголовному делу. Кстати, и само указанное право обозначено только применительно к даче показаний и объяснения. Язык же ходатайств и отводов неясен. Надо полагать, тот же, но об этом следовало прямо указать в законе.

Существенным недостатком системы прав обвиняемого, касающимся его участия в доказывании, является не предоставление обвиняемому возможности участия в производстве следственных действий, осуществляемых следователем без ходатайства обвиняемого и его защитника.

В условиях расширения гласности, прозрачности правоохранительной деятельности по привлечению правонарушителей к уголовной ответственности обвиняемый должен обладать правом участия во всех следственных действиях, формирующих доказательственную базу по его обвинению за исключением тех, где его участие может привести к противодействию их проведению или утрате оперативной значимости их результатов. Что касается следственных действий, о производстве которых ходатайствуют обвиняемый или его защитник, то участие этих лиц в таких действиях должно быть их незыблемым правом. Связывать участие обвиняемого и его защитника в производстве указанных следственных действий с решением следователя нелогично и по существу неверно. Заявляя подобное ходатайство, обвиняемый и его защитник рассчитывают на определенный результат: обнаружение предметов либо документов, могущих служить доказательствами невиновности обвиняемого либо

свидетельствующих об иной правовой природе вменяемых ему в вину действий или об отсутствии обстоятельств, о наличии которых утверждают потерпевший и свидетели. Участие в таких действиях обвиняемого и его защитника позволяет им убедиться в правильности либо ошибочности их предположений, существенно расширяет их возможности по защите от обвинения. Кроме того, это придает позитивный характер отношениям следователя с обвиняемым, исключает возможность манипулирования результатами следственных действий в условиях отсутствия понятых при их производстве¹.

Исходя из изложенного, предлагаем п. 10 ч. 4 ст. 47 УПК изложить в следующей редакции: «10) участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника, а с разрешения следователя и в производстве других следственных действий, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания». Предлагаемое дополнение закона чрезвычайно важно с точки зрения обеспечения обвиняемому возможности реальной и эффективной защиты, прежде всего от обвинения².

В подтверждение изложенного сошлемся на один пример из практики. Т. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК. Ему вменялось в вину нарушение правил выезда на основную дорогу, при котором он был вынужден остановиться на осевой линии с обозначением левого поворота, вследствие чего мотоциклист, следовавший в противоположном направлении, зацепил заднее левое крыло его автомобиля, перевернулся, пролетел несколько десятков метров и разбился. При проведении повторного осмотра места происшествия следователь

¹ Такое положение действует в УПК Украины в отношении защитника по п. 4 ч. 2 ст. 48.

² Не случайно еще Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому права на защиту», обратил внимание на этот аспект вопроса. Правда, там речь шла о подобном праве защитника, который, по мнению Пленума, в случае его участия в деле с момента предъявления обвинения в праве присутствовать при производстве следственных действий, выполняемых не только по ходатайствам защитника или обвиняемого, но и других следственных действий, если иное не предусмотрено законодательством союзных республик // Бюллетень ВС. СССР. 1978. № 4. С. 9.

воспроизвел возможность проезда мотоцикла по свободной части дороги без соприкосновения с автомобилем обвиняемого. Эксперимент был весьма успешным, поскольку ширина проезжей части в указанных условиях была около 3 метров, что было зафиксировано еще в процессе первоначального осмотра места ДТП. Все это наблюдал обвиняемый со стороны, поскольку он не был привлечен к участию в проведенном следственном действии. Его попытка обратить внимание следователя на данное обстоятельство была категорически отклонена, который, как выяснилось позже, даже не отразил в протоколе, что в ходе следственного действия было смоделировано действие мотоцикла, проезжавшего мимо стоящего автомобиля¹. Между тем, данное обстоятельство имело существенное значение для правильного разрешения дела, так как свидетельствовало, во-первых, о наличии у мотоциклиста беспрепятственного проезда места происшествия, а во-вторых, о превышении им допустимой скорости.

Небезынтересным с точки зрения поведения обвиняемого является теоретико-практический анализ его права на дачу показаний. В российском уголовно-процессуальном законодательстве право обвиняемого на дачу и отказ от дачи показаний обусловлен так называемым свидетельским иммунитетом, закрепленным в ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников. На практике самым ходовым ответом обвиняемого, нежелающего давать показания на соответствующий вопрос следователя, являются слова «воспользуюсь ст. 51 Конституции РФ» или нечто подобное, что фиксируется в протоколе допроса. Однако, в подобных случаях речь идет о п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК, в которой говорится о праве обвиняемого давать или не давать показания, то есть дача показаний является исключительно его правом, которым он пользуется в зависимости от желания. Здесь все понятно, и в соответствующих протоколах следовало бы ссылаться именно на ст. 47

¹ Уголовное дело № 1-5-2007 по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Саратова за 2007 г.

УПК. Но когда данное право увязывается с правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, возникает «бифштекс», в котором поведение обвиняемого варьируется в зависимости от того, каких обстоятельств касаются его показания¹. На практике нередко можно встретиться с ситуацией, при которой обвиняемый, чаще всего в суде, дает показания об обстоятельствах, оправдывающих его или смягчающих наказание, и отказывается говорить о том, что может содействовать изобличению его в совершении преступления или отягчить наказание². Например, при рассмотрении уголовного дела по обвинению М. и Л. один из подсудимых, заявив на вопрос судьи, что он не будет давать показания, затем с разрешения судьи ответил на целый ряд вопросов, заданных ему защитником. Подобное манипулирование правом на дачу и отказ от дачи показаний, когда обвиняемый выборочно отвечает на одни вопросы и отказывается, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ, отвечать на другие, – довольно распространенное явление в российской и судебной, да и следственной практике, которая относится к этому как к должному. А между тем, такое поведение обвиняемого не укладывается в общепринятое правостандартное поведение этого участника уголовного судопроизводства. Право обвиняемого давать или не давать показания, в том числе с учетом свидетельского иммунитета, имеет цельный, а не дробный характер. Он либо дает показания и в этом случае должен отвечать на все вопросы, в том числе вопросы стороны обвинения, либо сохраняет молчание относительно всех обстоятельств уголовного дела. Так обстоит дело с показаниями обвиняемого в США и ряде других стран, где рассматриваемое право обвиняемого, изъявившего желание дать показания, превращается в его обязанность

¹ Об этом ранее с позиции осуществления защиты в уголовном судопроизводстве писал: См.: *Григорян В. Л.* Статья 51 Конституции РФ и ее трактовка в судебно – следственной практике //Новая правовая мысль. 2009. № 4. С. 51-52.

² О содержании показаний обвиняемого см.: *Каминская В.И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 46–59; *Якуб М.Л.* Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 3–30; *Новиков С.А.* Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004. С. 9–15; *Костенко Р.В.* Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств. Краснодар, 2005. С. 90–96; *Масликова Н.В.* Некоторые аспекты оценке противоречивых показаний подозреваемого, обвиняемого в процессе познания по уголовным // Российский следователь. 2012. № 24. С.7-10; и др.

правдиво рассказать обо всех обстоятельствах уголовного дела под угрозой уголовной ответственности за лжесвидетельство¹.

Представляется, что такой подход к регламентации права обвиняемого на дачу показаний не противоречит демократическим основам правосудия по уголовным делам и может быть использован в российском законодательстве. Обвиняемый – основной субъект стороны защиты и одновременно основной ее свидетель. Давая показания, он свидетельствует об обстоятельствах уголовного дела, но делает это не по обязанности, а по желанию. Но коль скоро он изъявил такое желание, то обязан изложить известные ему сведения обо всех обстоятельствах уголовного дела. Значительно хуже обстоит дело с регламентацией обязанностей обвиняемого. Он является одним из двух субъектов уголовного процесса (в качестве другого выступает подозреваемый), статутное положение которых закреплено в специальной статье, не предусматривающей никаких обязанностей. Выступающая в указанном качестве ст. 47 УПК содержит исключительно перечень прав обвиняемого. Как ни странно, правовых положений, раскрывающих обязанности обвиняемого, в УПК вообще нет². Нет даже указания о том, что обвиняемый обязан являться по вызовам дознавателя, следователя и суда и соблюдать порядок судебного заседания. Утверждая о том, что обвиняемый обязан своевременно являться по вызову, не нарушать избранную ему меру пресечения, не уклоняться от следствия и суда, В.М. Корнуков, А.Р. Михайленко и другие авторы исходили из законодательной регламентации

¹ По Своду законов Соединенных Штатов Америки обвиняемый может быть привлечен к уголовной ответственности за ложные показания, данные под присягой (см.: USC §1623 – False Declarations before Grand Jury or Court. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1623>(дата обращения 13.10.2013); *Бернам У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки. М., 2007. С. 510). В Англии правом дачи свидетельских показаний наделяется и обвиняемый, он также несет уголовную ответственность за дачу ложных показаний (см.: Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 96).

² Об этом в разное время писали ряд процессуалистов см.: *Кокорев Л.Д.* Подсудимый в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 208–217; *Куцова Э.Ф.* Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности (советский уголовный процесс): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 22–25; *Кожевников Л.Л.* Обязанности обвиняемого: Понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 3; *Миронов Р.Г.* Права, обязанности и законные интересы подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Вестник ВЭГУ. 2009. № 5 (43). С. 59–70; и др.

отдельных мер процессуального принуждения, существовавшие до принятия действующего УПК (применение привода, подписки о невыезде и некоторых других)¹. Так, согласно ст. 93 УПК РСФСР 1960 года подписка о невыезде состояла в «отобрании от подозреваемого или обвиняемого обязательства не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения соответственно лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда»². Далее в ней говорилось, что в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым данной им подписки к ним может быть применена более строгая мера пресечения, о чём им объявляется при отобрании подписки. В ныне действующем УПК, в ст. 102, регламентирующей применение подписки о невыезде, отсутствует указание на то, что в случае нарушения данной подписки к обвиняемому может быть применена более строгая мера пресечения. С выполнением обязательства УПК (ст. 113) связывает только применение привода, однако сама обязанность являться по вызовам у обвиняемого возникает лишь вследствие применения к нему специальной меры процессуального принуждения, именуемой обязательством о явке, которая выражается в отобрании у него соответствующего письменного обязательства (ст. 112 УПК). Вне такого уголовно-процессуального правоотношения обязанности являться по вызовам у обвиняемого нет. Ныне непосредственно в законе она не предусматривается.

В рассматриваемом плане, с правовой точки зрения совершенно несуразно выглядит регламентация действий председательствующего в судебном заседании по разъяснению процессуального положения обвиняемого, как и других участников судебного разбирательства. В ст. 267 УПК говорится, что председательствующий разъясняет подсудимому его права в судебном заседании, предусмотренные ст. 47 настоящего Кодекса и

¹ См.: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 136; *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 8–9; *Михайленко А.Р.* Укрепление процессуального положения обвиняемого в уголовном процессе // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов, 1981. С. 94; *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 226.

² УПК РСФСР 1960 г. // Свод законов РСФСР. М., 1988. Т. 8. С. 613.

ст. 82.1 УК РФ. Об обязанностях ничего не говорится, поскольку они не предусмотрены законом. А вот в ст. 258 УПК, регламентирующей меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, предусматривается, что при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава лицо, присутствующее в зале судебного заседания, предупреждается о недопустимости такого поведения либо удаляется из зала судебного заседания. Согласно ч. 3 указанной статьи подсудимый за это может быть удален из зала судебного заседания до окончания прений сторон. Получается, что ответственность, которая возлагается в данном случае, лишена оснований, поскольку в законе не говорится, как обвиняемый должен вести себя в судебном заседании. Это касается и потерпевшего, гражданского истца, ответчика, которым, согласно ст. 268 УПК, председательствующий в судебном заседании разъясняет их «права и ответственность», которая не может быть без нарушения обязанностей, о чем в этой статье не говорится.

Абсолютная свобода обвиняемого от правовых обязанностей – вот первый вывод, который напрашивается исходя из анализа действующей правовой регламентации обвиняемого как участника российского уголовного судопроизводства. Это целенаправленный умысел или простое совпадение с тезисом о том, что обвиняемый в условиях действия принципа презумпции невиновности не может нести никаких обязанностей? Однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. С одной стороны, не предусмотрев обязанностей обвиняемого в статье, регламентирующей его процессуальное положение, законодатель последовательно исключил из целей применения иных мер уголовно-процессуального принуждения (ч. 1 ст. 111 УПК) указание на обеспечение их исполнения. В указанной норме говорится, что эти меры применяются «в целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора». С другой стороны, глава 14 УПК, устанавливающая иные меры

уголовно-процессуального принуждения, основания и порядок их применения, распространяется не только на обвиняемого, но и на свидетеля, потерпевшего, специалиста, переводчика и других лиц, которые согласно прямому указанию УПК несут определенные обязанности. Следовательно, текст ч. 1 ст. 111 УПК не имеет согласования с принципиальной идеей отсутствия у обвиняемого каких-либо обязанностей, он скорее свидетельствует об определенном упущении, допущенном законодателем при формулировании соответствующей статьи закона.

Сомнительно изложенная позиция законодателя по вопросу обязанностей обвиняемого и по существу. Во-первых, принцип презумпции невиновности в рассматриваемом плане распространяется только на сферу доказывания, он освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность. Других правоотношений обвиняемого как субъекта процесса, кроме тех, которые сопряжены с вопросом его виновности, этот принцип не касается. Во-вторых, всякое правоотношение в качестве обязательных элементов имеет права и обязанности. Если следователь по отношению к обвиняемому реализует свое право, то обвиняемый исполняет определенную обязанность и наоборот. Значит, обвиняемый не может не иметь процессуальных обязанностей. В-третьих, общеизвестная формулировка: «Нет прав без обязанностей, обязанностей без прав»¹, отражающая единство юридических прав и обязанностей, носит универсальный характер и имеет прямое отношение к любому участнику уголовного судопроизводства, в том числе и к обвиняемому.

Тогда как можно объяснить первоначальный вывод, который мы обозначили выше? Возможно, дело в том, что обвиняемый и процессуальный статус обвиняемого, о которых шла речь, – это понятия виртуальные, обобщенные, в реальной жизни, в действительности никого и ничего не отражают. Нет, и не может быть обвиняемого вообще, это всегда конкретный

¹ См.: *Маркс К.*. Временный устав товарищества // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 13.

индивид, конкретное лицо, обвиняемое в совершении определенного преступления. Уголовно-процессуальный статус обвиняемого – это категория, отражающая стандартное положение всякого лица, вовлеченного в уголовный процесс в качестве обвиняемого. Такой правовой статус принадлежит не конкретному лицу, а обвиняемому как представителю одного из видов участников уголовного судопроизводства, который только номинально обозначается как субъект уголовно-процессуального права, но не реализует никаких правомочий, не совершает никаких действий по их реализации, поскольку они носят потенциально возможный характер. Совершение преступления и возбуждение уголовного дела как социально-правовые события порождают ситуацию, требующую установления конкретного субъекта на роль обвиняемого. После проведения всех необходимых процедур выносится постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, посредством которого это лицо наделяется специальной правоспособностью, установленными в законе правами, а затем по мере их реализации и совершения соответствующих действий должностным лицом, осуществляющим производство по делу, у него возникают соответствующие обязанности.

Однако изложенное предположение, основанное на триединой модели реализации правового статуса личности в уголовном судопроизводстве¹, тоже не может объяснить изложенную ситуацию относительно обязанностей обвиняемого, так как всякий стандарт, в том числе касающийся процессуального положения обвиняемого, не может быть односторонним. Он должен в той или иной мере отражать все структурообразующие элементы соответствующего явления. К тому же они заложены в структуре общеправового (конституционного) статуса личности, отражением которого выступает рассматриваемый статус обвиняемого, в свою очередь преобразующийся в индивидуальный статус конкретного лица, обвиняемого

¹ Подробнее об этом см.: *Корнуков В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. С. 20.

в совершении преступления (Иванова, Петрова и т.д.), материализующийся в нем и таким путём приобретающий конкретные очертания и признаки. Обязанности являются одним из таких элементов юридического статуса личности. Трудно, практически невозможно представить себе субъекта права, даже в виртуальном смысле, наделенного широким кругом прав и не имеющего никаких обязанностей.

Вводя правовую регламентацию положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, законодатель вольно или невольно предполагает создание определенной программы поведения этого лица в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. А это невозможно без установления рамок как дозволенных, так и должных критериев, в качестве которых выступают права и обязанности. В связи с изложенным, считаем, что ст. 47 УПК следует дополнить набором самых общих обязанностей, которые предполагаются исходя из действующей регламентации положения обвиняемого и без которых невозможно судить о правомерности (неправомерности) поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве и допустимости применения к нему ограничительных мер, в том числе принудительного характера. Поскольку уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные отношения носят в основном публично-правовой характер, то, по нашему мнению, данная программа поведения обвиняемого должна предусматривать, что обвиняемый обязан:

1. являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда;
2. соблюдать установленный законом порядок производства следственных и других уголовно-процессуальных действий, а также порядок рассмотрения дела в суде;
3. выполнять требования и распоряжения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, касающиеся

соблюдения установленного законом порядка производства уголовно-процессуальных действий и судебного заседания.

Правовую норму с указанием названных обязанностей следует включить в ст. 47 УПК в виде отдельной части. Статьи 267 и 268 УПК следует дополнить указанием на разъяснение обязанностей подсудимому, потерпевшему, гражданскому истцу и ответчику соответственно.

Тенденция законодательного определения статуса обвиняемого без указания его обязанностей, к сожалению, сказалось и на правообеспечительном регулировании поведения не только обвиняемого, но и других участников уголовного судопроизводства¹. Нет сомнения в том, что как возможность реализации субъективных прав, так и исполнение правовых обязанностей должно быть гарантировано. В качестве таких гарантий по отношению к обязанностям отчасти выступают меры уголовно-процессуального принуждения, в частности та их группа, которая именуется иными мерами уголовно-процессуального принуждения, предусмотренная главой 14 УПК. Однако в ч. 1 ст. 111 УПК, которая предусматривает цели, основания, условия и порядок применения этих мер, об этом вообще не упоминается.

Из изложенного вытекает необходимость дополнения ч. 1 ст. 111 УПК положением, касающимся целей применения иных мер процессуального принуждения. Эту норму следует дополнить указанием на обеспечение исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства и изложить в следующей редакции: «В целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства, выполнения

¹ См., напр.: *Корнуков В.М.* Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 81–88; *Он же.* Обеспечение прав личности в состязательном уголовном процессе // Вестник СГАП. 2000. № 2 (21), С. 3–9; *Он же.* Обеспечение прав личности в российском уголовном процессе: былое, настоящее и думы // Вектор науки ТГУ серия: «Юридические науки». 2014. С. 60–64; *Орлов Ю.К.* Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 36–37; *Корнуков В.М., Баранова М.А.* Правовая регламентация обязанностей и ответственности свидетеля в сфере уголовно-процессуальных отношений // Государство и право. 2006. № 2. С. 92–95; *Шаров Д.В.* Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве (по материалам практики следователей внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. 2006. С. 128–129; *Артамонова Е.А.* О праве потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи // Вектор науки ТГУ серия: «Юридические науки». 2014. № 2. С.16–18; и др.

обязанностей его участниками и надлежащего исполнения приговора дознаватель, следователь или суд вправе применить к подозреваемому или обвиняемому следующие меры процессуального принуждения:

- 1) обязательство о явке;
- 2) привод;
- 3) временное отстранение от должности;
- 4) наложение ареста на имущество».

Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого имеет довольно значительный спектр колебаний: от поведения, полностью соответствующего «ожидаемому», предписанному нормами права, до вступающего в противоречие с ними. Одна и та же роль в реальном поведении конкретных лиц (обвиняемых) имеет два вектора направленности – положительный и отрицательный, которые к тому же носят не прямолинейный, а взаимосмещающийся характер. Степень соответствия реального поведения субъекта «ожидаемому», как известно, является критерием оценки выполнения им соответствующей социальной роли¹. Именно в реальном поведении обвиняемого по исполнению его процессуальных прав и возложенных обязанностей проявляются особенности личности, ее нравственно-психологические свойства и влияние социальной среды. Обвиняемый своим поведением в ходе следствия и суда может препятствовать или способствовать раскрытию преступления, вести себя нейтрально, не давать никаких объяснений и показаний, что по закону не считается противоправным и не может ухудшить его положение. Однако идеология и направленность законодательного регулирования прав, обязанностей и ответственности должны быть выстроены так, чтобы была возможность правомерно влиять на поведение обвиняемого под углом зрения склонения его в позитивную сторону.

¹ О теории социальных ролей см.: *Берн Ш.* Гендерная психология. М., 2004. С. 80.

§ 3. Роль и значение ответственности в формировании процессуального поведения обвиняемого

Чрезвычайно важным элементом программы, определяющей уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, является предусмотренная уголовно-процессуальным законом юридическая ответственность, призванная корректировать действия участников уголовного процесса по использованию предоставленных им прав и исполнению возложенных на них обязанностей. Ответственность – составная часть правового статуса обвиняемого. Её роль в формировании поведения этого участника процесса и сегодня, в условиях отсутствия чёткости в регламентации обязанностей обвиняемого, довольно значима. Привод, который, по мнению некоторых учёных¹, имеет двойственную природу, выступая одновременно в виде средства, обеспечивающего возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности, и уголовно-процессуальной ответственности обвиняемого за неисполнение обязанности явиться по вызову должностного лица, в определённой мере предопределяет дальнейшее поведение обвиняемого в соответствующей ситуации. Тем более, что неявка по вызову без уважительной причины и последующий привод к тому же могут повлечь изменение действующей в отношении него меры пресечения на более строгую. Угроза ответственности в виде изменения меры пресечения на более строгую, либо изменения режима её исполнения, утраты прав собственности на имущество не может не осознаваться обвиняемым и не оказывать на него соответствующего воздействия и в тех случаях, когда к нему изначально применяется мера пресечения в виде подписки о невыезде, поручительства, залога с возложением на него соответствующих обязательств. Значение ответственности в формировании уголовно-процессуального поведения обвиняемого существенно возрастёт при

¹ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. С. 8–12.

законодательном упорядочении системы возлагаемых на него обязанностей, поскольку механизм детерминационного воздействия ответственности на поведение обвиняемого, по общему правилу, предполагает наличие чётко обозначенной в законе обязанности и выраженное к ней отношение обвиняемого. Схема действия этого правила: закреплённая в законе обязанность - неисполнение либо ненадлежащее её исполнение обвиняемым – ответственность обвиняемого должна получить чёткое обозначение в уголовно-процессуальном законодательстве. Такой подход исключит необоснованное манипулирование обвиняемым предоставляемыми ему правами, возможность подмены ими того, что по существу выступает в качестве его обязанностей. Например, на практике обвиняемые нередко отказываются давать образцы для сравнительного исследования, ссылаясь на то, что закон их к этому не обязывает, оставляя за ними такую возможность в виде их права по аналогии с правом дачи показаний. Между тем юридическая природа дачи показаний и производства действий, для обеспечения которых изымаются указанные образцы, совершенно различна. Поэтому данная аналогия, по-нашему мнению, здесь совершенно не уместна. Дача образцов для сравнительного исследования должна рассматриваться как обязанность обвиняемого и обеспечиваться не только силой убеждения, но и возможным принуждением с учётом иерархии и баланса затрагиваемых при этом общественных и личных интересов. Приведённая выше схема связи обязанностей, ответственности и поведения обвиняемого, лежащая в основе механизма взаимодействия этих явлений, предполагает взаимосвязанную и взаимозависимую реакцию обвиняемого и должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, на действие и исполнение соответствующих норм права, проецируя при этом их будущие взаимоотношения в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Реализация прав, исполнение обязанностей, совершение других различных действий всегда соизмеряется обвиняемым с возможными

последствиями, в том числе в виде ответственности, отношения к нему должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Возможная ответственность за неисполнение требований закона при этом выполняет роль одного из мотивационных факторов уголовно-процессуального поведения обвиняемого. Оценка должностных лиц, осуществляющих соответствующую деятельность, поведенческих актов обвиняемого тоже не ограничивается единичным актом исполнения или неисполнения им соответствующего требования закона, они в свою очередь просчитывают будущие действия и поведение обвиняемого, а также возможные средства воздействия на него с целью обеспечения надлежащего исполнения им возложенных на него обязанностей. В частности, подписка о невыезде в качестве меры пресечения в отношении обвиняемого на практике избирается, как правило, в тех случаях, когда он до этого вовремя являлся по вызовам и соблюдал все другие обязательства.

Изложенный аспект ответственности не оставляет сомнения в том, что в данном случае речь идёт о традиционной трактовке юридической ответственности, как негативном последствии противоправного поведения, под которой в теории уголовного судопроизводства понимается «обязанность субъекта уголовного процесса претерпеть предусмотренные уголовно — процессуальной нормой неблагоприятные последствия за допущенное правонарушение»¹. В этом смысле уголовно-процессуальная ответственность чаще всего предстаёт в виде штрафных санкций (наложение денежных взысканий, обращение внесённого залога в доход государства), возложения на субъектов правоотношений дополнительных обязанностей (выполнить требование о приводе), либо лишения предоставляемых им законом прав (удаление из зала судебного заседания) и т.д. Спектр указанных средств воздействия на поведение обвиняемого в ходе осуществления

¹ *Мотовиловкер Я.О.* Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971. С. 90. Подобным образом уголовно-процессуальную ответственность определяли и определяют многие другие учёные. См.: *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 96–97; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 4; *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. С. 10; и др.

уголовно-процессуальной деятельности и диапазон их действия не велики в силу того, что обвиняемый не обременён и не может быть чрезмерно обременён процессуальными обязанностями в виду специфики его правового статуса. В частности, исходя из принципа презумпции невиновности, на него не возлагаются и не могут возлагаться какие-либо обязанности, прямо касающиеся сферы уголовно-процессуального доказывания. Его нельзя обязать давать показания, указывать местонахождение предметов и документов, могущих иметь значение доказательств по уголовному делу, совершать другие подобного рода действия. Однако изложенное не означает принципиальной ограниченности воздействия юридической ответственности на формирование процессуального поведения обвиняемого. Во-первых, её возможности в указанном отношении могут быть существенно расширены за счёт частичного изменения законодательного подхода к основаниям и порядку применения принудительных мер в уголовном судопроизводстве. На данный момент значительная их часть применяется к обвиняемому в режиме превенции, который гарантированно обеспечивает публичные интересы, но сопряжён с возможностью допущения безосновательного использования этих средств и, как следствие, ограничения прав и законных интересов лица, обвиняемого в совершении преступления. Сколько не старался законодатель путём неоднократного изменения соответствующих статей УПК внушить правоприменителям мысль о том, что заключение под стражу в качестве меры пресечения может применяться только при установлении конкретных обстоятельств, подтверждающих такую необходимость и исключающих возможность применения иной, более мягкой меры пресечения, в постановлениях судей об избрании этой меры пресечения до сих пор фигурируют формулировки из текста статьи 97 УПК: может скрыться от следствия, воспрепятствовать производству по уголовному делу, продолжать заниматься преступной деятельностью. Конкретные фактические данные, на основании которых судья принял такое решение, в соответствующих

постановлениях, не смотря на прямое требование части первой статьи 108 УПК, зачастую не приводятся. По обобщённым нами уголовным делам подобное обоснование решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу содержалось в 33,3% всех случаев применения данной меры пресечения (Приложение 2).

Для создания наглядной видимости наличия соответствующего основания и облегчения положения судьи некоторые следственные работники стали представлять в суд рапорты сотрудников оперативных служб и другие подобного рода документы о том, что обвиняемый пытался оказать давление на свидетелей либо совершить другие действия, для предотвращения которых создан институт мер пресечения. Законодатель по инициативе Верховного суда РФ отреагировал на это внесением в часть первую статьи 108 УПК нормы, запрещающей использовать такие материалы в качестве обстоятельств, создающих основания для ареста обвиняемых, если они не проверены в судебном заседании и представлены с нарушением требований закона, в частности предусмотренных статьёй 89 УПК РФ. Теперь очередь за правоприменителями. Интересно, что изобретут они. Возможно, в этой борьбе законодателя с правоприменителями есть некий резон, отражающий один из способов совершенствования уголовно-процессуального законодательства, но последствия изобретательства в применении закона, сопряжённого с существенным ограничением прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, весьма наглядны. Страдают люди и не только те, в отношении которых безосновательно были применены соответствующие меры, но и их семьи. Сколько их никто не знает, потому что это определить невозможно, соответствующей статистики тоже нет. Но есть факты, некоторые из них касаются громкого уголовного дела «о крышевании» игрового бизнеса в Московской области. Двое сотрудников спецподразделения МВД, проходившие по этому делу и содержащиеся под стражей с середины 2011 года, были освобождены

Верховным судом РФ в начале сентября 2013 года. Верховный суд отменил не только постановление Басманного районного суда города Москвы, но и кассационное определение Московского городского суда, и все другие судебные решения, принятые в отношении этих обвиняемых¹. Ещё раньше по данному делу были освобождены из-под стражи все фигуранты. И такие случаи нередки, только за 2013 год по Российской Федерации количество отмененных судебных постановлений, по ходатайствам о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей достигло порядка 1480 решений, а за 2012 год 2210². Все они так или иначе связаны с неверной оценкой предполагаемого поведения обвиняемого, для предотвращения которого к нему была применена мера пресечения.

Существенно снизить риск необоснованного ограничения прав и свобод обвиняемых посредством применения к ним мер пресечения можно путём частичного перевода этих мер в разряд ответственности. С этой целью мы предлагаем внести изменения в УПК, согласно которым заключение под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, применялось бы только в случае нарушения ими ранее применённой к ним меры пресечения. Такие лица, как правило, не представляют большой общественной опасности, вероятность совершения ими действий, на пресечение которых направлены меры пресечения, не велика. Она вполне может быть исключена посредством воздействия других мер пресечения без обращения к аресту. А вот при нарушении обязанностей, вытекающих из акта применения такой меры пресечения, обвиняемый будет нести ответственность в виде изменения меры пресечения на более строгую, т.е. на арест. Такой вариант регламентации основания применения заключения под стражу в качестве меры пресечения более отвечает

¹ См.: Федосенко В. Все свободны // Рос. газ. 2013. № 199 (6175), 6 сент.

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения 12.08.2014); Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360> (дата обращения 12.08.2014).

требованию справедливости уголовного судопроизводства и позволяет чётче определить законность и обоснованность досудебного лишения свободы человека, который обвиняется в совершении преступления, но, согласно презумпции невиновности, считается невиновным.

Во-вторых, в правовой науке, в том числе науке уголовно-процессуального права давно существует иной, по сравнению с изложенным, взгляд на юридическую ответственность, который позволяет говорить о её значительно большем, как по объёму, так и по эффективности, воздействии на поведение обвиняемого. Это явление связывается не только с правонарушением и неисполнением требований закона, но и с добросовестно-позитивным к нему отношением¹. Некоторые из авторов, разделяющих эту точку зрения, вообще считают, что направление исследования юридической ответственности, усматривающее только её негативную сторону, является тупиковым. Оно, по их мнению, «объединяет социальную ценность данной категории, оставляя без внимания её истоки, усилия, направленные на активизацию человеческой деятельности, развитие самостоятельности и инициативы, повышение действительно ответственного отношения граждан к правовым предписаниям»². В теории уголовного процесса отношение к пониманию правовой природы юридической ответственности тоже неоднозначное. Сторонником двойственного подхода к юридической ответственности в уголовном судопроизводстве была З.Ф. Коврига, которая трактовала уголовно-процессуальную ответственность «как необходимость действовать в интересах правосудия, используя права и выполняя обязанности, а также обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения правонарушителя»³. С подотчетностью участников процесса государству в лице государственных

¹ См.: Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты). Воронеж, 1985. С. 7–18; Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. С. 51–75; Чирков А.П. Ответственность в системе права: учеб. пособие. Калининград, 1996. С. 5–22; и др. О критическом отношении к этому пониманию юридической ответственности см.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 35–37.

² Липинский Д.А., Чужлова Е.В. Процессуальная ответственность. М., 2013. С.9.

³ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 57–59.

органов и должностных лиц, наделенных соответствующими контрольными полномочиями в исполнении возложенных на них процессуальных обязанностей, уголовно-процессуальную ответственность связывает Г.Н.Ветрова, резонно утверждая, что такой подход к исследованию юридической ответственности «позволяет раскрыть социальную обусловленность правовой ответственности, ее зависимость от других социальных явлений, полнее определить сущность данного правового феномена»¹. С резкой критикой позитивного взгляда на уголовно-процессуальную ответственность выступал И.Л. Петрухин. Отвергая доводы сторонников этой точки зрения, он утверждал, что участники уголовно-процессуальной деятельности при возложении на них уголовно-процессуальных обязанностей никаких обязательств относительно их исполнения не дают. Не дают они и обязательств по принятию на себя ответственности за неисполнение указанных обязанностей. Поэтому утверждение сторонников критикуемого им взгляда о том, что участники уголовного процесса несут ответственность не после нарушения ими уголовно-процессуальных обязанностей, а с момента возложения на них указанных обязанностей, он считал ошибочным. «Добровольное и сознательное выполнение процессуальных обязанностей и виновное нарушение этих обязанностей диаметрально противоположные явления, которые не могут быть объединены одним понятием процессуальной ответственности»².

Разделяя мнение, согласно которому уголовно — процессуальная ответственность представляет собой разновидность юридической ответственности, выступающей, прежде всего, в виде негативного последствия за противоправное поведение, в частности, за не исполнение либо за ненадлежащее исполнение обязанностей в сфере уголовного

¹ Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. С. 57.

² Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Москва. Наука. 1985. С. 94.

судопроизводства¹, мы усматриваем в уголовно-процессуальном законе наличие не только признаков её позитивного аспекта, но и стремление законодателя к расширению и активизации этой формы юридической ответственности в обеспечении поведения участников уголовного судопроизводства и их воздействия на решения, принимаемые по уголовным делам. Поощрительно-побудительный мотив, рассчитанный на ответственное отношение участников уголовного судопроизводства к своим правам и обязанностям, присутствует во многих нормах, как регулятивного так и охранительного плана. В частности, расписывая порядок производства обыска, законодатель в части 4 ст. 182 УПК устанавливает, что до начала этого действия следователь предлагает лицам, у которых производится обыск, добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, имеющие значение для дела. При этом оговаривается, что в случае позитивного отношения к данному предложению, следователь вправе отказаться от проведения обыска и соответственно - от ограничения прав указанных выше лиц. Установления подобного рода присутствуют в нормах, регламентирующих производство выемки (ст. 183 УПК), привода (ст. 113 УПК), отчасти - мер пресечения (ст. 97, 110 УПК). Достаточно выраженное позитивно-побудительное начало содержат в себе нормы УК РФ, определяющие обстоятельства, смягчающие уголовное наказание за совершённое преступление (ст. 61 УК РФ), порядок их применения (ст. 62, 64 УК РФ) и нормы УПК, устанавливающие необходимость выявления указанных обстоятельств (ст. 73) и их учёта при вынесении уголовно-процессуальных решений (ст. 299 и др.).

Особого внимания в рассматриваемом плане заслуживают законодательные изменения последних лет, касающиеся дифференциации форм уголовного судопроизводства, введшие особые порядки расследования и судебного разбирательства уголовных дел при согласии обвиняемого с

¹ См.: Корнуков В.М., Устинов Д.С. Указ. соч.. С. 159.

предъявленном ему обвинением (гл. 40 УПК)¹ и заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК)², а также порядок производства сокращённого дознания (гл. 32.1 УПК)³. Здесь позитивно-ответственное отношение обвиняемого (подозреваемого) к осуществляемой уголовно-процессуальной деятельности не только приветствуется, но и прямо стимулируется посредством декларирования предоставления ему

¹ См.: *Дорошков В.В.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // *Российский судья*. 2004. № 9. С. 32 – 36; *Свиридова Ю.В., Ултургашиев Ю.С.* Применение особого порядка судебного разбирательства // *Уголовный процесс*. 2005. № 8. С. 32 – 38; *Дьяконова О.Г.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: проблемы теории и практики // *Российский судья*. 2010. № 4. С. 13-16; *Любишкин Д.Е.* Проверка добровольности волеизъявления обвиняемого как условие применения особого порядка судебного разбирательства // *Уголовный процесс*. 2011. № 5. С. 60–67; *Абраева Ж. Е.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // *Молодой ученый*. 2013. №12. С. 615-616; *Артамонова Е.А.* Согласие обвинителя и потерпевшего — обязательное условие рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // *Российский следователь*. 2012. № 12. С. 17–19; *Она же.* Значение волеизъявления обвиняемого и (или подозреваемого) для принятия решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2014. № 1. С. 118-125; и др.

² Подробнее об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и проблемах правового регулирования см.: *Абишлага Г.В.* К вопросу о процедуре принятия судом решения об особом порядке судебного разбирательства в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // *Мировой судья*. 2010. № 12. С. 20-23; *Артамонова Е.А.* О законодательном соотношении прав потерпевшего и обвиняемого в УПК РФ // *Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Собрание научных статей. Выпуск II. Саратов, 2010. С. 159-163; Она же.* Кто должен разъяснить обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? // *Российский следователь*. 2011. № 2. С. 8-10; *Насонова И.А.* Проблемы реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве средства защиты обвиняемого // *Уголовное судопроизводство*. 2010. № 1. С. 217-219; *Чепрасов М.Г.* К вопросу о реализации законных интересов обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // *Право и государство: теория и практика*. 2011. № 12. С. 101-105; *Юнусов А.А.* Институт досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого с прокурором: об оптимальности установленного порядка // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2012. № 3. С. 290-296; *Новиков С.А.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // *Российский судья*. 2013. № 2. С. 42-46; *Тисен О.Н.* Основания возвращения прокурору уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашения о сотрудничестве // *Российское правосудие*. 2014. № 4. С. 85-91; и др.

³ О дознании в сокращенной форме, порядке его производстве достоинствах и недостатках см.: *Артамонов А.Н.* Надзор за производством дознания в сокращенной форме // *Законность*. 2013. № 7. С. 36-39; *Дикарева И.С.* Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // *Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. под общ. ред. и предисл. И.С. Дикарева. Волгоград, 2013. С. 22-34; Кругликов А.П.* Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела? // *Там же*. С. 58-73; *Ковтун Н.Н.* Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // *Российская юстиция*. 2013. № 12. С. 47-49; *Тальнева З. З.* Плюсы и минусы существования дознания в сокращенной форме // *Пробелы в российском законодательстве*. 2014. № 2. С. 245-246; *Евстигнеева О.В.* Дознание в сокращенной форме в свете требования справедливости уголовного судопроизводства // *Вектор науки ТГУ серия «Юридические науки»*. 2014. № 2. С. 41-43; *Лазарева В.А.* Дознание в сокращенной форме: вопросы доказательственного права // *Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. тр. Вып. 3. Самара: Изд-во Самарск. ун-та. 2014. С.646-657; Насонова И.А., Цинова М.В.* Отдельные аспекты функционирования уголовно-процессуального института дознания в сокращенной форме // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2014. № 2. С. 7-11; и др.

определённо–выгодных для него преимуществ при разрешении уголовного дела по существу.

Вариативность использования исследованных выше форм процессуальной ответственности в уголовном судопроизводстве с целью формирования требуемого или желаемого поведения обвиняемого в ряде случаев сопровождается возможностью их сочетания в достижении указанной цели. В частности, регламентация особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве сопровождается установлением негативных последствий для обвиняемого при нарушении им условий соглашения и невыполнении взятых на себя обязательств (ст. 317.6 УПК), в том числе выявившихся после рассмотрения уголовного дела и назначения ему соответствующего наказания (ст.317.8 УПК). В этих случаях уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке, при котором обвиняемый утрачивает обещанные ему преимущества, обусловленные ранее заключённым с ним досудебным соглашением.

Завершая рассмотрение вопроса о роли и значении уголовно-процессуальной ответственности в формировании поведения обвиняемого, можно сделать вывод о том, что эффективность детерминационной связи указанных явлений, во-первых, во многом зависит от чёткости юридической регламентации прав и обязанностей обвиняемого, правовой увязанности этих элементов процессуального статуса обвиняемого с его отношением к ним и последствиям их неисполнения, во-вторых, формы существования и реализации рассматриваемого детерминационного фактора нуждаются в самостоятельном углублённом научном исследовании.

§ 4. Взаимоотношения обвиняемого с другими участниками уголовного судопроизводства и их роль в формировании его уголовно-процессуального поведения

Человек как продукт природы и общества на протяжении всей своей жизни постоянно находится под воздействием обширной совокупности социальных факторов, которые образуют социальную среду¹. Понять, а тем более охарактеризовать психологию и поведение отдельного человека, в нашем случае обвиняемого, невозможно без выявления его связей (отношений) с другими людьми (участниками уголовного судопроизводства). Не случайно понятие «личность» было выработано для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности².

Уголовное судопроизводство, участником которого является обвиняемый, может быть охарактеризовано двояко: как система предусмотренных соответствующим законом действий и как система уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых совершаются определенные действия и реализуются права и обязанности субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальные отношения – это взаимоотношения субъектов процесса, урегулированные нормами права. Они не возникают вдруг, для этого требуются конкретные предпосылки: соответствующие субъекты, наделённые правами и несущие обязанности, юридические факты и т.д. Нередко таким отношениям предшествуют взаимные обращения и определённые взаимоотношения соответствующих субъектов, не регулируемые нормами права. По мере их

¹ См.: *Кон И. С.* В поисках себя: Личность и её самосознание. М., 1984. С. 51–64.

² См.: *Кон И.С.* Указ. соч. С. 36–50; *Абушенко В.Л.* Личность: Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 369; *Бандуровский К.В.* Личность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 400; *Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А.* Личность // Там же. С. 403; и др.

развития, приобретения потенциальной правовой значимости и появления других предпосылок они посредством нормативно-правового регулирования приобретают вид уголовно-процессуальных правоотношений¹. Отношения такого рода, как и официальные правоотношения, в которых участвует обвиняемый, прямо и непосредственно сказываются на формировании уголовно-процессуального поведения обвиняемого. Это касается всех отношений, но прежде всего отношений обвиняемого с потерпевшим (потерпевшими), следователем и другими должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, и, конечно, с защитником.

Говоря о влиянии на поведение обвиняемого его взаимоотношений с другими участниками уголовного судопроизводства, следует иметь в виду, что данные взаимоотношения имеют двухстороннюю связь, а следовательно, и направленность. Вступая во взаимоотношения с другими субъектами процесса, обвиняемый, естественно, ориентируется и рассчитывает на их ответное поведение. То, насколько оно будет соответствовать его ожиданиям, зависит от многих факторов, в том числе от характеристики, сущности и направленности поведения самого обвиняемого. Конкурентная борьба взаимодействующих мотивационных начал, присутствующая при этом, может привести как к согласию взаимодействующих сторон, так и к отказу одной из них принять или учесть просьбу, пожелание либо требование другой.

Характеризуя взаимоотношения обвиняемого с другими участниками уголовного судопроизводства в системе внешних факторов, формирующих процессуальное поведение обвиняемого, необходимо отметить, что нельзя только извне формировать мотивы такого поведения. Можно лишь способствовать этому процессу. Мотив – сложное психологическое

¹ Подробнее об уголовно-процессуальных правоотношениях см.: *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 59; *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правовые отношения. М., 1975. С. 76; *Элькинд П.С.* Указ. соч. С. 19; и др.

образование, которое должен построить сам субъект. Следовательно, извне формируются не мотивы, а мотиваторы.

Отношения с потерпевшим и их влияние на поведение обвиняемого. Характер взаимоотношений с потерпевшим является одним из важных детерминантов уголовно-процессуального поведения обвиняемого. Обвиняемый и потерпевший – два субъекта уголовного процесса, интересы которых, при всей их противоречивости образуют основу объекта всех уголовно-процессуальных отношений и самого уголовного судопроизводства. Это прямо вытекает из содержания ст. 6 УПК, закрепляющей назначение российского уголовного судопроизводства, и сути правового противостояния указанных участников процесса. Каждый из них в первую очередь защищает и отстаивает свои личные интересы. Но если интересы обвиняемого поставлены под угрозу фактом его привлечения к уголовной ответственности за якобы совершенное преступление, то интересы потерпевшего напрямую связаны с этим преступлением, поэтому он заинтересован в раскрытии данного преступления, изобличении и наказании лица, его совершившего. В то же время оба отстаиваемых интереса имеют непосредственную публичную значимость. Общество, а следовательно и потерпевший, заинтересованы в том, чтобы ответственности за совершенное преступление подвергался обвиняемый, действительно совершивший преступление, чтобы ни одно невиновное лицо не вовлекалось в уголовный процесс в этом качестве и не испытывало нарушения своих прав.

Небезразлично общество и к тому, как и насколько эффективно защищены и обеспечены нарушенные преступлением интересы потерпевшего. В этом, условно говоря, должен быть заинтересован и обвиняемый как один из членов общества, поскольку сам может оказаться в подобной ситуации.

Общественный аспект интересов обвиняемого и потерпевшего объединяет их, а личный – разводит по разные стороны, тем не менее

последнее обстоятельство не исключает влияния их взаимодействия на обеспечение интересов друг друга. В частности, обвиняемые нередко добровольно возмещают материальный вред, причиненный потерпевшему, в 70 (23,3%) случаях из 300 изученных нами уголовных дел вред был полностью возмещен до направления уголовного дела в суд (приложение 2). В свою очередь, потерпевшие по таким уголовным делам настаивали на смягчении наказания обвиняемого либо на прекращении в отношении обвиняемых уголовного преследования. Так, в отношении С. было возбуждено уголовное дело по п. а ч. 3 ст. 158 УК РФ. На предварительном расследовании С. не только вернул украденное, но и загладил моральный и возместил материальный вред, нанесенный преступлением потерпевшему, вследствие чего тот в судебном разбирательстве заявил ходатайство о смягчении наказания С. Суд назначил С. наказание в виде 180 часов обязательных работ¹. Другими словами, взаимоотношения обвиняемого и потерпевшего не являются однолинейными или однонаправленными. Они разнятся и во многом зависят от характера совершённого преступления, его последствий, их восприятия сторонами, а также восприятия ими осуществляемого производства по уголовному делу и решений, принимаемых соответствующими должностными лицами.

Поведение обвиняемого по отношению к потерпевшему выстраивается в первую очередь в зависимости от его восприятия предъявленного ему обвинения, то есть от признания либо отрицания вины. Связано оно и с тем, как в свою очередь, потерпевший относится к уголовному делу и обвиняемому, насколько он объективен в оценке действий обвиняемого. Если потерпевший изобличает обвиняемого и настаивает на его строгой ответственности без достаточных на то оснований, то обвиняемый, естественно, не может не отвечать на это соответствующей неприязнью. И, наоборот, объективное, непредвзятое отношение потерпевшего к

¹Уголовное дело № 1-43-2010 г. по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ // Архив Токаревского районного суда Тамбовской области за 2010 г.

совершенному преступлению и самому обвиняемому склоняет обвиняемого к более расположенному отношению к потерпевшему, активизирует его на заглаживание причиненного вреда. В этих условиях срабатывает эффект солидарной оценки произошедшего и желания нахождения общего подхода к устранению последствий преступного действия (бездействия). Сказывается выявленная в бихевиористских теориях связь поведения человека с положительными (награды, поощрения и т.д.) или отрицательными (наказание, отторжение и т.д.) последствиями, которые следуют за выполнением или отказом от выполнения определенного поведенческого акта, а также подмеченная социологами и обозначенная через категорию «социальные действия» закономерность простейшей активности индивида, ориентированного на ответное поведение людей. Осмысленное разнообразие проявлений поведения взаимодействующих индивидов в зависимости от ожидания определенных реакций друг от друга всех взаимодействующих людей в социологии считается важнейшей характеристикой социального действия¹.

Активизации указанных положений психологической и социологической наук, имеющих важное значение и для уголовного судопроизводства, должно способствовать уголовно-процессуальное регулирование правовых статусов обвиняемого и потерпевшего под углом зрения соотношения их содержания. Потребность в сбалансированности полномочий указанных участников уголовного судопроизводства заложена в ст. 6 УПК, закрепляющей назначение российского уголовного судопроизводства, где говорится: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»².

¹ См.: Вебер М. Основные социологические понятия. М., 1990. С. 625–628.

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ (с изм. и доп. от 24 ноября 2014 г. №272-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Однако при всей важности и значимости этих принципиальных положений должный паритет в правовом механизме обеспечения прав и законных интересов обвиняемого и потерпевшего до сих пор не выработан. Несмотря на многочисленные исследования и предложения ученых, тенденция ущербности правового положения потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве занимает довольно устойчивые позиции¹.

Одним из последних её примеров может служить введенная недавно глава 40.1 УПК, предусматривающая новый вариант особого порядка судопроизводства: с обвиняемым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. Потерпевший практически вычеркнут из числа субъектов не только определяющих, но и влияющих на возможность применения указанной процедуры. На практике уже встречаются случаи недовольства потерпевших создавшейся ситуацией. Так, родственники А.С. Политковской, погибшей в результате преступления, совершенного организованной группой в 2007 году, на судебном заседании при рассмотрении уголовного дела одного из участников этой группы полковника милиции Павлюченкова, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, заявили, что они возражают против рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40.1 УПК и потребовали его рассмотрения в общем порядке². Несмотря на это, уголовное дело было рассмотрено, и приговор вынесен по правилам главы 40.1 УПК. Такое положение не только не соответствует назначению уголовного судопроизводства, но и дискредитирует процессуальное положение потерпевшего как участника процесса, выступающего на стороне обвинения.

¹ См., напр.: *Гриненко А.Ф.* Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. М., 2002. № 9. С. 51–52; *Шестакова Т.* Ущемленные права потерпевших // Законность. 2003. № 8. С. 21–22; *Тюнта Е.В.* Потерпевший и его представитель должны иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 156–160; *Ищенко Е.П.* Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 2–10; *Артамонова Е. А.* Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 47–50; *Клецина Е.Н., Шаров Д.В.* Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. М., 2012. С. 120–124; *Кувалдина Ю.В.* Обеспечение прав потерпевшего в особых в особых порядках принятия судебного решения (главы 40, 40.1, 32.1 УПК РФ) // Вектор науки ТГУ серия: «Юридические науки». 2014. № 2. С. 70–74; др.

² Защита семьи Политковской обжаловала приговор Павлюченкову // Рос. газ. 2012. 24 дек. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/24/pavluchenko-anons.htm> (дата обращения 30.10.2013).

Отрицательно оно сказывается и на выстраивании отношений потерпевшего с обвиняемым, который в уголовном процессе, как правило, является единственным субъектом возмещения вреда, причиненного потерпевшему¹.

Если в обычном процессе добросовестный обвиняемый, стремясь к смягчению наказания, ищет пути заглаживания вреда, причиненного потерпевшему, то при порядке, регламентированном гл. 40.1 УПК, он в первую очередь озабочен приобретением расположения органов, осуществляющих производство по уголовному делу. Понятно, что при регламентации рассматриваемой формы осуществления правосудия по уголовным делам законодатель исходил из приоритета публичных интересов. Однако защита интересов потерпевших от преступных посягательств в уголовном процессе тоже строится в основном на базе принципа публичности. Представляется, что именно осознание данного обстоятельства привело к законодательному предложению о наделении потерпевшего правом более широкого участия в стадии исполнения приговора. В частности, возможность условно-досрочного освобождения лица, отбывающего наказание, предлагается обусловить мнением потерпевшего на этот счёт. На наш взгляд, эта законодательная новелла² существенно укрепила положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве и будет способствовать повышению роли этого участника процесса в решении его задач. Её ещё необходимо дополнить требованием об обязательности возмещения вреда, причинённого потерпевшему³, что также положительно скажется и на совершенствовании взаимоотношений потерпевшего с обвиняемым, и на уголовно-процессуальном поведении последнего.

¹ Многочисленные предложения о создании специальных фондов, других структур, занимающихся возмещением вреда потерпевшим от преступных действий, пока ещё так и остаются предложениями (см., напр.: *Ведерникова О.* Где найти защиту? // Рос. газ. 2012. 21 февр. № 37 (5710), *Куликов В.* Какая компенсация будет положена жертвам преступления? // Рос. газ.: Неделя. 2013. № 198 (6174), 5 сент.).

² См.: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4054; Спросите у жертвы // Рос. газ. 2013. № 135 (6111), 25 июня.

³ См.: Проект Федерального закона № 93572-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части защиты прав граждан, пострадавших от преступлений» (ред., внесенная в ГД РФ ФС РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». М., 2013.

Представляется, что аналогичного рода изменение следует внести и в главу 40.1 УПК. Оно вряд ли будет служить помехой для применения предусмотренной в ней процедуры, но значительно повысит защищённость интересов потерпевшего по уголовным делам, рассматриваемым в порядке, регламентированном указанной главой УПК. Связанность возможности использования данной процедуры с согласием потерпевшего можно ограничить применительно к отдельным исключительным случаям, когда мнение потерпевшего будет препятствовать раскрытию и расследованию особо общественно значимых преступлений. Но юридическим фактом для этого должно служить только решение судьи, принятое по инициативе прокурора.

По нашему мнению, следует с осторожностью подходить к предложениям об ограничении возможности прекращения уголовного дела за примирением обвиняемого с потерпевшим¹. В условиях значительного материального расслоения, способности одних людей (добросовестных обвиняемых, осознающих и признающих свою вину в совершении преступления) добровольно возместить весь причинённый материальный ущерб, компенсировать моральный вред, и желания других (потерпевших) – восстановить утраченное либо повреждённое с меньшими моральными и физическими издержками, предложения подобного рода представляются неуместными. Во-первых, не надо забывать, что возможность прекращения уголовного дела по рассматриваемому основанию предусматривается законом только применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести. Во-вторых, закон исключает такую возможность, если речь идет о грубом откупе от ответственности, на чём, собственно, в основном и

¹ См., напр.: *Чурилов Ю.Ю.* Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 40–42; *Шамардин А.А.* Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 60–61; и др.

базируются рассматриваемые предложения, касающиеся прежде всего уголовных дел о нарушениях правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ)¹.

Правильное применение закона, ст. ст. 76 УК РФ и 25 УПК, позволяет исключить всякого рода инсинуации в решении регламентированного ими вопроса, в том числе и применительно к уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ. Верность нашей позиции подтверждается складывающейся в последнее время судебной практикой. Как уже упоминалось, только за один последний год судами по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК, прекращено 63 тысячи уголовных дел. Судя по оценке данного явления Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым, эта практика может стать обычным явлением².

Общеправовой принцип возмещения вреда потерпевшему лицом, причинившим этот вред, для права придуман не случайно, он выполняет двойную функцию. Во-первых, обеспечивает возмещение причинённого ущерба; во-вторых, оказывает воспитательное воздействие на причинителя вреда. Для уголовного судопроизводства оба эти аспекта имеют важное значение, поскольку позволяют, что называется «малой кровью», решать его задачи. Кроме того, они важны и с точки зрения общей и частной превенции, а также обеспечения соответствующего уголовно-процессуального поведения обвиняемого, его взаимоотношений с потерпевшим. Законное и обоснованное применение рассматриваемого правового института при всех негативных обстоятельствах, вызвавших данный процесс, позволяет, если не устранить, то сгладить конфликт интересов, создаёт ситуацию осознания возможности устранения противостояния публичного и частного интересов.

Примером тому может служить уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в результате

¹ В данном контексте весьма интересно выглядит громкий процесс по уголовному делу некоего Мамо Ферояна, сына депутата Ивановской области, который избил инспектора ДПС Евгения Харанеко. Потерпевший, долгое время настаивавший на возмещении вреда и осуждении Мамо Ферояна, неожиданно изменил свои показания, отказался от претензий и предъявил суд расписку в получении 30 млн рублей на лечение и компенсацию морального вреда, чем поверг общественность в шок и спровоцировал митинг возмущенных граждан около суда (см.: *Бровкина М.* Искушение // Рос. газ. 2014. № 6311 (39), 20 февр.).

² См.: *Куликов В.* По мелочи – не сажать. // Рос. газ. 2013. № 195 (6171), 9 авг.

которого погибла женщина – мать двоих несовершеннолетних детей. При рассмотрении данного дела в суде было установлено, что причиной ДТП послужила обоюдная вина обвиняемого (он превысил скорость) и потерпевшей, которая, двигаясь на велосипеде, допустила резкий выезд на середину дороги в непосредственной близости от двигавшегося в попутном направлении автомобиля. Взвесив все обстоятельства уголовного дела, учтя, что дети погибшей остались без попечения, учатся, остро нуждаются в материальной поддержке и согласны на прекращение уголовного дела, подсудимый выплатил им довольно солидную сумму на ближайшие расходы и обязался помогать в будущем до их совершеннолетия, суд применил ст. 25 УПК и прекратил уголовное дело¹. Данный пример наглядно отражает позитивное воздействие характера взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего на поведение обвиняемого и в конечном итоге на решения, принимаемые по уголовному делу.

Что касается других аспектов вопроса возмещения вреда, причинённого преступлениями, в частности по нераскрытым уголовным делам, то они, конечно, должны решаться посредством создания соответствующих фондов, и не только исключительно государственных, но и частно – государственных, с предоставлением им права на регрессные иски.

Взаимоотношения обвиняемого с должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Этот мотиватор уголовно-процессуального поведения обвиняемого неоднозначен с точки зрения содержательной его характеристики. С одной стороны, он предполагает необходимость и возможность совершения определённых действий и принятия решений следователем и другими лицами, осуществляющими уголовно-процессуальное производство, которые не могут не сказываться, не отражаться на поведении обвиняемого, с другой стороны, обвиняемый, осуществляя свою защиту, не может не стремиться

¹ Уголовное дело № 1-08-2010 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ // Архив Марковского районного суда Саратовской области за 2010 г.

повлиять на совершаемые действия и принимаемые в отношении него решения с тем, чтобы воздействовать на их направленность и содержание. Диалектика таких устремлений правоприменителей и обвиняемого вполне понятна и обоснована, она проистекает из противостояния функций, осуществляемых рассматриваемыми участниками уголовно-процессуальной деятельности. Однако противостояние сторон не только не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость их взаимодействия, определённого сотрудничества в целях достижения полезных для каждой стороны результатов¹. В процессе такого взаимодействия происходит смещение, корреляция взаимных позиций сторон, прежде всего обвиняемого, который не может не учитывать то, как развивается судопроизводство по его делу, какие действия и решения принимаются в отношении него, к чему они могут привести. Воспринимая соответствующую информацию по уголовному делу, испытывая потребность использовать её в своих интересах, обвиняемый варьирует своё поведение в расчёте на принятие должностными лицами таких решений по делу, которые вели бы к освобождению его от уголовной ответственности либо смягчению будущего наказания.

Данный аспект рассматриваемой проблемы (влияние поведения обвиняемого на решения, принимаемые по делу) выделен в самостоятельную (третью) главу диссертационного исследования, при выполнении которой неизбежно обращение к сути вопросов, составляющих её второй аспект, поэтому в этой части работы остановимся лишь на общей характеристике механизма, путей и способов влияния деятельности следователя и других должностных лиц на поведение обвиняемого, помня об обратной связи этих явлений и её значимости в решении задач настоящего исследования.

Спектр правового поля, средств и приёмов воздействия следователя и других должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному

¹ См. подробнее: *Насонова И.А., Насонов А.А.* Руководитель следственного органа и начальника подразделения дознания как субъекты обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2012. № 2. С. 90-92.

делу, на поведение обвиняемого широк и разнообразен. Он включает в себя не только возможность совершения уголовно-процессуальных действий, предусмотренных УПК, но и проведение с обвиняемым различного рода бесед по разъяснению его прав, обязанностей, ответственности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, влияющих на выбор меры пресечения и квалификацию вменяемых ему в вину действий, выводов экспертного исследования и сделанных другими специалистами, а также высказывание рекомендаций относительно представления доказательств об обстоятельствах, на которые ссылается обвиняемый, выполнения обязательств, обусловленных фактом применения меры пресечения, разъяснение других вопросов производства по делу.

Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого формируется и под воздействием различного рода требований, просьб, обращений к нему, а также внушений по поводу соблюдения порядка проведения следственных действий и судебного заседания, выполнения им при этом необходимых действий. При отсутствии должных результатов в таких случаях к обвиняемому применяются меры уголовно-процессуального принуждения, призванные обеспечить его надлежащее поведение. Широкий набор способов общения должностных лиц с обвиняемым и круг возможных мер, которые могут быть использованы по отношению к нему, обуславливают необходимость классификации возможных вариативных форм воздействия на обвиняемого и его поведение с точки зрения прежде всего их обязательности для обвиняемого и законодательного оформления.

Исходя из первого признака, их можно подразделить на: 1) формы воздействия, носящие рекомендательный, необязательный характер, которые могут быть использованы как должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, так и другими участниками уголовного судопроизводства, например потерпевшим, а также защитником, и 2)

императивные формы воздействия, допустимые только со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Первую группу указанных форм образуют различного рода обращения в виде просьб (например, о соблюдении уже определённого срока выполнения уголовно-процессуального действия, в частности ознакомления с материалами уголовного дела, оформления ходатайства в письменной форме, его представлении в установленный срок и т.д.), советов (о целесообразности заявления ходатайства об обеспечении услугами переводчика, о добровольном исполнении материальных претензий потерпевшего и др.), а также предложений (о добровольной выдаче оружия, других предметов преступной деятельности). Сюда же следует отнести и убеждение, используемое в целях выполнения обвиняемым возложенных на него обязанностей и взятых им обязательств, а также необходимости совершения действий, предписываемых законом.

Ко второй группе рассматриваемых форм относятся требования, распоряжения, меры уголовно-процессуального принуждения.

В соответствии с законодательной регламентацией, рассматриваемые формы подразделяются на урегулированные и не регулируемые законом.

Все формы воздействия, носящие императивный характер, отражены в уголовно-процессуальном законе, более того, основания и порядок применения тех из них, которые связаны с возможностью применения принуждения, подробно регулируются нормами права. Что касается неимперативных форм, то они либо только упоминаются в законе, либо вытекают из некоторых его положений, либо отражают общепринятые формы взаимоотношений между людьми, с одной стороны, и должностными лицами – с другой.

Вопрос о законодательной регламентации рассматриваемого аспекта взаимоотношений обвиняемого с должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, также актуален, как и обозначенный ранее

аналогичный вопрос об обязанностях обвиняемого. Качественная сторона законодательного регулирования уголовно-процессуальных обязанностей обвиняемого, форм его взаимоотношений с соответствующими должностными лицами, оснований, условий и порядка обеспечения как исполнения обвиняемым возложенных на него обязанностей, так и соблюдения им других предписаний закона, имеет чрезвычайно важное значение с точки зрения соблюдения законности уголовного судопроизводства. Чем чётче, определённое и яснее изложенные положения отражены в законе, тем гарантированнее законность и обоснованность уголовно-процессуальной деятельности, применения к обвиняемому принудительных мер, стесняющих его свободу.

Правовой механизм взаимодействия любых, и прежде всего рассматриваемых, субъектов предполагает не только чёткое обозначение прав и обязанностей одних субъектов, но и не менее определённое законодательное закрепление полномочий других¹. Поэтому не менее важной стороной взаимоотношений обвиняемого с должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, как фактора воздействия на процессуальное поведение обвиняемого является определённость процессуальных полномочий дознавателя, следователя, прокурора и суда в отношении этого участника уголовного процесса, их ответственности за нарушение либо несоблюдение соответствующих положений закона. В последние годы законодатель предусмотрел ответственность за нарушение сроков осуществления уголовно-процессуальной деятельности, ввёл понятие их разумности (ст. 6.1 УПК). Введённые нормы дают ощутимый результат, прежде всего в плане компенсации морального вреда, причинённого заинтересованным участникам процесса². За 2013 год суды удовлетворили 1298 жалоб о

¹ См.: *Андреева О.И.* Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск, 2004. С. 58–59.

² См.: *Куликов В.* Не дождалась // Рос. газ. 2013. № 196 (6172), 3 сент.

присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок¹.

Воздействие должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, на поведение обвиняемого и их взаимоотношения между собой основываются на двух исходных правовых позициях. В качестве первой выступает властность полномочий должностных лиц. В качестве второй – принципы, определяющие процессуальное положение обвиняемого и пределы его уголовно-процессуальной свободы и неприкосновенности. К ним в первую очередь относятся: принцип законности, принцип презумпции невиновности, принцип неприкосновенности личности, принцип обеспечения права на защиту.

Установленная законом властность полномочий соответствующих должностных лиц распространяется на все их отношения с обвиняемым. Она лежит в основе всех требований, исходящих от этих участников и касающихся обвиняемого, который не может не понимать, что следователь, прокурор, суд действуют от имени государства и в его интересах и потому их требования, основанные на законе, должны быть исполнены. В связи с этим, рассматриваемый аспект исходных позиций взаимоотношений должностных лиц и обвиняемого порождает: 1) обязательность требований дознавателя, следователя, прокурора и суда для обвиняемого; 2) необходимость подчинения обвиняемого законным распоряжениям указанных должностных лиц и органов и согласование с ними определённых действий (например, возможности выехать за пределы места проживания, обозначенного в подписке о невыезде); 3) возможность применения принуждения к обвиняемому в целях обеспечения исполнения им основанных на законе требований и распоряжений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Соответственно данный аспект предполагает необходимость разъяснения обвиняемому указанных выше положений и

¹ См.: Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360> (дата обращения 12.08.2014).

убеждения его в их соблюдении. Всё это создаёт почву для активного психологического воздействия на психику, чувства, мысли и в конечном итоге на поведение обвиняемого.

Связанности, определённой «подчинённости» обвиняемого создающимся обстоятельствам противостоит свобода поведения обвиняемого, основанная на принципах законности, презумпции невиновности, неприкосновенности личности, обеспечении права на защиту, которые делают обвиняемого равноправным участником уголовного процесса, обладающим всеми необходимыми возможностями по отстаиванию своего положения как невиновного человека и защите своих прав и законных интересов. С этой стороны обвиняемый в процессуальном отношении абсолютно свободен, его поведение обусловлено только одним – необходимостью обеспечения собственных интересов и использованием для этого всех предоставленных ему прав.

В этом двуединстве уголовно-процессуальных основ соответствующей деятельности и формируется уголовно-процессуальное поведение обвиняемого. Излишние притязания дознавателя, следователя, прокурора и суда к обвиняемому парализуются его обращением к нормам, содержащимся или вытекающим из указанных принципов. Например, стремлению следователя к максимально возможному ограничению свободы обвиняемого и психологическому его «разоружению» посредством применения к нему в качестве меры пресечения заключения под стражу противостоит деятельность обвиняемого и его защитника по доказыванию отсутствия для этого оснований либо соответствующих условий¹. По данным Судебного департамента при Верховном Суде России, за 2012 год суды рассмотрели 147 784 ходатайства об аресте. Из них 132 923 были удовлетворены. Таким образом, в среднем по России 10 – 15 таких ходатайств из 100 отказывается в

¹ См.: *Лившиц Ю.Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 15–38; *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. С. 67–73; *Он же.* Следственная власть и ее роль в осуществлении правосудия по уголовным делам в Российской Федерации // *Вестник СамГУ.* 2014. № 11. С. 43-39; *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. С. 107–113; *Михайлов В.А.* Методологические основы мер пресечения. М., 1998. С. 13–15; и др.

удовлетворении¹. Вместе с тем, к примеру, на два суда Токаревского и Мордовского районов Тамбовской области за период 2008 – 2014 гг. приходится всего 4 из 90 таких отказов в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Роль защитника в формировании процессуального поведения обвиняемого. В отличие от отношений с должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, которые основываются на властности их полномочий и предполагают подчинение, опасение по поводу направленности действий соответствующих субъектов, отношения обвиняемого с защитником носят характер доверительного сотрудничества. Они основаны на принципе взаимного доверия и подчинены достижению взаимоприемлемых целей. Хотя защитник, согласно официальной российской уголовно-процессуальной доктрине, является самостоятельным участником уголовного судопроизводства², вся его деятельность по уголовным делам подчинена исключительно защите интересов обвиняемого³. Никаких других интересов в уголовном процессе у него нет и быть не может, потому что защитник вступает в уголовный процесс по желанию обвиняемого и выбирается им или другими лицами по согласованию с ним с одной целью – максимально обеспечить защиту обвиняемого. (Случаи участия защитника по назначению и проблемы, возникающие при этом – предмет особого дальнейшего рассмотрения). Все возможные коллизии между обвиняемым и защитником разрешаются с позиции интересов обвиняемого, даже если она расходится с позицией защитника.

¹ См., напр.: *Куликов В.* Арестовывать теперь будут по-европейски // Рос. газ. 2010. 6 окт. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/06/aresty-site.html> (дата обращения 22.01.2014).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 272-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52; *Цыпкин А.Л.* Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 259–267; *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 134–135; *Якимович Ю.К.* Некоторые аспекты участия защитника в уголовном процессе // Избр. труды. Томск, 2006. С. 19; и др.

³ См.: *Шпилев В.Н.* Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 78; *Адаменко В.Д.* Советское уголовно-процессуальное представительство. Томск, 1978. С. 9; *Григорян В.Л.* Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2012. С. 27; и др.

При этом отнюдь не умаляется существенное влияние защитника и его отношений с обвиняемым на уголовно-процессуальное поведение последнего. Если права, обязанности и ответственность составляют фактическую правовую базу поведения обвиняемого, то его отношения с защитником, помощь, которую он (защитник) оказывает ему в осознании своего правового статуса и сущности, заложенных в нём возможностей, выступают одной из основных форм реализации этой базы, претворения её в реально работающий уголовно-процессуальный механизм. Деятельность защитника в этом отношении предполагает: 1) системное разъяснение всей совокупности прав обвиняемого с разбивкой их на определённые группы – по их направленности, времени и последовательности использования, возможной результативности и другим критериям, диктуемым конкретными обстоятельствами уголовного дела; 2) убеждение обвиняемого в эффективности этих прав и необходимости их активного использования при производстве по уголовному делу; 3) объяснение обвиняемому необходимости соблюдения требований закона, обязывающих его к определённому поведению, желательности правильного выстраивания отношений с должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, и избегания ненужной, необоснованной конфликтности с ним; 4) внушение обвиняемому целесообразности настойчивого и последовательного отстаивания своих прав и законных интересов в ходе проведения любого действия и осуществления всей уголовно-процессуальной деятельности. При этом сам защитник должен демонстрировать точное знание требований и предписаний закона в рассматриваемой части, проявлять уважение к ним, не допускать негативных их оценок.

Защитнику ни в коем случае нельзя полагаться на то, что права обвиняемого излагаются в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и разъясняются ему следователем при предъявлении обвинения.

Как показывают данные анкетирования практических работников, немногие люди, предстающие в качестве обвиняемых, имеют достаточное представление о своих уголовно-процессуальных возможностях, а тем более об их практическом использовании. Проведённый нами опрос показал, что только 30% таких лиц в состоянии воспроизвести четверть всех перечисленных в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и разъяснённых им следователем прав (приложение 1). Некоторые обвиняемые не смогли даже чётко ответить на вопрос, как они могут повлиять на доказывание по уголовному делу, посредством каких собственных действий. Не случайно многими авторами отмечаются частые случаи пассивного поведения обвиняемых как в ходе досудебного производства, так и в суде. Они, пишет, например, Ю.Ф. Лубшев, ведут себя в процессе почти так же, как обычные граждане, пришедшие послушать дело¹.

Предусмотренный законом порядок разъяснения обвиняемому его прав в данном отношении малоэффективен, особенно если учесть довольно распространённое недоверие к следователю со стороны таких лиц и то психологическое состояние, в котором они находятся в момент выполнения соответствующих действий. Основная нагрузка по «вооружению» обвиняемого необходимыми знаниями и их практическому применению лежит на защитнике. И чем добросовестнее он её выполняет, тем активнее и эффективнее ведёт себя обвиняемый в уголовном судопроизводстве. В таких случаях у обвиняемого возрастает доверие к своему защитнику и его деятельности, желание выслушать его мнение по каждому возникающему вопросу, в том числе касающегося восприятия и реакции на требования и действия следователя. В ходе выполнения указанной работы закладываются основы взаимоотношений защитника и обвиняемого, посредством которых осуществляется воздействие защитника на уголовно-процессуальное поведение обвиняемого. Дальнейшее развитие этот процесс получает при

¹ См.: Лубшев Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле: учеб.-практ. пособие. М., 1997. С. 130.

выработке предварительной, а в последующем и основной позиции защиты по уголовному делу, в ходе ее реализации на отдельных этапах уголовно-процессуальной деятельности, согласования отношения к вынесенному судом решению и необходимости его обжалования.

Изложенная схема (механизм) формирования взаимоотношений обвиняемого с защитником и их воздействия на поведение обвиняемого включает также проведение различного рода консультаций и согласований по отдельным вопросам тактики реализации правомочий стороны защиты и поведения обвиняемого при привлечении его к участию в производстве следственных и других уголовно-процессуальных действий.

Важным элементом деятельности защитника по уголовному делу является установление и процессуальная демонстрация положительных качеств и свойств обвиняемого, имеющих как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное значение, то есть прямое, непосредственное формирование уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого. Достигается это посредством изучения личности обвиняемого, наблюдения за его поведением в ходе производства по уголовному делу и использования установленных законом правил участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании.

Под изучением личности обвиняемого в юридической литературе понимается процесс выявления, анализа, сопоставления и углублённого познания личностных свойств, признаков, поведенческих актов и состояний лица, привлеченного к уголовной ответственности, путем собирания и изучения сведений о нем в порядке и формах, установленных законом. Эта тема довольно обстоятельно представлена в уголовной и уголовно-процессуальной литературе, но применительно к предмету доказывания по уголовному делу и под углом зрения соблюдения общих правил уголовно-процессуального доказывания. Поскольку в нашем случае речь идёт об обстоятельствах, характеризующих уголовно-процессуальное поведение

обвиняемого, то деятельность по их установлению во многом не подпадает под действие указанных правил, хотя в ряде случаев и использует их. Чаще всего данные обстоятельства и сведения о них обнаруживаются непосредственно в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности и потому возникает вопрос об особенностях их восприятия, определения юридической значимости и процессуального закрепления. Сбор основного объёма подобного рода сведений об обвиняемом составляет предмет деятельности следователя. Им выясняются установочные данные обвиняемого (Ф,И,О, год, место рождения и т.д.); сведения, характеризующие поведение обвиняемого до, в ходе и после совершения преступления; в ряде случаев намерения обвиняемого относительно участия в производстве отдельных следственных действий, а также формы осуществления правосудия по уголовному делу.

Деятельность защитника в этом направлении, хотя и предстаёт во вспомогательном виде, характеризуется более широким охватом отношений обвиняемого с окружающей действительностью и углублённым проникновением в содержание устанавливаемых при этом обстоятельств. Если следователь, например, выясняя семейное положение обвиняемого, как правило, ограничивается сведениями о составе его семьи, наличии и количестве детей, что весьма важно и для защиты, то защитник не ограничивается этим. Он должен выяснить состояние здоровья членов семьи обвиняемого, условия, в которых они проживают, их потребность в помощи обвиняемого и другие сведения, которые могут иметь значение как для определения вида и размера наказания, так и при принятии промежуточных решений в отношении обвиняемого (избрание меры пресечения, наложение ареста на имущество, отстранение от должности и т. д.).

В отличие от деятельности следователя предмет и пределы изучения защитником личности обвиняемого, условий его жизни и других обстоятельств, которые могут иметь правовое значение, с рассматриваемой

точки зрения законом не определены. Действующий УПК даже применительно к деятельности соответствующих должностных лиц и органов не содержит полных и достаточно четких требований на этот счёт. Во-первых, он ограничивается лишь выборочным набором требований относительно отдельных сведений о личности обвиняемого, имеющих определённое значение в тот или иной момент судопроизводства; во-вторых, эти требования весьма расплывчаты (см., например, ст. ст. 169, 178, 189 УПК и др.). Ныне действующий закон не отражает содержащуюся в УПК РСФСР 1960 года ст. 98, обязывавшую следственные органы принять меры попечения о детях и имуществе арестованного обвиняемого, которая, естественно, предполагала необходимость установления соответствующих объектов заботы следователя.

Защитник сам должен определить предмет и пределы изучения личности обвиняемого, его действий и состояний, имеющих юридическое значение, посредством анализа соответствующих норм УПК применительно к тем решениям, которые применяются и могут применяться в отношении обвиняемого. Это обязывает его, во-первых, к тесному взаимодействию с обвиняемым, во-вторых – к комплексному и творческому осуществлению данной деятельности, активному использованию в ней не только уголовно-процессуальных средств, имеющихся в его распоряжении, но и научных подходов, разработок социологического, психолого-психиатрического, биологического и педагогического характера. Личность обвиняемого и его процессуальное поведение должны изучаться защитником многопланово, с набором соответствующих сведений на все возможные случаи ограничения его свободы, прав и законных интересов, не говоря о судебном решении относительно его виновности (невиновности) в совершении инкриминируемого ему преступления и меры наказания.

Решение рассматриваемой задачи при нынешней её регламентации под силу не каждому адвокату, это требует не только значительных физических и

волевых усилий, но и высокой степени профессионализма. На наш взгляд, этому должны содействовать законодатель и соответствующие органы адвокатской корпорации. Законодателю следовало бы закрепить в нормах права более чёткие очертания предмета и пределов изучения личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве, органам адвокатского сообщества – создать методические разработки на этот счёт. По этим вопросам в юридической литературе неоднократно высказывались различные мнения, делались попытки вывести общую формулу данных об обвиняемом, предлагались обоснованные классификации сведений о личности обвиняемого, подлежащих изучению в уголовном судопроизводстве¹. По нашему мнению, классификации и перечни таких данных об обвиняемом должны предусматривать сведения об установочных данных, психофизических и психологических особенностях обвиняемого, общественно-производственную и бытовую характеристики, об условиях и образе жизни, отношении к содеянному и его поведению в ходе следствия и суда и т.д.

Наблюдение за формированием поведения обвиняемого со стороны защитника должно быть постоянным и системным, потому что в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела могут меняться не только квалификация содеянного и уголовно-процессуальный объем прав и обязанностей обвиняемого, но и его личное состояние, эмоции, мысли, поведение в целом, что обуславливает

¹ См.: *Ведерников Н.Т.* Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения. С. 92; *Гуськова А.П.* Выявление судом обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. С. 11; *Коршик М.Г., Степичев С.С.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969. С. 16; *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 127–128; *Матусевич И.А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследований преступлений. Минск, 1975. С. 43; *Цветков П.П.* Указ. соч. С. 101–102; и др.

необходимость коррекции методов и способов воздействия на его личность¹. Защитник должен предвидеть такую возможность и быть готовым к изменению как своего отношения к обвиняемому, так и к необходимости воздействия на его взаимоотношения с должностным лицом, осуществляющим в тот или иной момент производство по уголовному делу. Следует помнить, что в такой ситуации обвиняемый более всего нуждается в помощи и внимании человека, которому он доверяет.

Процесс изучения личности обвиняемого, наблюдение за его поведением со стороны защитника предполагает процессуальное оформление результатов этой деятельности. Способами отражения и фиксации соответствующей информации выступает прежде всего досье, которое ведётся адвокатом по каждому осуществляемому им производству. Отдельную часть этого документа, по нашему мнению, следует посвящать уголовно-процессуальной характеристике обвиняемого и ходу её формирования. В этом внутреннем документе отражается информация, которая становится частью уголовного дела. Поэтому защитник должен использовать все предоставленные ему законом возможности по её введению в материалы уголовного дела с тем, чтобы она нашла отражение в итоговом акте предварительного расследования и решении суда. В этих целях используются: протоколы следственных действий, в которых принимают участие обвиняемый и защитник; ходатайства с просьбой о приобщении к уголовному делу соответствующих документов; заявления об отражении в процессуальных документах сведений о личности обвиняемого, выявленных в ходе производства по делу, и другие способы уголовно-процессуального

¹ См.: *Аврах Я.С.* Психологические проблемы защиты по уголовным делам. Казань, 1972. С. 66–89; *Ларьков А.* Рецензия на книгу Н. Ведерникова «Изучение личности преступника в процессе расследования» // Социалистическая законность. 1969. № 8. С. 94–95; *Игнатова Н.М.* Изучение личности обвиняемого защитником и использование полученных данных в ходе защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. С. 86–133; *Лубшев Ю.Ф.* Указ. соч. С. 130–131; *Гармаев Ю.П.* Влияние адвоката-защитника на показания подозреваемого (обвиняемого): Каковы его пределы? // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2. С. 98–100; *Насонова И.А.* Взаимоотношения адвоката – защитника с подозреваемым и обвиняемым // Вестник Воронежского института МВД. 2002. № 2. С. 90–92; и др.

воздействия защитника на процесс расследования уголовного дела и его рассмотрение в суде.

Результаты изучения личности обвиняемого, его поведенческая характеристика во многом определяются активностью защитника в уголовном процессе. Защитник должен внимательно следить за ходом предварительного расследования и судебного разбирательства дела, активно участвовать в исследовании доказательств, собранных по уголовному делу, поиске других сведений, которые могут стать доказательствами по делу, организовывать, направлять и поощрять в этом направлении процессуальную деятельность обвиняемого как участника процесса. В работу адвоката-защитника включается также деятельность, направленная на повышение у обвиняемого чувства ответственности за его процессуальное поведение при производстве по уголовному делу. Задача адвоката состоит и в том, чтобы научить обвиняемого считаться с позицией самого адвоката, избегать ненужных поступков и фраз, способных осложнить защиту. Соблюдение норм уголовно-процессуального поведения – надежная гарантия предупреждения конфликтов противоправного характера со стороны обвиняемого. Всей своей деятельностью защитник-адвокат должен способствовать развитию и закреплению у обвиняемого нормальных, устойчивых навыков своей защиты и правомерного поведения. При этом грамотная защита предполагает максимально возможную индивидуализацию личных качеств и свойств обвиняемого и их использование в защитительной деятельности.

§ 5. Внутриличный аспект мотивации уголовно-процессуального поведения обвиняемого

Не меньшую значимость в формировании уголовно-процессуального поведения обвиняемого имеют факторы внутриличного характера. Если

внешнее воздействие, выступая в качестве объективно воспринимаемого мотиватора, создаёт предпосылки для формирования определённого поведения и обеспечивает этот процесс, то внутриличностная составляющая создаёт собственно мотив как побудительную силу к конкретному действию, выступающую в виде сложного внутриличностного психолого-волевого образования, которое выстраивается внутри и самим субъектом. Поведение обвиняемого в определённой мере является внешним выражением его внутреннего мира, всей системы его жизненных установок, ценностей, идеалов, волевых качеств.

К внутренним, или, по терминологии психологов, эндогенным факторам, оказывающим влияние на уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, относятся личностные, индивидуальные свойства человека, вовлечённого в уголовный процесс в этом качестве, как биосоциального существа. Обвиняемого вообще в природе не существует. Право, в том числе уголовно-процессуальное, оперирует понятиями, отражающими всеобщность. Вводя категорию «обвиняемый», ст. 47 УПК обозначает ею всякого человека, в отношении которого вынесено соответствующее постановление, обвинительный акт или обвинительное постановление. Посредством этой правовой категории создаётся один из видов участников уголовного судопроизводства, субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, описываются его видовые правовые характеристики: права, обязанности, ответственность и т.д. Она не охватывает и не может охватить индивидуальных признаков и черт каждого, кто привлекается в качестве обвиняемого по уголовному делу. Когда возникает такая необходимость, создаётся некая меньшая общность, правовая разновидность этого субъекта, отражающая его отдельные, существенные в правовом отношении признаки. Так возникают несовершеннолетний обвиняемый, обвиняемый, обладающий специальным правовым статусом, и другие разновидности обвиняемого. Но и они не отражают всех свойств каждого обвиняемого, относящегося к той и

иной категории, тем более свойств индивидуально-личностного характера. Указывая иногда на необходимость учёта тех или иных качеств подобного рода, например состояния здоровья, возраста, уровня психического развития и т.д., законодатель тем самым только подчёркивает важность выяснения данного обстоятельства в каждом конкретном случае, когда оно приобретает юридическое значение по делу¹.

Приобретение уголовно-процессуального статуса обвиняемого конкретным лицом (Ивановым, Петровым и т.д.) создаёт новую персонифицированную конструкцию обвиняемого, характеризующуюся индивидуальным правовым статусом и субъективностью предоставляемых прав и возлагаемых обязанностей, которая, по сути, является отражением общего в обогащённом частном. В рамках этой конструкции и проявляются индивидуально-личностные свойства обвиняемого, определяющие его поведение в уголовном судопроизводстве. В первую очередь это касается волевых, психофизиологических и психоэмоциональных качеств обвиняемого.

Психофизиологические особенности личности обвиняемого и состояние его здоровья являются одним из важных внутренних факторов, влияющих на процессуальное поведение обвиняемого.

Заболевания соматического, а особенно психического и психологического плана, существенно изменяют социальную ориентацию личности. Они ограничивают её возможности в осуществлении различных видов деятельности, ведут к сужению круга контактов с окружающими людьми, приводят к смене места, занимаемого им в жизни. В связи с этим наблюдаются снижение волевой активности, сужение круга интересов, вялость, апатичность, нарушения целенаправленной деятельности с падением работоспособности, обеднением и оскудением всего психического облика².

¹ См., например, *Насонова И.А.* Ювенальные аспекты обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 111 – 115.

² См. *Соколов Е.И., Зуев А.П., Фомина В.М.* [и др.]. Психологический тип личности как фактор риска в патогенезе ишемической болезни сердца // Кардиология. 1991. Т. 31, № 7. С. 102–105; *Бассин Ф.В.* О так

Всё это имеет прямое отношение к лицам, обвиняемым в совершении преступных действий (бездействия), и к тому же усугубляется фактом привлечения их к уголовной ответственности. Такие обвиняемые (подозреваемые) нередко испытывают трудности коммуникационного плана, у некоторых из них доминирует развитие деструктивных качеств личности (агрессия, зависть и др.), а то и суицидальное поведение. Если учесть, что общество, по мнению З. Фрейда, уже само по себе делает человека невротиком, так как в любой цивилизации возникают внутренние конфликты между потребностями (заложенными в структуре Ид) и социальным контролем за их проявлением (Супер-Эго)¹, то вовлечение его в уголовно-процессуальную деятельность в качестве обвиняемого существенно повышает риск приобретения этого качества. Интерпретируя теорию К. Лестера, индивид, обладая опытом социальной жизни в окружающем его обществе, попадая в сферу уголовного судопроизводства, вынужден в большей мере отказываться от части своего Я путем принятия и выполнения несвойственных социальных ролей, обусловленных занимаемым процессуальным статусом. При этом наибольшую невротизацию создает несоответствие представлений индивида о своем реальном и идеальном Я².

Подобного рода состояния обвиняемого, безусловно, отражаются на его поведении в виде возникновения неадекватных самооценок, уровней притязаний, заниженной самооценки. Они дают возможность использования запрещенных (сомнительных) методов психологического воздействия на обвиняемого, таких, как внешнее внушение, которое осуществляется с помощью речи и неречевых средств общения и отличается сниженной аргументацией со стороны внушающего (суггестора) и низкой критичностью восприятия соответствующего содержания со стороны внушаемого

называемом психосоматическом подходе к проблеме развития и преодоления болезни // Клиническая медицина. 1970. № 9. С. 24–29; Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М., 1987. С. 124–126; и др.

¹См.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 383–384.; Он же. Я и Оно // Там же. С. 427.

² См.: Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Барнаул, 2000. С. 5

(суггерента). Наиболее выраженную остроту этот вопрос приобретает на первоначальном этапе расследования при задержании подозреваемого, когда в условиях его ограниченной информированности, задержание потенциально создает возможность незаконного и необоснованного воздействия на задержанного с целью получения от него признательных показаний.

Анализ практики расследования уголовных дел показывает, что в большинстве случаев следователи преднамеренно создают условия, в которых критичность восприятия информации у изобличаемого лица снижается. С этой целью они обеспечивают подозреваемого, как правило, дежурным защитником, и лишь в момент его допроса. Защитник при этом зачастую выбирается самим следователем. В литературе приводятся даже факты, когда приглашенным защитникам чинятся препятствия их вступления в дело до окончания допроса подозреваемого с дежурным адвокатом¹. В таких случаях назначенный следователем «нужный» защитник фактически оказывает содействие стороне обвинения в получении от подозреваемого признательных показаний, не реагируя на запрещенные приемы психического воздействия². Именно этим обстоятельством объясняются многочисленные случаи расхождения показаний, даваемых одним и тем же лицом при допросе его в качестве подозреваемого и обвиняемого. По данным проведенного обобщения они наблюдаются в 55% от всех изученных дел³, а из 300 уголовных дел, обобщенных нами, - порядка 57% от всех изученных дел (приложение 2).

В дальнейшем, после консультации с приглашенным защитником, будучи психологически более подготовленным к допросу, обвиняемый, сожалея о своих предыдущих показаниях, отказывается от них и дает новые показания. Подобную практику задержания подозреваемых вряд ли можно

¹ См.: Буранов Г.К. Обеспечение законности при вступлении защитника в уголовный процесс // Обеспечение законности в уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции (г. Саранск, 7–8 декабря 2006 г.). Саранск, 2006. С. 95.

² См.: Григорян В.Л. Защита и защитительная деятельность как факторы, определяющие построение уголовного процесса и выполнение его задач: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 137.

³ См.: Там же. С. 138.

признать нравственно обоснованной, так как раскрытие преступлений, получение признательных показаний от подозреваемых в таких случаях обусловлены, как правило, их стрессовым состоянием (не критичностью восприятия происходящего) и отсутствием возможности лично формировать процессуальное поведение в целях защиты своих прав и законных интересов.

Психофизиологические особенности личности обвиняемого накладывают отпечаток на всю его уголовно-процессуальную деятельность и имеют непосредственное значение при решении целого ряда юридически значимых вопросов. Однако правом они учитываются далеко не все, в чём и состоит несправедливость права, на что обращал внимание Ф. Энгельс¹. Например, и холерик, и сангвиник, и человек, имеющий физические недостатки, несут одинаковую уголовную ответственность за совершённые преступления, в законодательной регламентации нет должных различий порядка их допроса, производства с ними следственного эксперимента и других уголовно-процессуальных действий. Право, в том числе уголовно-процессуальное, придаёт значение только таким состояниям здоровья человека, которые ставят под сомнение саму возможность юридической ответственности, способность адекватно воспринимать юридически значимые обстоятельства и другие подобного рода отклонения в физическом и психическом состоянии личности. Для этих случаев вводятся специальные формы судопроизводства или отдельные их особенности. В качестве таковых УПК выделяет производство по делам несовершеннолетних, производство по применению принудительных мер медицинского характера. Кроме того, им предусматривается ряд других особенностей, касающихся принятия уголовно-процессуальных решений и проведения отдельных уголовно-процессуальных действий. Один из аспектов этого вопроса уже затрагивался в данном исследовании при характеристике изменений (§ 3 главы II) уголовно-процессуального законодательства в части применения мер

¹ См.: Энгельс Ф. Мораль и право. Равенство // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 97-110.

пресечения, порядка их отмены и изменения. Вводя порядок медицинского освидетельствования лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предусматривая необходимость изменения ареста на другие, менее жёсткие меры пресечения, законодатель, безусловно, исходил из того, что состояние здоровья прямо и непосредственно связано с его поведением в уголовном процессе. Физически беспомощный человек, а именно таким он становится вследствие заболеваний, перечень которых утверждён соответствующим постановлением Правительства РФ, существенно ограничен в возможности совершения действий, для предотвращения которых применяются меры пресечения.

Признание корреляционной зависимости поведения обвиняемого от состояния здоровья прослеживается и в ряде других случаев регламентации уголовно-процессуальной деятельности. В частности, УПК предусматривает необходимость обязательного проведения судебной экспертизы для определения возраста, физического и психического состояния обвиняемого (ст. 196 УПК), обязывает следователя выяснять способность обвиняемого подписать протокол следственного действия (ст. 167 УПК). Такое признание содержится и в ст. 9 УПК, запрещающей применять в отношении участников уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемого, насилие, пытки, совершать другие жёсткие или унижающие достоинство человека действия, поскольку они могут привести не только к физическим и нравственным страданиям, но и к незаконному воздействию на уголовно-процессуальное поведение указанных лиц (обвиняемого). Этой острой проблемой озабочена и Россия, и всё мировое сообщество. В сентябре 2013 года Верховный Суд РФ направил во все российские суды подготовленный экспертами ООН обзор с рекомендациями по выявлению и пресечению пыток и дискриминации в уголовном судопроизводстве¹.

¹ См.: Куликов В. Непробиваемые // Рос. газ. 2013. № 211 (6187), 20 сент.

В подавляющем большинстве случаев психофизиологические особенности личности, в том числе обвиняемого, составляют предмет тактики осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Они разрабатываются специалистами в области судебной криминалистики, судебной психологии и психиатрии¹. Уяснение психофизиологических особенностей обвиняемого помогает познать его психический склад, индивидуальность, установить с ним необходимый психологический контакт, что подчас весьма необходимо при производстве допроса, определении тактики проведения ряда других следственных и судебных действий. Внедрение соответствующих рекомендаций в практику сопряжено с необходимостью соблюдения при этом нормативных положений, охраняющих и обеспечивающих достоинство, физическую (телесную) и нравственную неприкосновенность личности, другие её права и свободы. В последние годы этот аспект проблемы, с одной стороны, прояснился настолько, что практически не возникает вопросов относительно недопустимости использования при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности различного рода ловушек и приёмов, граничащих с обманом, а также рассчитанных на неподготовленность и другие слабые стороны психики обвиняемого. С другой стороны, явно обозначилась тенденция к использованию психофизиологических особенностей личности обвиняемого в уголовно-процессуальном доказывании путём внедрения новых средств и способов осуществления этой деятельности, в частности так называемого полиграфа. Это давно известное средство, основанное на фиксации с помощью определённых приборов физических и психических реакций человека на различного рода раздражители, в частности на задаваемые ему вопросы, в последнее время всё настойчивее предлагается ввести в уголовный процесс на правах

¹ См.: Ратинов А. Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. М., 1988. С. 34–35, 97–99; Коченов М.М., Ефимова Н.И., Кривошеев А.С., Ситковская О.Д. Изучение следователем психологии обвиняемого. М., 1987. С. 24–27; Беркин А.Р. Теория доказывания. М., 2000. С. 341–415; Аверьянова Т.А., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2007. С. 577; Полстовалов О.В. Современные проблемы криминалистической тактики. М., 2009. С. 136–181; и др.

самостоятельного средства уголовно-процессуального доказывания. Некоторые журналисты уже пишут о появлении законодательной почвы для проведения подобного рода исследований до возбуждения уголовного дела, что, по их мнению, значительно упростит и ускорит процесс выявления лица, совершившего преступление, «так как «подозреваемого могут сразу, как говорится, «прокачать» на причастность к преступлению. И если «умная машина» покажет, что задержанный не врёт, его отпустят. Или же – совсем наоборот»¹. Именно так и никак иначе предлагается решать одну из самых сложных задач уголовного судопроизводства.

Эту поспешную журналистскую находчивость можно было бы воспринимать с усмешкой, если бы она не подавалась как осмысление определённых процессов, происходящих в следствии и обеспечивающих его науках. Автор пишет, что под руководством председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина готовится учебник по криминалистике, в котором, якобы, и утверждается возрастающее значение в обвинении или оправдании подозреваемого судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа. Чтобы усилить авторитетность изложенной информации, автор далее, не задумываясь о её соотношении с последующим текстом, сообщает: «Более того, в территориальные органы Следственного комитета теперь принимают на службу лишь после прохождения проверки на полиграфе»². Как говорится – давно пора. Против того, чтобы полиграф использовался в качестве средства кадровой службой, может возражать только человек, принимаемый на работу. А вот против его использования в качестве средства определения виновности (невиновности) лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, должен возражать каждый здравомыслящий человек, потому что при нынешних научных представлениях о

¹ Фалалеев М. Детектор лжи разрешили применять до возбуждения уголовного дела // Рос. газ. 2013. № 207 (6183), 16 сент.

² См.: Там же.

психофизиологических процессах человека, возможности посредством их отражения определять правдивость или ложность сообщаемой им информации, которая считывается не «умной машиной», а обыкновенным, хотя и прошедшим определённую подготовку, человеком, это явление сродни используемым в древности ордалиям – повезёт или не повезёт. Однако полиграф не такая уж умная машина, как о ней пишут. Он не читает мысли, не может отличать ложь от правды. Он «всею лишь регистрирует параметры примерно 5–10 физиологических состояний: дыхание, пульс, кровенаполнение, сопротивление кожи и т.д. Иными словами, он выявляет вовсе не ложь, а стрессовое напряжение», которое «с некоторой вероятностью позволяет сказать: вы лжёте»¹. Между тем причиной подобного рода напряжения (чрезмерное потоотделение, повышенное чувство страха и др.) может быть что угодно: излишняя эмоциональность, боль, глубокое переживание, боязнь наступления неблагоприятных последствий и т.д. Во всех этих случаях человек напрягается эмоционально, что находит проявление в физиологических процессах. Кто и как может в такой ситуации определить конкретную причину изменения обычного состояния человека? Наука на этот вопрос ответа пока не дала. Ныне это пытаются сделать люди, прошедшие определённую профессиональную подготовку путём подбора системы вопросов, которая, по их мнению, может и должна вызвать у опрашиваемого требуемые реакции, а потом, интерпретируя их, определяют правдивость или ложность ответов. Между тем физиологические реакции под воздействием одних и тех же обстоятельств настолько многообразны и непредсказуемы у различных людей, что безошибочное определение их индивидуальной принадлежности приведённым способом (примитивным считыванием) является весьма сомнительным. С точки зрения мировой практики, которая знает массу

¹ Вынести мозг // Рос. газ. 2013. № 214 (6119), 25 сент.

случаев беспрецедентных ошибок графологов¹, считается, что даже опытным специалистам удаётся выявить ложные ответы с вероятностью 60–70%. А Британское психологическое общество, проверившее в 2004 г. работу полиграфа в связи с громким шпионским скандалом, вообще поставило под сомнение практически все её аспекты и в первую очередь – точность результатов².

Ущербность результатов применения полиграфа, не позволяющая согласиться с их допуском в уголовный процесс в качестве доказательства, по нашему мнению, состоит, прежде всего в следующем: а) отсутствии должного объективного научного начала, лежащего в основе проводимого процесса соответствующего «исследования» и, как следствие б) в их субъективности, не позволяющей проведение проверки на достоверность. В основе всякого экспертного исследования, а именно так пытаются представить процесс применения полиграфа его сторонники, лежит научная определённость исходных позиций (неповторимость папиллярных узоров рук человека, совпадение разрозненных частей целого, химический состав вещества, возможность отстрела снарядов огнестрельного оружия, применения других подобного рода способов проверки соответствующих результатов). Наука пока не создала соответствующей базы для идентификации физиологических рефлекторных состояний человека в

¹ Армейский сержант, обнаруживший первым труп своей соседки, к которой он испытывал сильные чувства, трижды не мог пройти на детекторе тест на свою непричастность к преступлению. Правдивость его показаний подтвердилась лишь после того, как был выявлен действительный преступник (см.: *Эман П.* Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб., 2010. С. 267).

² Согласно отчету Британского психологического общества, полиграфические тесты могут выявить около 85% виновных лиц в совершении преступления, вместе с тем от 12 до 47% показаний невиновных лиц определяются как ложные. Более того, заключенный английской тюрьмы Флойд «Buzz» Фэй разобрался в механизме допроса с использованием полиграфа, смог его не только «обмануть», но и научил этому своих сокамерников, с которыми отбывал наказание. Результат впечатляющий – 23 из 27 смогли обмануть детектор лжи с первого попытки (см.: *Chris French.* Why Giving Polygraph Tests to Sex Offenders is a Terrible Idea. URL: <http://www.theguardian.com/science/2012/aug/10/polygraph-lie-detector-tests-sex-offenders> (дата обращения 31.01.2014); *Vaughan Bell/* The Truth about Lie Detectors. URL: <http://www.theguardian.com/science/2012/apr/22/lie-detector-fallibility-criminal-psychology?guni=Article:in%20body%20link> (дата обращения 31.01. 2014)).

зависимости от его переживаний, эмоций и намерений, хотя работы в этом направлении, как известно, ведутся, во многих странах, в том числе в МГУ¹.

Вводить при таких обстоятельствах в уголовно-процессуальную деятельность рассматриваемую процедуру в качестве средства доказывания, по меньшей мере, безнравственно, а с точки зрения права, – недопустимо, поскольку она напоминает работу кинолога с собакой, предлагавшуюся более сорока лет назад под видом одорологического исследования. Поэтому можно приветствовать решение комиссии Совета Федерации, отвергнувшей в 2012 году возможность использования результатов полиграфа в качестве доказательства по уголовному делу².

Изложенное отнюдь не исключает возможности применения полиграфа, как, впрочем, и собаки (одорологии), в уголовно-процессуальной деятельности в качестве вспомогательного средства на добровольных началах с приданием полученным таким способом сведениям ориентирующего значения.

Значимой частью содержательной основы внутренней мотивации поведения обвиняемого являются его нравственное здоровье, ценностные ориентации и цели, преследуемые обвиняемым в уголовном судопроизводстве. Указанные обстоятельства, являясь продуктом жизнедеятельности общества и социальных групп, выступая автономными по отношению к потребностям, «подключают» индивидуальную жизнедеятельность к жизнедеятельности социума, «освещают жизненный смысл объектов и явлений действительности под углом зрения устойчивых интересов развития социального целого, преломленных и осмысленных субъектом в качестве ценностных ориентиров его жизни, формулируются как идеалы, модели должного, задающие спектр инвариантных предельных параметров желательных преобразований действительности»³.

¹ См.: Вынести мозг // Рос. газ. 2013. № 214 (6119), 25 сент.

² См.: Там же.

³ Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности М., 1999. С. 182.

Исторически понятие «ценностные ориентации личности» развивалось как понятие, раскрывающее связь индивидуального и общественного в сознании человека, как единство когнитивных и деятельных процессов, позволяющих судить о социальной позиции личности, направленности её интересов, потребностей, запросов, уровня духовного развития. Ценностные ориентации личности обвиняемого, сформировавшиеся у него вследствие восприятия им групповых, общественных идеалов и принципов в процессе социализации, при вовлечении в уголовно-процессуальную деятельность, с одной стороны, испытывают воздействие той среды, в которой оказывается обвиняемый, с другой – позволяют ему сориентироваться в ней и определиться со своим поведением. Сущностное содержание ценностных ориентаций обвиняемого применительно к рассматриваемой сфере заключается в отношении обвиняемого к уголовно-процессуальному закону, определяемым им задачам уголовного судопроизводства и порядку их достижения, другим его требованиям, способности и желанию (нежеланию) исполнять эти положения закона. Являясь элементом социальной среды, ценностные ориентации в то же время выражают специфические особенности сущности личности обвиняемого и совместно с целями, преследуемыми обвиняемым, определяют возможные варианты и тенденции его уголовно-процессуального поведения.

Эта сторона мотивационной обусловленности поведения обвиняемого практически не охватывается уголовно-процессуальным законодательством, но она не может не учитываться должностными лицами в процессе правоприменения. Целевые установки, определяющие процессуальное поведение обвиняемого, в той или иной мере находят отражение в законе, в частности в нормах, обозначающих основные функционально-значимые направления уголовно-процессуальной деятельности (пп. 45, 46 ст. 5, ст. 6, 15 УПК), регламентирующих процессуальный статус обвиняемого и порядок использования им своих правомочий (ст. 47, 52, 108, 217, 220, 273 УПК и др.)

Глава III. Влияние поведенческой характеристики обвиняемого на производство и решения, принимаемые по уголовному делу

§ 1. Общая характеристика механизма воздействия поведения обвиняемого на решения, принимаемые по уголовному делу.

Решения, принимаемые по уголовному делу должностными лицами и органами, являясь обстоятельством, в определенной мере детерминирующим уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, в свою очередь, испытывают его влияние. Связь этих двух правовых явлений носит диалектический характер и проявляется на протяжении всего производства по уголовному делу. Поведенческая характеристика обвиняемого не возникает вдруг, своеобразный уголовно-процессуальный «портрет» этого участника уголовного процесса формируется постепенно, под воздействием множества факторов, в том числе решений должностных лиц и органов, осуществляющих производство по уголовному делу. Эти решения неоднозначно воспринимаются обвиняемым, одни из них укрепляют его намерения и стимулируют позитивное поведение, другие, наоборот, разрушают его надежды и вызывают противодействие. Поскольку решения по уголовному делу, касающиеся обвиняемого, принимают систематически и часто, он постоянно находится в состоянии ожидания их принятия, пытаясь предугадать их содержание.

Такая ситуация, как правило, стимулирует психомоторную активность человека, подвигая обвиняемого к совершению определенных поступков и проявления интереса к действиям, совершаемым следователем, что не может не учитываться последним при принятии соответствующих решений. Некоторые из этих решений (избрание меры пресечения, задержание, производство обыска, назначение экспертизы, определение формы судопроизводства и т.д.) он своим поведением может инициировать,

ускорять или замедлять их принятие. В частности, лица, обвиняемые в хищениях, нередко заявляют, что расходование выделенных им или находящихся в их распоряжении средств, оформлено соответствующим образом, документы, подтверждающие это обстоятельство, находятся в бухгалтерии, рабочем кабинете либо в другом каком-то месте. Тем самым они создают основания для принятия решения о производстве обыска либо выемки. Например, И., обвиняемый в совершении мошеннических действий, пояснил, что взятые в подотчёт в бухгалтерии деньги, он не присваивал, а возвратил в кассу, и заявил ходатайство о его этапировании в город к прежнему месту работы с целью отыскания корешка приходного ордера, выданного ему, якобы, в бухгалтерии предприятия¹.

Необходимость задержания лица в качестве подозреваемого и применения к нему меры пресечения тоже зачастую обусловлено его поведением, которое несовместимо с требованиями закона. В ряде случаев решение должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, прямо зависит от волеизъявления обвиняемого. Например, следователь и дознаватель не могут прекратить производство по уголовному делу в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК), если обвиняемый возражает против этого. Инициирование применения особого порядка, рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 1 ст. 314, п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК) закон прямо связывает с заявлением соответствующего ходатайства обвиняемым.

Иногда законом используется вариативная ситуация зависимости принимаемого решения от поведения обвиняемого. Так, возможность дачи подсудимым показаний в суде в определенное время определяется судом с учетом желания подсудимого. Суд может позволить подсудимому дать показания по его просьбе в любое время судебного следствия, а может придерживаться порядка исследования доказательств, определенного в

¹ Уголовное дело № 1-87-2011 по обвинению И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ // Архив Октябрьского районного суда Тамбовской области за 2011 г.

начале судебного следствия. Принятие вариативного решения возможно в ситуации, предусмотренной ч. 2 ст. 34 УПК, когда суд выявит, что находящееся в его производстве уголовное дело подсудно другому суду того же уровня. Как видим, формы связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу должностными лицами и органами, как и степень влияния исследуемого явления на указанные решения, могут быть самыми разнообразными. Системный анализ этих форм позволяют выделить следующие их виды:

связь, при которой поведенческая характеристика обвиняемого порождает основания для принятия уголовно-процессуального решения;

связь, при которой действия обвиняемого и получаемые посредством их сведения выступают составной частью основания для принятия уголовно-процессуального решения;

связь, вследствие которой поведение обвиняемого выступает необходимым условием принятия соответствующего процессуального решения;

связь, при которой поведение обвиняемого в ходе производства по уголовному делу и сведения, характеризующие его личность, при принятии уголовно-процессуальных решений предстают в виде обстоятельств, иным образом учитываемых в этом процессе (ст. 99 УПК и др.);

связь, обуславливающая вариативность (избирательность) применяемых в отношении обвиняемого основанных на законе мер процессуального воздействия в зависимости от его личностных качеств и поведения;

связь, при которой поведение обвиняемого диктует необходимость принятия решения относительно возможности участия в производстве по уголовному делу определенных лиц (защитника, законного представителя, представителя);

связь, обуславливающая необходимость соблюдения или изменения общепринятого порядка совершения определенных действий (направление уголовного дела в суд при неявке обвиняемого к прокурору за копией обвинительного заключения или обвинительного акта, обвинительного постановления и т.д.);

связь, при которой должностное лицо лишается возможности получить объяснения (показания) обвиняемого;

связь, обязывающая должностных лиц принимать решения об отказе в учёте либо учёте мнения обвиняемого.

Вопрос о влиянии поведения обвиняемого на принимаемые по уголовному делу решения можно исследовать в различных плоскостях и аспектах. Он важен с точки зрения деятельности обвиняемого в сфере уголовно-процессуального доказывания, при применении в отношении него мер уголовно-процессуального принуждения, при предъявлении обвинения и определении процессуальной тактики допроса этого участника уголовного процесса. Не без учёта поведенческой характеристики обвиняемого принимаются решения о завершении предварительного расследования по уголовному делу, о форме судебной процедуры назначения по нему судебного заседания и порядка осуществления правосудия. Чрезвычайно важное значение данный вопрос имеет применительно к решениям, принимаемым судом первой инстанции, а также в стадиях проверочного цикла их законности, обоснованности и справедливости.

Приведённое многообразие возможных подходов к исследованию обозначенной в данной главе проблемы обуславливает необходимость выбора оптимального варианта, который позволил бы, не выходя за рамки объёма диссертации, исследовать самые интересные и актуальные её аспекты, имеющие наибольшую теоретическую и практическую значимость. Избрание такого, более соответствующего теме диссертации варианта обусловлено прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, во всех

указанных сферах уголовного судопроизводства поведение обвиняемого проявляется и учитывается неодинаково, а зачастую и вообще весьма специфично. Тем не менее можно и нужно говорить о некоем общем механизме влияния поведенческой характеристики обвиняемого на решения, принимаемые соответствующими органами и должностными лицами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, все обозначенные сферы уголовно-процессуальной деятельности так или иначе связаны с принципом постадийного построения уголовного судопроизводства, что позволяет отследить формирование, проявление и влияние поведения обвиняемого на соответствующие процессуальные решения в определённой упорядоченной последовательности и динамике.

В рамках правового регулирования отношений обвиняемого и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, на основе указанных форм связей и предмета соответствующего правоотношения складывается определённый правовой механизм воздействия поведенческой характеристики обвиняемого на решения, принимаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Под механизмом такого воздействия поведенческой характеристики обвиняемого, на наш взгляд, следует понимать правовую технологию перевода охватываемых ею и осуществляемых обвиняемым в рамках норм уголовно-процессуального регулирования действий, поступков и других проявлений (заявление ходатайств, выражение согласия и т.д.) в плоскость процесса принятия процессуальных решений и структурирования их в систему элементов этого процесса, определяющих характер, направленность и результативность принимаемого акта. Известно, что словосочетание «правовой механизм» или «механизм правового регулирования» в различных вариациях используется не только применительно к праву вообще¹ и отрасли

¹ См.: *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 360–370; *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. М., 1997. С. 380–387; *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. С. 83–87; *Завадская Л.Н.* Механизм реализации права. М., 1992; и др.

права¹, но и к отдельным его институтам и направлениям их реализации: обеспечению прав личности, принятию решений в уголовном судопроизводстве, осуществлению уголовного преследования и т.д.²

С учётом существующих научных разработок в этом вопросе рассматриваемый механизм, можно представить как систему (набор) правовых средств, включающую в себя: уголовно-процессуальные нормы, регулирующие права, обязанности и взаимоотношения обвиняемого с органами и должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность; полномочия последних; правоотношения, складывающиеся между указанными субъектами; юридические факты, влекущие возникновение, развитие и прекращение этих отношений; нормы, регулирующие основания, условия и процессуальный порядок, режим и последовательность принятия и реализации уголовно-процессуальных решений. Выступая в виде некоего условно самостоятельного правового образования, изложенная система является частью общего порядка и правового механизма, лежащего в основе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Составляющие её элементы, взаимодействуя со всеми другими правовыми установлениями, в процессе их использования и реализации создают условия для принятия по уголовным делам законных, обоснованных и справедливых решений, максимально учитывающих личность обвиняемого и его поведение в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Преобладающее значение в рассматриваемом механизме имеют, конечно, полномочия должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, поскольку уголовно-процессуальная

¹ См.: Зусь Л.Б. Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1978. С. 12–16; Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1972. С. 85–90; Холоденко В.Д. Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2007. С. 4. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 88–112; и др.

² См., напр.: Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1978. С. 11–14 Она же. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательства и практика. М., 2006. С. 54–70; Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования. Уфа, 2001. С. 6; и др.

деятельность основывается на принципе публичности¹. Однако это никак не принижает роли прав обвиняемого и его деятельности по их использованию. Поведение обвиняемого в целом ряде случаев предопределяет процессуальную реакцию дознавателя, следователя и суда на определённые обстоятельства, выявленные по уголовному делу. Проследим это на отдельных направлениях уголовно-процессуального правоприменения.

Наиболее типичной в рассматриваемом плане является ситуация, при которой поведение обвиняемого порождает основания для принятия уголовно-процессуального решения. Прежде чем анализировать данный вопрос по существу, кратко остановимся на понятии и сущности самих оснований принятия уголовно-процессуальных актов², так как ни в теории уголовного судопроизводства, ни в соответствующем законодательстве здесь нет должного единства.

Нередко законодатель вводя в заглавие статьи закона термин «основания», излагает их посредством перечисления определенных действий: скроется от дознания, предварительного следствия и суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью и т.д. (ч. 1 ст. 97 УПК). Иногда он определяет их только путём обозначения, а то и вовсе ограничивается указанием на необходимость (ч. 1 ст. 183 УПК) либо цели

¹ Подробнее о принципе публичности см.: *Альперт С.А.* Принцип публичности (официальности) и его значение в деятельности советских органов предварительного расследования // Научная конференция по работам, выполненным в 1955 г.: тезисы докладов. Харьков, 1956. С. 51–54; *Добровольская Т.Н.* Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 67–79; *Бояринцев В. Н.* Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 8–17; *Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М.* Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). Волгоград, 2007. С.3–239; и др.

² В данном случае это понятие употребляется непосредственно применительно к уголовно-процессуальным решениям. О других трактовках понятия «уголовно-процессуальные акты» см.: *Правоприменение в Советском государстве.* М., 1985. С. 71–77; *Альишевский Т.В.* Процессуальные документы уголовного судопроизводства. 1983. М., С. 3–72; *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. 1976. М., С. 18; *Она же.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательства и практика. М., 2006. С. 12–50; *Григорьев В.Н., Кузьмин Г.А.* Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2003. С. 23; *Муратова Н.Г.* Процессуальные акты органов предварительного расследования. Казань, 1989. С. 3; *Сухова О.А.* Правовая природа, понятие, значение и классификация процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве. Саранск, 2007. С. 3–74; *Михайленко А.Р.* Составление процессуальных актов по уголовным делам: теория, методика, примерные образцы документов. Киев, 1989. С. 3; *Землянухин А.В.* Отказ от обвинения в системе уголовно-процессуальных актов: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 38; и др.

применения устанавливаемых мер (ч. 1 ст. 111 УПК), либо производства каких-либо действий (ч. 1 ст. 176 УПК), либо какого-то выявленного состояния, например застижения лица при совершении преступления или непосредственно после этого (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК). В ст. 28 и 28.1 УПК понятие «основания» употребляются наряду с понятием «случай» практически в одном и том же значении. В ряде случаев термин «основания» вообще употребляется в формально-правовом смысле, когда в этом качестве используется норма закона (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК). Кстати, последний вариант подхода к определению оснований применяется и в материальном праве (ст. 95 УК РФ).

Между тем в кодексе содержится и иной, на наш взгляд, более совершенный подход к определению оснований принятия уголовно-процессуальных решений. Он зафиксирован, в частности, в ст. 115, 140, 182 УПК, определяющих основания соответственно наложения ареста на имущество, возбуждения уголовного дела и производства обыска. В ч. 1 ст. 115 они именуется фактическими обстоятельствами, в ч. 2 ст. 140 – просто достаточными данными, а в ч. 1 ст. 182 – как достаточные данные, указывающие на наличие орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значения для уголовного дела, в каком-либо месте или у какого-то лица¹.

Примерно такой же разброс мнений относительно понятия «основания» существует и в научной литературе, с той лишь разницей, что они нередко подаются в виде «слоёного пирога», в котором присутствуют и назначение соответствующего процессуального действия или процессуальной меры, и необходимость их производства или применения, и другие сопутствующие им или обуславливающие их обстоятельства. Так, В.А. Михайлов при определении оснований применения мер пресечения выделяет четыре группы

¹ Этой же точки зрения придерживается ряд авторов, которые под «достаточными основаниями полагать» понимают фактические данные, полученные из процессуальных и непроцессуальных (результаты оперативной и розыскной деятельности) источников (см.: *Баев М.О., Баев О.Я.* УПК РФ 2001 г.: Достижения, лакуны, коллизии: возможные пути заполнения и разрешения последних. Воронеж, 2002. С.34

обстоятельств или состояний: 1) доказанность деяния, совершенного лицом, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого; 2) установление лица, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого; 3) наличие в уголовном деле достаточных доказательств, позволяющих полагать, что обвиняемый, находясь на свободе: а) либо скроется от дознания, следствия, суда; б) либо воспрепятствует установлению истины по уголовному делу; в) либо будет заниматься преступной деятельностью; 4) наличие в уголовном деле достаточных доказательств, позволяющих полагать, что применение меры пресечения объективно необходимо для обеспечения исполнения приговора¹. А затем добавляет, что при «решении вопроса о применении меры пресечения следует учитывать также доказанность условий их применения, то есть наличие доказательств, свидетельствующих о тяжести совершённого преступления, характеризующих личность обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние его здоровья, семейное положение и т.п. (ст. 91 УПК)»². Ещё раньше нечто подобное просматривалось в работах П.М. Давыдова, который включал в основания применения мер пресечения предъявление лицу обвинения³. Тем не менее, даже при таких вариациях превалирующим мнением по обозначенному вопросу в теории российского уголовного процесса является трактовка рассматриваемых оснований как

¹ См.: Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. 1998. М., С. 14.

² Там же. С. 15. Отметим, что в приведённом тексте термин «условия», на наш взгляд, использован не по назначению, потому что им обозначается обусловленность наступления определённого явления. Изложенное В.А. Михайловым менее всего похоже на это. И в УПК РСФСР (ст. 91), и в УПК РФ (ст. 99) условия именуется обстоятельствами, учитываемыми при избрании меры пресечения. Обусловливаемое и учитываемое – явления разного порядка.

³ См.: Давыдов П.М., Якимов П.П. Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961. С. 13.

соответствующих данных, сведений фактического характера¹, что видно и по приведённым текстам из работы В.А. Михайлова.

По-нашему мнению, это единственно правильное представление о фактическом основании принятия процессуального решения любого вида, будь то решение о возбуждении уголовного дела, производстве следственного действия, применении меры уголовно-процессуального принуждения либо о признании лица виновным в совершении преступления. Оно позволяет, во-первых, более точно определиться с обоснованностью принимаемого акта непосредственно должностному лицу, выносящему соответствующее решение, во-вторых, дать объективную оценку законности и обоснованности этого решения вышестоящему должностному лицу, прокурору и суду в случае его обжалования. Поэтому во всех указанных и других подобного рода случаях предлагаем определять фактические основания принятия уголовно-процессуальных решений посредством использования терминов «данные» или «сведения», сопровождая их прилагательным «фактические». Например, ч. 1 ст. 97 УПК с точки зрения изложенного подхода должна выглядеть следующим образом: «Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий, вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии фактических данных, свидетельствующих, что обвиняемый, подозреваемый: 1) скроется от предварительного следствия и суда; 2) может продолжить заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» (приложение 3).

¹См.: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. С. 49–80; *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. С. 62–72; *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. С. 105–126; *Зинатуллин З.З.* Уголовно- процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань, 1981. С. 26; *Шейфер С.А.* Следственные действия: Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 26–29; *Кудин Ф.М.* Принуждение в уголовном судопроизводстве // *Кудин Ф.М.* Избр. труды. Волгоград. 2010. С. 124–127; *Еникеев З.Д.* Указ. соч. С. 42.

Поведение обвиняемого, проявляемое в действиях, заявлениях, ходатайствах и других документах., содержащих соответствующие данные, то есть сведения об определенных обстоятельствах, которые могут создавать основания для производства процессуальных действий или принятия решений, должно во всех случаях выступать юридическим фактом, влекущим принятие должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, решения о проверке и исследовании этих сведений с последующей констатацией результатов такой деятельности в соответствующем уголовно-процессуальном документе. Положительные результаты, то есть подтверждение верности указанных сведений, в свою очередь, могут образовывать основания для принятия решения об их реализации в том или ином виде: назначение экспертизы, перепредъявление обвинения, изменение квалификации преступного деяния либо прекращение уголовного преследования и т.д. При нежелании или невозможности использования полученных сведений в указанном качестве дознаватель или следователь должны выносить соответствующее мотивированное решение.

Такая схема связи поведения обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу, отражает объективную ситуацию, складывающуюся прежде всего в ходе досудебного производства. Заинтересованный в своей защите обвиняемый, как правило, всегда стремится к объяснению своих действий; сопровождаются такие объяснения ходатайствами, направленными на поиск подтверждающих предметов, документов, свидетелей и прочих источников соответствующих сведений. По данным проведенного нами обобщения уголовных дел, подобным образом (правда, в различной степени активности) характеризовалось поведение около 63% лиц, проходивших по уголовным делам в качестве обвиняемых. В 23,3% всех этих случаев полученные результаты приводили к улучшению положения обвиняемого (прекращение уголовного преследования по отдельным эпизодам, изменение квалификации, прекращение уголовного

дела) (приложение 2). Так, в уголовном деле, рассматриваемом Токаревским районным судом, К. обвинялся в совершении деяния предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. К., активно осуществляя свою защиту путем предоставления новых доказательств и свидетелей, смог переквалифицировать вменяемое ему деяние и был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ¹.

Чаще всего подобная активность обвиняемого реализовывалась через защитников. Отметим, однако, что не всегда активность стороны защиты находило должную поддержку у следователей. По четверти рассмотренных ходатайств обвиняемых и защитников следователи вынесли формальные постановления об отказе в их удовлетворении, потому что не усматривали фактических оснований для их углубленной проверки (приложение 2). И вот здесь возникает вопрос о другом виде оснований принятия процессуальных решений – правовом, или юридическом. Ходатайство, заявленное обвиняемым непосредственно или через своего защитника, подлежит обязательному рассмотрению и выступает юридическим основанием для осуществления соответствующей деятельности и принятия решения о его удовлетворении либо об отказе (полном или частичном) в удовлетворении. Смешивать эти два вида оснований недопустимо потому, что правовое основание является формальным, отражающим только соблюдение процедуры осуществления уголовно-процессуальной деятельности, влекущим обязательность лишь рассмотрения заявления или ходатайства стороны защиты, а фактическое – их должную проверку с точки зрения содержания и отражения действительности.

Находясь во взаимообусловленной связи юридические и фактические основания порождают систему последовательно развивающихся уголовно-процессуальных правоотношений обвиняемого и должностного лица или органа, осуществляющего производство по уголовному делу, в ходе которых

¹ Уголовное дело № 1-13-2009 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Архив Токаревского районного суда Тамбовской области за 2009 г.

реализуются их взаимные права и обязанности. Законодательная определенность правовых и фактических оснований реагирования должностных лиц и органов на действия, заявления и ходатайства обвиняемого предопределяет своевременность, законность и обоснованность принятия многих уголовно-процессуальных решений, и прежде всего тех, что связаны с обеспечением прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

В форме условия принятия уголовно-процессуального решения поведение обвиняемого выступает в тех случаях, когда закон требует выяснения отношения обвиняемого к принимаемому акту, либо прямо связывает принятие этого акта с волеизъявлением обвиняемого, либо допускает возможность принятия вариативного решения в зависимости от позиции обвиняемого. Так, получение показаний при проводимом допросе обусловлено согласием обвиняемого дать такие показания. Повторный допрос по тому же обвинению при отказе обвиняемого от дачи показаний возможен только по его просьбе (ч. 4 ст. 173 УПК). С мнением обвиняемого связан выбор языка при даче показаний (ч. 2 ст. 173 УПК), вовлечение в процесс переводчика, защитника, законного представителя, решения ряда других вопросов. Как уже упоминалось, возможность прекращения уголовного преследования по основаниям, предусмотренным пп. 3, 6 ст. 24 УПК, ст. 25, 28, 28¹ УПК, обусловлено выражением соответствующего согласия обвиняемым.

Формы связи поведения обвиняемого с решением, принимаемым по уголовному делу, где поведенческая характеристика выступает в качестве необходимого условия принятия таких решений, в законе регламентированы чётче и последовательнее, хотя в ряде случаев тоже порождают некоторые сомнения и возражения, а также сложности на практике.

В частности, 14 июля 2011 года в связи с известными событиями (ДТП на Ленинском проспекте в г. Москве) Конституционным Судом РФ были

признаны не соответствующими Конституции РФ положения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого и обвиняемого без согласия его близких родственников¹.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК указанное в нем состояние (смерть) обвиняемого является основанием для принятия решения о прекращении уголовного дела, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего обвиняемого. Делая оговорку относительно случаев реабилитации умершего, законодатель не указал субъектов и порядка инициирования продолжения производства по таким уголовным делам и не связал возможность их прекращения с чьим-то мнением. Эти до определённой поры не замечаемые упущения законодателя поставили в тупик правоприменителей, когда отец погибшей в 2010 году в ДТП Александриной, не согласившись с прекращением в отношении неё уголовного дела, возбужденного по данному факту, по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК, то есть в связи с её смертью, обратился с соответствующей жалобой в Конституционный Суд РФ. Как оказалось, подобная практика имела место и в других регионах Российской Федерации, например, таким же образом было прекращено уголовное преследование в отношении бывшего директора одного из заводов г. Саратова М. в рамках нашумевшего дела об убийстве прокурора Саратовской области Григорьева. Родственники М. тоже не согласились с решением органов предварительного расследования и потребовали продолжения производства по делу в целях его реабилитации².

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 14 июля 2011 года истолковал такую правоприменительную практику прекращения уголовных

¹ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрин и Ю.Ф. Ващенко». URL: http://www.vsrif.ru/print_page.php?id=8107 (дата обращения 04.02.2013).

² Куликов Андрей. Покойному предъявят обвинение в организации убийства саратовского прокурора // Рос. газ. 2010. 10 февр. URL: <http://www.rg.ru/2010/02/10/reg-svolga/maksimov-anons.html> (дата обращения 22.01.2014).

дел по указанному основанию без согласия близких родственников как неконституционную и указал законодателю на необходимость внесения в закон соответствующих изменений.

Помимо оснований, условий и юридических фактов, сведения, характеризующие личность обвиняемого и его поведение в ходе производства по уголовному делу, согласно прямому указанию закона (ст. 99 УПК и др.), могут выступать в виде обстоятельств, иным образом учитываемых при принятии процессуальных решений.

Близкой к изложенной оказалась ситуация, связанная с применением ч. 2 ст. 24 УПК, то есть прекращением уголовного дела, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом. Практика всегда исходила из того, что выяснения мнения подозреваемого (обвиняемого) для принятия такого решения не требуется, тем более, что закон этого не предусматривает. В то же время было понятно, что не все лица, оказавшиеся в подобной ситуации, могут согласиться с таким решением, несмотря на то что уголовное дело в этих случаях прекращается в связи с отсутствием в деянии состава преступления, то есть в принципе по реабилитирующему основанию. Ведь, во-первых, они могут считать себя невиновными изначально и требовать прекращения уголовного дела в связи отсутствием события преступления. Во-вторых, будучи реабилитационным в своей основе (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК), в данном конкретном случае указанное основание согласно прямому указанию, содержащемуся в ч. 4 ст. 133 УПК, не порождает право на реабилитацию. В-третьих, прекращение уголовного дела по ч. 2 ст. 24 УПК и за отсутствием состава преступления не исключает предъявления гражданского иска к лицу, в отношении которого прекращено уголовное дело или уголовное преследование, в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, отсутствие в структуре механизма принятия в рассматриваемой ситуации уголовно-процессуального акта его связи с

поведенческой характеристикой обвиняемого создаёт возможность негативного восприятия последним осуществляемой в отношении него уголовно-процессуальной деятельности и нарушение его конституционных прав. Подтверждением тому стало обращение в Конституционный Суд РФ граждан Российской Федерации С.А. Боровкова и Н.М. Морозова с соответствующими жалобами на правовую неопределённость положений, содержащихся в части первой ст. 10 УК РФ, ч. 2 ст. 24 УПК, и связанных с ними положений ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 УПК. Рассмотрев данные жалобы, Конституционный Суд РФ преопределил указанную выше связь в несколько ином по сравнению с заявителями варианте. В постановлении от 19 ноября 2013 года он признал взаимосвязанные положения ч. 1 статьи 10 УК РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 УПК «не соответствующими Конституции Российской Федерации, её статьям 19 (ч. 1), 46 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутое подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а в случае установления их незаконности и необоснованности – возможности признания за ним права на реабилитацию»¹. Таким образом, Конституционный Суд РФ, отвергнув необходимость получения согласия лица на прекращение в отношении него уголовного преследования в связи с декриминализацией инкриминируемого ему

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова» // Рос. газ. 2013. № 270 (6246), 29 нояб.

преступного деяния, признал за ним бесспорное право на обжалование состоявшегося в отношении него процессуального решения при его несогласии с таким правовым актом.

Возможность вариативного подхода к определению связи одних и тех же элементов поведенческой характеристики обвиняемого с уголовно-процессуальными актами не исключается и во многих других случаях правоприменения, потому что основания, условия, юридические факты, все другие проявления указанных форм связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу, находятся в диалектической связи между собой и с обстоятельствами, образующими предмет всякого уголовного дела. Поэтому механизм воздействия поведенческой характеристики на процессуальные решения по уголовному делу предполагает возможность преобразования, содержательного изменения направленности, правовой значимости, а также взаимозамещения форм связи указанных правовых явлений. Связь, в которой обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, выступают первоначально в виде условия принятия соответствующего решения либо только учитываются при этом, может предстать в виде связи, в которой они приобретают значение оснований либо их составных элементов.

Так, предъявление лицу обвинения не значится в числе оснований применения мер пресечения и большинством авторов, затрагивающих эту проблему, оно рассматривалось и рассматривается в качестве соответствующего условия¹. Тем не менее характеристика предъявленного обвинения в большинстве случаев является решающей при избрании меры пресечения, хотя раньше она прямо предрешала даже её выбор². Поэтому не

¹ См.: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. С. 49–80; *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. С. 62–72; *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. С. 105–126; *Зинатуллин З.З.* Указ. соч. С. 43–64; *Кудин Ф.М.* Указ. соч. С. 119–120; и др.

² Речь идёт о ст. 91 УПК РСФСР 1960 г., согласно которой тяжесть совершённого преступления рассматривалось достаточным основанием для ареста обвиняемого.

случайно ряд учёных включали и включают предъявление обвинения в состав оснований применения мер пресечения¹.

Неоднозначную роль при применении мер пресечения и продлении срока их действия играют так называемые обстоятельства, учитываемые в этом процессе (ст. 99 УПК). При осуществлении указанной деятельности сведения, составляющие содержание уголовно–процессуальной характеристики обвиняемого, приобретают двухвариантное значение. Первый, довольно очевидный вариант их использования прямо определён в законе, где говорится, что сведения о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, род занятий и другие обстоятельства, в том числе характеризующие его поведение², всегда должны учитываться при решении вопроса о необходимости применения в отношении него меры уголовно–процессуального принуждения и определении её вида. Второй, в некотором роде скрытый вариант обусловлен тем, что многие меры уголовно–процессуального принуждения (меры пресечения, отстранение от должности и др.) применяются не только по факту совершения запрещённых законом действий, но и при наличии сведений о возможности их совершения в ходе производства по уголовному делу. И в этом случае поведенческая характеристика обвиняемого, данные о его личности, семейном, имущественном положении, отношении к служебным обязанностям, семье, потерпевшему, а также характеризующие его состояние здоровья, становятся критерием определения наличия либо отсутствия такой возможности. «В частности, – как верно замечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» – о том, что лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах

¹ См.: Михайлов В.А. Указ. соч. С. 14; Давыдов П.М., Якимов П.П. Указ. соч. С. 13.

² Их примерная расшифровка дана в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Рос. газ. 2013. № 294 (6270), 27 дек.

производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок либо нарушение лицом ранее избранной в отношении его меры пресечения, не связанной с лишением свободы»¹. А «подтвержденные факты продажи обвиняемым принадлежащего ему на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличия у него за рубежом источника дохода, финансовых (имущественных) ресурсов, наличия гражданства (подданства) иностранного государства, отсутствие у такого лица в Российской Федерации постоянного места жительства, работы, семьи» могут свидетельствовать, что лицо намерено скрыться за границей². В излагаемых ситуациях указанные обстоятельства, трансформируясь, преобразуются и выступают в качестве составной части оснований применения соответствующих мер уголовно-процессуального принуждения³.

Поведение обвиняемого разновариантно сказывается и на решениях, касающихся продолжительности действия меры уголовно-процессуального принуждения, и на режиме её исполнения. В частности, как уже упоминалось, ст. 110 УПК предусматривает возможность отмены и изменения избранной в отношении обвиняемого меры пресечения. Поведение по соблюдению условий и режима избранной меры пресечения и другие характеризующие обвиняемого сведения могут служить поводом либо непосредственно создавать основания для принятия соответствующего решения. Практике известны случаи ослабления обвиняемым режима

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Рос. газ. 2013. № 294 (6270), 27 дек.

² Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. № 294 (6270), 27 дек.

³ Поэтому нельзя согласиться с мнением В.А. Михайлова и ряда других авторов, считающих, что указанные обстоятельства могут рассматриваться только как условия, способствующие правильному выбору оптимальной меры пресечения для конкретного случая (см.: Михайлов В.А. Процессуальный порядок применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 12), либо имеют лишь сопутствующее значение (см.: Соловьев А.Б. Токарева М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России (от УПК РСФСР 1960 г. к УПК РФ 2001 г.). С. 237.

ограничений, устанавливаемых при применении к ним в качестве меры пресечения домашнего ареста, изменения им по их ходатайству места пребывания при подписке о невыезде и другие подобного рода примеры. Нередко по указанным мотивам на более мягкие меры пресечения (домашний арест, залог, подписка о невыезде) изменяется содержание под стражей. В то же время негативное (с точки зрения закона) поведение обвиняемого вызывает прямо противоположную реакцию правоохранительных органов. Лица, обвиняемые в совершении преступлений и не являющиеся по вызову в органы предварительного расследования, порой скрывающиеся за рубежом, создающие своим поведением угрозу для свидетелей, препятствующие иным путём производству по уголовному делу, подвергаются аресту, хотя при соблюдении соответствующих требований закона могли бы активно осуществлять свою защиту, находясь на свободе. То же самое может происходить и со всеми другими формами связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми в уголовном судопроизводстве.

Переход из одного состояния в другое и, наоборот, изменение юридической сущности, приобретение разномаркированных направлений правовой значимости – неотъемлемое свойство и специфическая черта механизма перевода информационно насыщенных элементов уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого, охватываемых ею и осуществляемых обвиняемым в рамках норм уголовно-процессуального регулирования действий, поступков и других проявлений (заявление ходатайств, выражение согласия и т.д.) в плоскость процесса принятия процессуальных решений по уголовным делам.

§ 2. Влияние поведенческой характеристики обвиняемого на решения, принимаемые в досудебном производстве

В системе факторов, обуславливающих принятие процессуально значимых решений в досудебном производстве, уголовно-процессуальная характеристика личности всегда занимала важное место, а с принятием действующего УПК её роль возросла многократно. Последнее обстоятельство во многом объясняется введением особенностей осуществления процессуальной деятельности в отношении лиц, наделённых специальным статусом (ст. 447 УПК), подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК), внесения ряда других изменений в действующее уголовное уголовно-процессуальное законодательство. В первом из приведённых случаев она прямо предрешает характер соответствующего акта, поскольку наличие сведений об обладании лицом, в отношении которого подано заявление о совершении им преступления, особым уголовно-процессуальным статусом, делает невозможным принятие решения о возбуждении против него уголовного дела. В этом случае принимается решение либо об обращении в предусмотренное законом ведомство (организацию) о даче соответствующего согласия, либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Применительно к преступлениям, совершённым в сфере экономической деятельности, аналогично определяющую роль в принятии процессуального решения играют сведения о добровольном возмещении лицом вреда, причиненного бюджету. Система связи и характер взаимозависимости уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого и процессуальных решений, принимаемых в досудебном производстве, весьма разнообразны. Но прежде чем приступить к освещению этого вопроса, остановимся на обосновании возможности употребления категории

«уголовно-процессуальная характеристика» применительно к стадии возбуждения уголовного дела.

Известно, что вопрос о понятии уголовно–процессуальной деятельности, о правомерности именовании таковой деятельности, осуществляемую до возбуждения уголовного дела, в процессуальной науке давно относится к наиболее спорным. Одни авторы считают, что уголовно-процессуальной можно называть только деятельность, осуществляемую с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела¹. Другие распространяют указанное название и на деятельность, предшествующую данному акту². Отсюда и возможность двоякого подхода к возможности употребления понятия уголовно–процессуальной характеристики к рассматриваемому этапу уголовного судопроизводства. На наш взгляд, ответ на эти вопросы был дан законодателем в действующем УПК при определении понятия уголовного судопроизводства в п. 56 ст. 5, где сказано, что оно состоит из досудебного и судебного производства. После издания Закона РФ от 4 марта 2013 года, внесшего соответствующие изменения и дополнения в ст. 144 УПК, в части 1.1, в которой теперь все производимые при проверке сообщения о преступлении действия именуется процессуальными, они вообще перестают быть спорными.

Система уголовно–процессуальных решений, принимаемых в досудебном производстве, с точки зрения их сущности и структуры уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в этом производстве, выглядит следующим образом:

¹ См.: напр.: *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 231–232; *Толеубекова Б.Х.* Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Часть общая: учебник. Алма-Аты, 1998. С. 306–308; *Дершиев Ю.* Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 36; *Он же.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 179–197; *Гуськова А.П.* К вопросу о судебной защите прав и свобод человека, гражданина в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 6. С. 11–14; и др.

² См.: *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 35; *Корнуков В.М.; Лазарев В.А., Холоденко В.Д.* Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002. С. 19; *Быков В.М., Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. Казань, 2006. С. 94; и др.

1) решения, обозначающие (обуславливающие) начало и завершение уголовно-процессуальной деятельности, соответственно, в стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования, а также фиксирующие переход уголовного дела из одной стадии в другую либо невозможность такого варианта развития процесса (прекращение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, возвращение его для производства дополнительного расследования). К ним относятся следующие решения: о принятии сообщения о преступлении и начале его доследственной проверки; возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела; о принятии уголовного дела к производству; о прекращении уголовного дела; о его направлении с обвинительным заключением или постановлением о применении принудительных мер медицинского характера прокурору; об утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта или соответствующего постановления и направлении уголовного дела в суд либо о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования;

2) решения внутретадийного содержательно-деятельного плана, опосредующие производство уголовно-процессуальных действий, направленных на выявление оснований для возбуждения уголовного дела и установление по нему обстоятельств, подлежащих доказыванию (решения об истребовании документов и других предметов, о производстве осмотра, обыска, выемки и т.д.).

3) внутретадийные решения, опосредующие вовлечение в уголовно-процессуальную деятельность различных её участников (привлечение в качестве обвиняемого, признание потерпевшим, гражданским истцом или ответчиком и т.д.);

4) промежуточные решения, обусловленные необходимостью передачи сообщения о преступлении или уголовного дела по подследственности, продления сроков осуществления соответствующей

деятельности, наличием оснований для приостановления производства по уголовному делу, обжалованием произведённых действий и принятых уголовно-процессуальных решений либо другими обстоятельствами;

5) решения о применении мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, о продлении сроков их действия.

По форме решения, принимаемые в досудебном производстве, могут быть письменными и устными. Подавляющее их большинство принимается в письменной форме в виде постановлений. Некоторые облакаются, как известно, в обвинительное заключение, обвинительный акт либо в обвинительное постановление, отдельные – фиксируются в виде санкции, согласия, утверждения¹. В ряде случаев закон прямо не устанавливает формы принимаемого решения, поскольку его принятие им прямо не предусматривается, а вытекает из существа действий соответствующего органа либо должностного лица. В частности, обязывая дознавателя, орган дознания, следователя и руководителя следственного органа принимать и проверять сообщение о любом совершённом или готовящемся преступлении, ст. 144 УПК не предусматривает принятие и оформление ими процессуального решения в обычном его понимании. То же самое наблюдается при окончании предварительного расследования по уголовному делу и в ряде других случаев. Но это не означает, что в указанных случаях отсутствует психологический, структурно выделяемый в любой деятельности акт принятия решения соответствующим органом или должностным лицом. Он как продукт мыслительной деятельности есть, присутствует, но не облакается в общепринятую форму.

Своё выражение вовне такие решения находят в документах, отражающих начало их исполнения. В частности, решение о принятии

¹ Подробнее о системе и видах уголовно-процессуальных актов, принимаемых в досудебном производстве, см.: *Альшевский Т.В.* Указ. соч. С. 28–57; *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. С. 25–39; *Она же.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательства и практика. С. 12–50; *Гуськова А.П.* Процессуальные решения в современном уголовном судопроизводстве. Их правовая природа и особенности // Вестник ОГУ. 2011. № 3. С. 49–53; *Григорьев В.Н., Кузьмин Г.А.* Указ. соч. С. 57; *Муратова Н.Г.* Указ. соч. С. 36–47; *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 44–66; *Михайленко А.Р.* Указ. соч. С. 15–27; и др.

сообщения о преступлении находит своё отражение в документе, выдаваемом заявителю (ч. 4 ст.144 УПК), решение о его проверке – в процессуальном документе, которым оформляется первое процессуальное действие соответствующей деятельности (объяснение, запрос о представлении документов и других предметов и т.д.). Решение об окончании предварительного расследования находит своё отражение в протоколе об уведомлении об этом обвиняемого и разъяснении ему прав, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК. Представляется, что последний традиционно сложившийся порядок принятия и оформления уголовно-процессуальных решений не безукоризнен. Он создаёт много проблем исполнительного плана, связанных в первую очередь с определением отношения (реакции) соответствующего органа или должностного лица к принятому заявлению или иному сообщению о преступлении, с исчислением и соблюдением сроков осуществления соответствующей деятельности, с возможным манипулированием подобного рода решениями в угоду расследованию и вопреки интересам его участников.

Масштабы этой деятельности огромны, отследить соблюдение законности в каждом отдельном случае очень сложно¹. Лица, пострадавшие от преступных посягательств и подавшие соответствующие заявления в правоохранительные органы порой долго не знают об их реакции на эти заявления. Обвиняемый, будучи уведомлён об окончании предварительного расследования, не может быть уверен в том, что по его делу не проводятся следственные действия. Вне контроля остаются указанные вопросы и со

¹ Например, по данным МВД, в 2012 г. поступило и было зарегистрировано 26,4 млн заявлений и сообщений о преступлениях, по результатам которых было возбуждено 1,9 млн дел. В СК РФ и его территориальные органы за тот же период поступило 985,6 тыс. заявлений и сообщений о преступлениях, после проверки которых возбуждено 132 тыс. уголовных дел (см.: *Волеводз А.Г.* Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528&soch=1> (дата обращения 02. 02.2014)). За январь – сентябрь 2013 г. в СК РФ и его территориальные органы поступило 589,702 тыс. заявлений, возбуждено 107,874 дел (см.: Сведения о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за январь – сентябрь 2013 г. URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic/> (дата обращения 02. 02.2014)). За 2013 г., по данным МВД, поступило и зарегистрировано 28,35 млн заявлений (сообщений) о преступлениях, возбуждено 1761,5 тыс. уголовных дел (см.: URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения 02.02.2014)).

стороны органов прокурорского надзора¹. Поэтому, на наш взгляд, ст. 144 УПК следовало бы дополнить нормой, предусматривающей необходимость вынесения постановления о начале доследственной проверки по поступившему сообщению о преступлении. Тем самым законодательная регламентация данной части стадии возбуждения уголовного дела приобрела бы не только чёткость, но и определённую завершённость, существенно повышающую защиту прав и законных интересов всех участников досудебного производства. Норма аналогичного порядка была бы уместной и в ч. 1 ст. 215 УПК, регулирующей деятельность следователя при окончании предварительного следствия.

Круг решений, принимаемых в ходе досудебного производства, как видим, довольно широк и разнообразен. Все их трудно даже перечислить, тем более в работе, не преследующей такой цели. Поэтому ограничимся выборочным рассмотрением только тех из них, принятие которых наиболее тесно и выразительно связано с поведенческой характеристикой обвиняемого и в силу различных причин (сложность либо нечёткость законодательной регламентации, противоречивое её восприятие на практике и др.) нуждается в научном изучении под углом зрения тематики данного исследования. К таким актам относятся прежде всего основные решения из числа указанных в пунктах 1 и 5 приведённой системы (о возбуждении уголовного дела, его прекращении, направлении прокурору, применении мер пресечения и т.д.) и некоторые другие, в частности обусловленные введением упрощённой формы дознания.

Решения, принимаемые в стадии возбуждения уголовного дела, с точки зрения влияния на них поведенческой характеристики обвиняемого глубокого интереса не представляют, потому что в этой стадии оно прямо и непосредственно не проявляется. Тем не менее некоторая связь между

¹ Не случайно органы прокуратуры, несмотря на жёсткие меры в отношении фактов укрывательства, ежегодно выявляют сотни тысяч не учтённых заявлений о преступлениях (см.: *Егоров Иван*. Законный вопрос // Рос. газ. 2014. № 3 (6275), 10 янв.).

указанными явлениями есть, и она может более отчётливо обнаружиться при рассмотрении ряда небесспорных вопросов данного этапа уголовного судопроизводства. В последнее время в юридической литературе вновь поднята давно периодически обсуждаемая тема, касающаяся его содержательной стороны и целесообразности выделения в качестве самостоятельной стадии. Определённый резон в подобного рода суждениях, безусловно, присутствует и особенно проявляется при сопоставлении содержания осуществляемой в этой стадии деятельности и принимаемых по её окончании решений, это особенно важно, если учесть, что основное назначение данной стадии – быть водоразделом между доследственной и следственной деятельностью – в последнее время существенно поколеблено. Ныне до возбуждения уголовного дела может производиться значительная часть следственных действий: практически все виды осмотров, экспертных исследований, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования¹. Среди прочих доводов «противников» этой стадии довольно часто фигурирует указание на её отсутствие в других правовых системах.

Частично разделяя отдельные суждения сторонников изложенного отношения к стадии возбуждения уголовного дела, считаем, что этот традиционно выделяемый в российском уголовном процессе этап уголовно-процессуальной деятельности в условиях современной действительности не только уместен, но и необходим. Даже при утрате императивного запрета на

¹ Некоторые специалисты в области уголовного процесса и криминалистики относят это действие к следственным (см., напр.: *Кальницкий В.В.* Следственные действия. Омск, 2003. С. 52; *Шейфер С.А.* Следственные действия: Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 66–68; *Он же.* Следственные действия: Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 47–48; *Он же.* Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки ТГУ серия: «Юридические науки». 2014 № 2. С. 160–164; *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс России. М., 2004. С. 281–282; *Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е.* Следственные действия: психология, тактика, технология. М., 2011 С. 239–244. Однако большинство учёных не разделяют это мнение (см.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 г. / под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. М., 2002. С. 367; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2008. С. 604; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 508; Уголовный процесс / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб., 2006. С. 429; Белоносов В.О., Чернышева И.В. Российский уголовный процесс. М., 2008. С. 246–284; Уголовный процесс Российской Федерации / отв. ред. А.П. Кругликов. М., 2010. С. 377–434.

производство следственных действий он не перестал играть важную роль в защите прав и законных интересов участников соответствующей деятельности, так как исключает возможность полномасштабного использования указанных действий и применения мер процессуального принуждения до того, как будут выявлены веские основания для осуществления расследования по поступившему сообщению о преступлении. Что касается названия, то его можно и следовало бы изменить на более приближённое к содержанию и назначению деятельности, осуществляемой в этой стадии. Об этом упоминалось при формулировании нами предложения о целесообразности вынесения постановления о начале проверки поступившего заявления, сообщения о преступлении. По нашему мнению, данную стадию следует именовать стадией проверки сообщения о преступлении.

В стадии возбуждения уголовного дела важное значение придаётся поведению лица, добровольно заявившего о совершении им преступления. Явка с повинной, выделенная в виде самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела, согласно действующему законодательству создаёт ряд известных правовых преимуществ для лица, явившегося с повинной. Представляется, что такому поведению лица, проявляемому им непосредственно после совершения преступления, может быть придано более широкое значение. В частности, действующее законодательство при наличии оснований и условий, предусмотренных ст. 25, 28 и 28.1 УПК, предусматривает возможность прекращения уголовного дела. А что можно и нужно делать, если указанные в нормах перечисленных статей закона обстоятельства будут установлены в ходе проверки сообщения о преступлении, то есть ещё до возбуждения уголовного дела? Ответ ныне один – возбуждать уголовное дело, «создать» фигуру подозреваемого или обвиняемого и вынести постановление о прекращении уголовного дела. Между тем любая, в том числе уголовно-процессуальная, деятельность

должна быть не только эффективной, но и продуктивной, по возможности экономной с точки зрения затрачиваемых сил и средств. Поэтому предлагаем сделать явку с повинной, обременённую обстоятельствами, указанными в ст. 25, 28 и 28.1 УПК, самостоятельным, своеобразным основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Технически это может быть выполнено одним из двух способов: путём внесения соответствующего дополнения в ст. 24 УПК или непосредственно в ст. 25, 28 и 28.1 УПК; посредством введения, а точнее, возвращения в УПК РФ понятия «обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу», существовавшего в УПК РСФСР 1960 года. В статье под таким названием следует привести перечень всех оснований, допускающих как отказ от возбуждения уголовного дела, так и его прекращение.

Явка с повинной может быть использована и в других, не предусмотренных ныне действующим законом, вариантах. Например, при регулировании особенностей уголовно-процессуального производства в отношении лиц, перечисленных в ст. 447 УПК. В этом случае с её помощью можно исключить необходимость получения требуемого ныне согласия ведомств и организаций, указанных в ст. 448 УПК, на возбуждение уголовного дела, при условии, если явка с повинной лица, обладающего специальным уголовно-процессуальным статусом, создаст для него гарантии отказа в возбуждении уголовного дела – в случае совершения им преступления, не представляющего большой общественной опасности, и определённого снижения меры наказания – по всем другим преступлениям. Характер связи уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого с каждым из видов указанных решений обладает определенной спецификой.

Решения, принимаемые на другом этапе досудебного производства – стадии предварительного расследования, характеризуются значительно большим и по объёму, и по глубине влиянием на них уголовно-процессуального поведения обвиняемого. Это неудивительно, если учесть,

что действующее законодательство в некоторых случаях даже характер и форму расследования уголовного дела связывает с отношением обвиняемого, подозреваемого к этому вопросу. Закон, как известно, предусматривает возможность заключения с указанными лицами досудебного соглашения, вводя при этом специфические правила согласования принятия тех или иных решений по делу (гл. 40.1 УПК)¹. В ряде случаев предварительное расследование вообще проводится по требованию обвиняемого или подозреваемого. Речь идёт о случаях их отказа от прекращения в отношении них уголовного дела или уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям (ч. 2 ст. 27; ч. 4 ст. 28; ч. 5 ст. 28.1 УПК). Глава 32.1 УПК, введённая Законом РФ от 4 марта 2013 года, предусматривает возможность производства дознания в сокращённой форме, обуславливая принятие такого решения заявлением соответствующего ходатайства подозреваемым.

Тенденция максимально возможного учёта мнения обвиняемого (подозреваемого) при производстве предварительного расследования по уголовным делам, связанная с активизацией сотрудничества этих лиц с указанными органами, становится всё более очевидной. На наш взгляд, данный процесс в современных условиях является закономерным и обнадеживающим. Он свидетельствует о существенном изменении правовой значимости поведения обвиняемого (подозреваемого) при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, повышает научный интерес к этой проблеме и обуславливает необходимость более обстоятельного, глубокого изучения связи уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого

¹ Нельзя согласиться с мнением Л.Г. Татьяниной о том, что, если обвиняемый, являющийся членом преступной группировки, привлекается к уголовной ответственности не по всем, а только по отдельным эпизодам преступной деятельности группы, с ним не может заключаться соглашение о сотрудничестве, предметом которого являются не вменённые ему в вину эпизоды. Это выхолащивает правовую суть и назначение рассматриваемого института. Вместе с тем полностью разделяем озабоченность автора положением прокурора в этой процедуре и считаем, что решение по существу такого заявления подозреваемого (обвиняемого) должен принимать только прокурор (см.: *Татьянина Л.Г.* Заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: вопросы, оставшиеся без ответа // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 1 (3). С. 98–100.

(подозреваемого) с решениями, принимаемыми в уголовном судопроизводстве.

Что касается существа аспектов связи поведенческой характеристики обвиняемого с уголовно-процессуальными решениями, то здесь тоже есть достаточный потенциал для активизации взаимодействия обвиняемого (подозреваемого) с органами, осуществляющими предварительное расследование уголовных дел.

Как известно, основу предварительного расследования составляет производство следственных действий. Это основной способ собирания и проверки доказательств по уголовному делу, позволяющий формировать правовые позиции как стороны обвинения, так и стороны защиты. Проблему активного его использования стороной защиты создаёт отсутствие у неё права на самостоятельное проведение указанных действий¹. Тем не менее она не лишена возможности инициировать их производство всеми законными способами. Согласно действующему законодательству исследуемое поведение обвиняемого может создавать основания для производства не только обыска или выемки, о чём говорилось при раскрытии механизма её

¹ Данная тема является одной из самых дискуссионных в теории российского уголовного процесса. Она рассматривается и анализируется под различными углами зрения. Одни авторы выступают чуть ли не за предоставление стороне защиты права самостоятельного производства следственных действий (см.: *Баев М.О.* Тактика профессиональной защиты от обвинения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 23; *Горя Н.* Принцип состязательности и функции защиты // *Российская юстиция.* 1990. № 7. С. 22; *Макаров А.М., Алексеева Л.Б.* Каким быть уголовному процессу? // *Советское государство и право.* 1990. № 11. С. 152; *Петрухин И.Л.* Состязательность и правосудие (К 100-летию М.С. Строговича) // *Государство и право.* 1994. № 10. С. 137; *Рогаткин А.А., Петрухин И.Л.* О реформе уголовно-процессуального права РФ // *Проблемы российской адвокатуры.* М., 1997. С. 107; и др.). Другие ученые склоняются к легализации так называемого параллельного расследования (см.: *Стройков В.* Реализация права защитника на опрос лиц // *Законность.* 2004. № 6. С. 52–54; *Мартыничук Е.Г.* Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции и модели) // *Адвокатская практика.* 2003. № 6. С. 21–29; *Она же.* Адвокатское расследование в уголовном процессе: Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М., 2009. С. 35–45; *Маслов И.В.* Адвокатское расследование // *Законность.* 2004. № 10. С. 34–38; *Сергеев В.И.* Независимость адвокатуры от государства – необходимое условие защиты прав человека // *Адвокатская практика.* 2002. № 4. С. 48; и др.). Третьи исследователи предлагают решать эту проблему путём активизации деятельности защитника, категорически возражая против предоставления ему права производства следственных действий (см.: напр.: *Шейфер С.А.* К вопросу об активизации доказательственной деятельности защитника по уголовному делу // *Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. статей, посвященных 35-летию юридического факультета.* Самара, 2006. Вып. 2. С. 375–385; *Он же.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., С. 212–236; *Карякин Е.А.* Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики). Оренбург, 2005. С. 43–66; *Насонова И.А.* Об эффективности участия защитника в следственных действиях // *Российский следователь.* 2008. 23. С.10–13; и др.).

связи с решениями, принимаемыми в ходе производства по уголовному делу, но и целого ряда других следственных действий: осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, а также для производства экспертизы. Заявления обвиняемого о том, что он не мог совершить вменяемые ему в вину преступные действия при описанных обстоятельствах по погодным условиям или в связи с отсутствием у него необходимых навыков, что результаты его правомерной, а не преступной деятельности находятся в определённом месте, могут быть опровергнуты либо подтверждены только путём производства следственного эксперимента или проверки показаний на месте.

Можно предположить, что не случайно в ст. 181 и 194 УПК, регламентирующих названные действия, основания для принятия соответствующего решения выражены, а скорее подменены указанием на цели их производства. Тем самым законодатель как бы допускает многовариантный характер источников сведений, которые фактически обуславливают производство указанных действий. В их числе могут выступать и сведения, фигурирующие в заявлениях, а также показаниях обвиняемого. Делая этот вывод, мы не разделяем такого отношения законодателя к регламентации процессуального порядка производства следственных действий. Категория «основания» имеет достаточно чёткую определённость, она не предопределяется целью, поэтому её следовало бы соответствующим образом расшифровывать применительно к производству всех следственных и других уголовно-процессуальных действий. Возвращаясь к сути вопроса, необходимо отметить, что целесообразность и, соответственно, результативность производства не только анализируемых выше, но и многих других следственных действий во многом зависит от отношения обвиняемого к этому процессу. Поэтому принятие подобного рода решений прямо и непосредственно связано с поведенческой характеристикой обвиняемого, которая либо формирует фактическое

основание, либо выступает необходимым условием их принятия и реализации, о чем более подробно излагалось в § 1 данной главы.

Важную роль поведенческая характеристика обвиняемого играет при принятии многих других промежуточных решений как информационно-доказательственного, так и организационно-обеспечительного плана. Она в некотором роде предопределяет принятие решения о привлечении его в рассматриваемом качестве и предъявлении ему обвинения, получение от него сведений по предъявленному обвинению. Решение вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого по уголовному делу обусловлено наличием необходимой совокупности доказательств, позволяющих сделать вывод о совершении расследуемого преступления данным лицом. Среди них зачастую фигурируют объяснения и показания лица, которое привлекается в качестве обвиняемого, сообщённые им ранее, в бытность его подозреваемым или свидетелем по делу. Сведения, сообщаемые подобным образом, либо ускоряют процесс принятия указанного выше решения, либо удлиняют время его наступления, либо вовсе исключают данную процедуру ввиду прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Это зависит от характера указанных сведений, их связи с расследуемым преступлением, собранными по делу доказательствами, а также отношения к процессуальному доказыванию соответствующего лица. Оно может подробно охарактеризовать обстоятельства совершения преступления и тем самым ускорить вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и по возможности предопределить (скорректировать) формулу обвинения и квалификацию преступления. Отрицание своего участия в совершении преступления, заявление об алиби или вовсе отказ от дачи показаний таким лицом влечёт необходимость выяснения его местонахождения во время совершения преступления и других обстоятельств, которые исключали бы принятие незаконного и

необоснованного решения о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу и предъявление ему обвинения.

Став обвиняемым, лицо получает более широкие правовые возможности по воздействию на всё производство по уголовному делу и принимаемые по нему решения прежде всего в сфере доказывания и отстаивания своих законных интересов. Если до этого оно могло только предполагать формулу обвинения, то после предъявления обвинения получает возможность воспринимать её воочию, в том числе в интерпретации следователя и защитника. С этого момента у обвиняемого появляется возможность активно воздействовать на процесс доказывания путём дачи показаний, заявления ходатайств о производстве следственных действий и участия в них, назначения и определения предмета экспертных исследований, вызова и допроса свидетелей, истребования других доказательств, приглашения специалиста, совершения иных целенаправленно сориентированных действий.

Одновременно расширяются возможности лица по защите своих законных интересов. Уголовно-процессуальные решения в этой сфере принимаются на основе и с учётом изложенного ранее механизма связи поведенческой характеристики обвиняемого с сущностью принимаемых актов. Чрезвычайно важны в этот момент, с точки зрения определения дальнейших перспектив производства по уголовному делу, допрос обвиняемого и его отношение к предъявленному обвинению. Поэтому можно понять устойчивое стремление следователей получить признательные показания обвиняемого лица сразу после предъявления ему обвинения. Однако решение этого вопроса в первую очередь зависит от позиции обвиняемого и его защитника и избранной ими тактики защиты. Чаще всего линия защиты в этом случае выстраивается с учётом предыдущих показаний обвиняемого, если они давались в присутствии защитника, участвующего в предъявлении обвинения.

Смена адвоката, особенно отказ обвиняемого от так называемого дежурного адвоката, как правило, влечёт изменение, а порой и полный отказ от предыдущих показаний. Стабильно повторяющимся поведением обвиняемого в рассматриваемом отношении наблюдается по уголовным делам, по которым обвиняемый соглашается с предъявленным обвинением и намеревается ходатайствовать о применении особого порядка вынесения приговора (гл. 40 УПК). Как известно, такие дела составляют около 60% от всех дел, рассматриваемых судами Российской Федерации¹. По обобщённым нами делам, их было 59,7% (приложение 2). Можно по-разному относиться к этой практике и её показателям. С одной стороны, она путём предоставления правовой преференции значительно «упрощает» возможность приобретения человеком судимости; с другой стороны, существенно облегчает и удешевляет уголовное судопроизводство и довольно позитивно воспринимается как правоприменителями², так и лицами, в отношении которых используется эта процедура.

Небезынтересно отметить, что подавляющее большинство лиц, обвиняемых по этим делам, ориентируются на использование особого порядка постановления приговора значительно раньше, чем это ныне предусмотрено законом. В связи с изложенным резонно возникает вопрос: а почему не предоставить таким лицам право заявлять ходатайство о применении особого производства, регламентированного гл. 40 УПК, сразу после предъявления обвинения и получения от них показаний по существу предъявленного им обвинения? Идея проста. Ныне «центр тяжести» уголовного судопроизводства по рассматриваемой категории уголовных дел перемещён в досудебное производство. Именно здесь «создаются» доказательственная база и все другие условия для упрощённого разрешения уголовного дела в суде и вынесения приговора. Не секрет и то, что приговор

¹ См.: Куликов Владислав. Кара в особом порядке // Рос. газ. 2011. № 60 (5436), 23 нояб.: *Он же*. Минюст расширит применение досудебных соглашений // Рос. газ. 2012. 10 янв. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/10/soglashenia-site.html> (дата обращения 02.02.2014)

² По данным проведённого нами анкетирования, порядка 68,6%.

по существу предрешается в стадии предварительного расследования. Он практически не бывает иным, кроме обвинительного. По изученным нами уголовным делам не было обнаружено ни одного иного судебного решения. На «долю» суда приходится только определение меры наказания. Между тем закономерным с точки зрения мировой и собственной исторической практики¹ является смещение «центра тяжести» производства по уголовным делам в сторону суда, судебной деятельности. Досудебное производство можно и нужно по возможности сокращать², а судебное – должно быть и оставаться в том виде, в котором оно гарантирует обоснованное решение вопроса о виновности (невиновности) и исключает «доступное» получение судимости, в том числе при признании обвиняемым своей вины в совершении преступления.

На наш взгляд, целесообразно изменить закон, предоставив обвиняемому право сразу после предъявления обвинения в случае согласия с ним и признания себя виновным ходатайствовать о применении в отношении него особого порядка вынесения приговора. Дальнейшую деятельность по уголовному делу следует сократить до минимума, обеспечивающего доказанность факта совершения преступления обвиняемым и его виновности, которая должна подтверждаться, помимо его признания, другими доказательствами. Опасность того, что обвиняемые в этом случае будут в

¹ см.: Согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. «Относительно упрощения уголовного правосудия», странам, входящим в Совет Европы, предлагается по возможности максимально упростить предварительное расследование по делам «второстепенных правонарушений» и расширить возможности их судебного разрешения (см.: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 17 сентября // Сб. документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1988. С. 117–122). В соответствии со ст. 544, 545 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в случае, когда прокурор по доставленным ему сведениям и доказательствам или по самому свойству дела признавал возможным предложить суду обвинительный акт, а суд признавал, что нет необходимости в предварительном расследовании, обвинительный акт предоставлялся непосредственно к судебному разбирательству. Предварительное расследование было обязательно только по делам, рассматривавшимся с участием присяжных заседателей (см.: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения .02.02.2014)).

² См.: *Корнуков В.М.* Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Сб. материалов научной конференции к 160-летней годовщине со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого (С.- Петербург, 11–12 октября 2007 г.). М., 2008. С. 102–104; *Гуськова А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела российскому уголовному судопроизводству? // Проблема противодействия преступности в современных условиях: материалы научно-практической конференции 16–17 октября 2003 г. Уфа, 2003. Ч. 1. С. 63; *Карякин Е.А.* Стадия возбуждения уголовного дела: «за» и «против»... // Современное право. 2004. № 12. С. 55–57; и др.

суде отказываться от особого порядка и требовать осуществления правосудия в общем порядке, которое может стать затруднительным, должна парализоваться готовностью стороны обвинения к представлению доказательств, необходимых для обвинения и признания соответствующего лица виновным в совершении вменённого ему в вину преступления. На первых порах такой порядок можно предусмотреть только для уголовных дел о преступлениях, срок наказания за которые не превышает пяти лет. В последующем этот порядок может стать нормой для всего российского уголовного судопроизводства, в рамках которого найдут себе место все дифференцированные формы осуществления правосудия по уголовным делам. Представляется, что этот путь может стать начальным этапом в переходе к отказу от объёмного предварительного расследования уголовных дел и построения российского уголовного процесса по типу англосаксонского судопроизводства, в процессе которого будут устранены такие недостатки российского судопроизводства, как длительное с постоянной сменой следователей расследование уголовных дел, сопровождающееся не менее длительным содержанием обвиняемых под стражей; многократные вызовы и допросы потерпевшего и свидетелей по уголовным делам; прямая зависимость судебных решений от результатов досудебной деятельности, осуществляемой в отсутствие состязательности и равенства сторон. Кроме того, это может существенно повысить авторитет суда и доверие к судебной власти среди населения.

Поведенческая характеристика обвиняемого тесным образом связана с решениями, принимаемыми на завершающих этапах предварительного расследования. Одним из разновидностей таких актов является решение о прекращении уголовного дела и о прекращении уголовного преследования. Некоторые аспекты связи указанных правовых явлений уже затрагивались в работе, в частности в предыдущем параграфе, при раскрытии механизма формирования и реализации такой связи. Там же были обозначены

нерешённые в законе и ставшие предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ злободневные вопросы законодательного регулирования прекращения уголовного производства по ряду проблемных оснований (уголовные дела в отношении погибшей в автокатастрофе Александриной и освобождённых от уголовной ответственности Боровкова и Морозова). Ограничившись их указанием, на наш взгляд более целесообразно изложить соображения по сути данных вопросов и порядку их законодательного урегулирования в данном параграфе, тематически более подходящем для этого.

Как уже говорилось, Конституционный Суд РФ признал п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК не соответствующим Конституции РФ в той мере, в которой он в системе действующего правового регулирования позволяет прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. С определенной долей условности образно это истолкование можно трактовать как необходимость одобрения принимаемого решения самим умершим обвиняемым, поскольку близкие родственники только представляют его интересы. В случае обратной реакции производство по уголовному делу должно продолжаться. По идее, все правильно. Правопреемники, в качестве которых выступают близкие родственники, наследуют права и обязанности умершего. Но уголовно-процессуальные и обусловленные ими уголовно-правовые права и обязанности носят явно выраженный специфический характер. Потому правовые вопросы, которые возникли на практике: каким актом должно заканчиваться производство по такому уголовному делу, если следствие не установило оснований для реабилитации умершего обвиняемого, и кому он должен вручаться, – вызвали если не недоумение, то что-то подобие шарады. Прокуратура уголовное дело по обвинению погибшей в ДТП Александриной (обвинение ей, как писали газеты, было предъявлено заочно¹) направила в

¹ Абсолютно неправовой термин, который, к сожалению, стал использоваться и некоторыми правоведами.

суд, сопроводив его соответствующим постановлением. Сторона защиты заявила в суде о нарушении процессуального порядка направления уголовного дела в суд (как известно, в этом случае составляется обвинительное заключение) и ходатайствовала о возвращении дела прокурору. Что должен делать прокурор в данном случае?

Это не единственные вопросы, которые могут возникать в подобных уголовных делах. К примеру, а как должен поступать следователь, прокурор и суд, если по такому делу близкие родственники придерживаются разных позиций: одни согласны и настаивают на прекращении уголовного дела, другие требуют продолжения производства по уголовному делу? Еще более сложным и неэтичным является вопрос о том, кто и как будет представлять подсудимого в суде, поскольку физически он не существует, и как определить и назначить ему наказание?

Как говорится, вопросов больше чем ответов. Не случайно с момента принятия указанного постановления Конституционного Суда РФ прошло более двух лет, а в УПК до сих пор не внесено никаких изменений, хотя законодательная власть должна была отреагировать на него в течение шести месяцев. Между тем, дело в отношении Александриной рассмотрено и разрешено судом 5 июля 2013 года. Гагаринский суд г. Москвы после исследования всех собранных по делу доказательств, прекратил по нему производство по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК без согласия представителя умершей, который настаивал на её невиновности. В описательной части постановления судья констатировал признание доказанным факт совершения преступления умершей Александриной О.С., подлежащей уголовной ответственности, и квалифицировал её действия по ч. 3 ст. 264 УК РФ, указав на отсутствие

оснований для её реабилитации¹. Тем самым суд практически создал новую небесспорную разновидность формы осуществления правосудия по уголовным делам. А главное, решение о прекращении уголовного дела, вынесенное судом без согласия отца обвиняемой, представлявшего её интересы, противоречит позиции Конституционного Суда РФ, выраженной им в указанном постановлении, и не основано на законе, поскольку и п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК данным постановлением признаны неконституционными «в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников».

Думается, что в уголовном судопроизводстве выявилась очередная нестандартная ситуация, напоминающая ту, которая в свое время возникла в связи с принятием Конституционным Судом РФ постановления от 11 мая 2005 года № 5-П, введшего понятие так называемых фундаментальных нарушений уголовно-процессуального законодательства, влекущих возможность пересмотра уголовного дела в надзорном порядке с целью ухудшения положения осужденного².

В рамках действующего законодательства изложенную ситуацию вряд ли можно разрешить. Ведь составление обвинительного заключения, как и привлечение в качестве обвиняемого умершего лица не только неэтично, но и противоестественно, вынесение указанных актов предполагает, как минимум, физическое наличие соответствующего субъекта преступления. К тому же буквальное толкование последней части п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК позволяет

¹ См.: Постановление о прекращении производства по уголовному делу в отношении Александровой О.С., по основанию, предусмотренному пунктом 4 части 1 статьи 24 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в связи со смертью), обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: http://gagarinsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=142036120&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения 05.02.2014).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом с запросом курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

говорить, что данная норма не предполагает привлечения умершего к уголовной ответственности и признания его виновным. В ней четко обозначена единственная цель дальнейшего производства по уголовному делу – реабилитация умершего. Как же в этом случае можно формулировать документы, свидетельствующие о его виновности в совершении преступления? Между тем некоторые авторы настаивают именно на таком варианте решения проблемы. В частности, И.В. Маслов, подробно проанализировав указанное постановление Конституционного Суда РФ, предложил правоприменителям использовать при её решении по аналогии ч. 1 ст. 437 и ч. 8 ст. 302 УПК. Следовательно, одного из близких родственников умершего обвиняемого (как ему в этом случае предъявляется обвинение, не указывается) автор предлагает признавать законным представителем и после ознакомления всех заинтересованных лиц с материалами уголовного дела направлять через прокурора в суд с обвинительным заключением для рассмотрения в порядке, предусмотренном ч.8 ст. 302 УПК.

В случае доказанности виновности умершего предлагается выносить обвинительный приговор с освобождением этого лица от наказания¹. Не соглашаясь с этими рекомендациями, считаем, что изложенная ситуация требует дополнительного законодательного регулирования. По нашему мнению, во-первых, надо убрать алогичную в правовом отношении двусмысленность, содержащуюся в п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК. По смыслу полного содержания конструкции, охватываемой этим пунктом, в контексте ст. 24 УПК получается, что прекращение уголовного дела в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого означает признание умершего виновным, что противоречит не только презумпции невиновности, но и всем другим исходным началам российского уголовного судопроизводства. Кстати, Конституционный Суд РФ в своем постановлении не обратил никакого

¹ См.: *Маслов И.В.* Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение КС РФ // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 48–52.

внимания на это обстоятельство. Неконституционность положений, содержащихся в п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК он признал только в той части, в которой они предполагают прекращение уголовного дела по данному основанию без согласия близких родственников. А что меняет согласие близких родственников по существу в указанной ситуации? Ничего, кроме того, что с признанием виновности умершего в совершении преступления вопреки презумпции невиновности соглашаются его близкие люди.

Во-вторых, исключить смерть подозреваемого обвиняемого из числа оснований, влекущих прекращение уголовного дела органами предварительного расследования, оставить это основание прекращения уголовного дела только в ст. 254 УПК, обусловив его, как того требует рассматриваемое постановление Конституционного Суда РФ, выражением согласия близких родственников умершего¹.

В-третьих, предусмотреть в УПК, что следователь, дознаватель в случае смерти подозреваемого или обвиняемого производит расследование в полном объеме, по его окончании при подтверждении факта совершения преступления подозреваемым, обвиняемым составляет постановление, в котором излагаются обстоятельства совершения преступления, установленные в ходе расследования, указываются доказательства, подтверждающие факт совершения преступления умершим лицом. (Подозреваемым и обвиняемым это лицо может именоваться только при

¹ Вопрос о сомнительности прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям (смерть подозреваемого или обвиняемого относится к ним) не является новым. Он возник и довольно обстоятельно обсуждался еще в советское время (см., напр.: *Добровольская Т.Н.* Принципы советского уголовного процесса. С. 143; *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 226; и др.). Многие авторы его решение видели в изъятии права на прекращение уголовных дел по указанным основаниям у следователя и дознавателя и наделении им только суд (судью) (см.: *Карнеева Л.М.* Прекращение уголовных дел в судебном заседании // Советская юстиция. 1973. № 8. С. 7–8; *Огурцов Н.А.* Проблемы науки уголовного права и совершенствование законодательства об уголовной ответственности // Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979. С. 104; *Добровольская Т.Н.* Об изменении порядка прекращения уголовных дел и некоторых спорных проблемах правосудия // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С. 178). Российский законодатель не воспринял это предложение, а УПК Украины пошел именно по этому пути. В УПК Украины от 1961 г действовало правило, согласно которому в случае прекращения дела вследствие смерти обвиняемого его близкие родственники и общественные организации вправе в целях реабилитации умершего просить о доведении досудебного следствия до конца. В УПК Украины от 13 апреля 2012 г. это правило сохранилось.

условии, если таковым оно стало при жизни). Данное постановление вместе с уголовным делом направляется через прокурора в суд для его прекращения или рассмотрения по существу с целью реабилитации умершего – в зависимости от мнения близкого родственника умершего. При его настаивании на продолжении судебного разбирательства в судебном заседании с обязательным участием прокурора, адвоката-защитника и представителя умершего лица исследуются все доказательства, собранные в ходе предварительного расследования и представленные сторонами непосредственно в суд. По итогам судебного заседания суд выносит либо оправдательный приговор, либо – при констатации виновности умершего, постановление об отсутствии оснований для его реабилитации. До удаления суда в совещательную комнату родственник умершего лица, представляющий его интересы, может заявить ходатайство о прекращении производства по уголовному делу¹.

Предложенный своеобразный, особый порядок рассмотрения уголовных дел в суде исключит все недоразумения, связанные с изложенной ситуацией, освободит близких родственников от необходимости выражения бестактного согласия на признание умершего виновным в совершении преступления вопреки конституционному принципу презумпции невиновности человека.

На наш взгляд, данный порядок может быть взят за основу федеральным законодателем и при исполнении предписания Конституционного Суда РФ о необходимости внесения изменений в правовое регулирование вопросов, связанных с прекращением уголовного преследования лица в стадии предварительного расследования вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и

¹ Подобное предлагало Правительство РФ в законопроекте, который был внесен в Государственную Думу РФ и принят единогласно в первом чтении 25 января 2013 г., однако дальнейшего движения по нему нет (см.: Проект Федерального закона № 180771-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности) (ред., внесенная в ГД РФ ФС РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». М., 2014.

наказуемость инкриминируемого ему деяния. Он может обеспечить и рассмотрение по существу жалоб таких лиц на законность и обоснованность прекращения в отношении их уголовного преследования по указанному основанию, и решение вопроса об их праве на реабилитацию при установлении незаконного или необоснованного преследования либо применения к ним мер уголовно-процессуального принуждения.

Поведение обвиняемого, его отношение к итоговым результатам предварительного расследования и форме будущего судебного разбирательства являются составной частью комплекса взаимосвязанных вопросов, анализируемых и разрешаемых при завершении предварительного расследования с составлением обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления. Прежде всего это касается окончания соответствующей деятельности и объявления об этом обвиняемому, который посредством заявления ходатайства о производстве следственных действий может инициировать её продолжение. Его действия при ознакомлении с материалами уголовного дела могут влечь принятие судом по ходатайству должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, решения об ограничении предоставляемого ему для этого времени и даже прекращение выполнения данного процессуального действия в случае несоблюдения им установленного срока. Он вместе с защитником определяет круг свидетелей, экспертов и специалистов, подлежащих обозначению в обвинительном заключении и вызову в судебное заседание. Им при наличии соответствующих условий определяются необходимость проведения предварительного слушания и форма осуществления правосудия по его делу.

Закон ограничивает обвиняемого в сроках заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК. Практически у него для этого есть только одна возможность – при ознакомлении с материалами уголовного дела, потому что назначение предварительного слушания, во-первых, от него не зависит, а, во-вторых, при

раздумьях обвиняемого о согласии с обвинением оно не очень уместно. На наш взгляд, обвиняемому следовало бы предоставить возможность заявления вышеназванного ходатайства и в подготовительной части судебного разбирательства уголовного дела. Кстати, такие случаи в первые годы действия особого порядка имелись на практике, встречаются они и сейчас, но судьи теперь отказывают в удовлетворении таких ходатайств, хотя относятся к ним с пониманием и многие одобряют предлагаемый нами порядок. За это высказалось более 60% всех опрошенных судей, прокуроров и адвокатов. Процессуальные издержки, создающиеся при такой ситуации, совершенно незначительны, зато у обвиняемого появится больше времени для решения существенно значимого для него вопроса приобретают двухвариантное значение.

§ 3. Правовая природа связи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями

Превращение в подсудимого не устраняет, а, наоборот, расширяет возможности обвиняемого по воздействию на уголовно-процессуальную деятельность и решения, принимаемые судом.

Если исходить из того, что сущность судебных решений, как писал Ю.М. Грошевой, заключается в знании судей «по тем вопросам, которые должны найти своё разрешение»¹ в этих актах, то основа данной связи носит познавательный характер, то есть её образует деятельность познавательного плана. Стремясь к получению полного знания об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, суд (судья) в процессе осуществления соответствующей деятельности и принятия требуемого законом решения использует все возможные источники сведений об исследуемых обстоятельствах, в том числе связанные с поведением и действиями

¹ См.: Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 8.

обвиняемого (подсудимого) как до, так и в ходе производства по уголовному делу. Объективность внутреннего судебного убеждения обусловлена степенью полноты и всесторонности исследования в суде собранных и представленных по уголовному делу доказательств, она во многом «зависит от возможности учесть аргументы обеих сторон, для чего им и обеспечивается равное право на участие в доказывании и на обжалование принятого судом решения»¹.

Однако указанный сущностный момент не отражает всех других аспектов правовой природы связи поведения обвиняемого с судебными решениями, призванными не только правильно разрешить уголовное дело по существу, но и обеспечить при этом соблюдение требований закона, наделяющих обвиняемого широким кругом прав и гарантирующих ему возможность активной защиты своих интересов при производстве по уголовному делу. Отсюда вытекает, что поведение обвиняемого (его поступки и действия) является для суда не только одним из источников сведений, формирующих его знание относительно обстоятельств уголовного дела, но и своеобразным предметом правового обеспечения. Являясь органом правосудия по уголовным делам, суд одновременно выступает и гарантом соблюдения прав личности, в том числе обвиняемого, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Этот правообеспечительный аспект назначения суда в уголовном судопроизводстве обязывает его принимать решения по уголовному делу в условиях строгого соблюдения и обеспечения прав, предоставляемых законом обвиняемому, и с максимально возможным знанием и учётом его уголовно-процессуальной характеристики.

Оба указанных аспекта (и познавательный, и правообеспечительный) правовой природы связи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями в той или иной мере присутствуют и проявляются при принятии любого судебного решения. Тем не менее степень активности их

¹ Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. 3-е изд. М., 2012. С. 67.

проявления и влияния на процесс принятия решений не всегда одинакова. В зависимости от этапа, стадии судебной деятельности, её направленности и конкретных целей тот или иной аспект может приобретать превалирующее или подчинённое значение. В частности, в решениях, принимаемых судьёй (судом) в стадии подготовки и назначения судебного заседания по уголовному делу, превалирует правообеспечительный аспект рассматриваемой связи. Судья, прежде чем принять решение о назначении судебного заседания, обязан выяснить целый ряд вопросов, касающихся возможности рассмотрения дела по существу, в том числе связанных с соблюдением прав обвиняемого при производстве и окончании предварительного расследования (ст. 228, 237 УПК).

Выяснив, что при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК, либо не вручены копии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления без обоснования причины этого, судья принимает решение о возвращении уголовного дела прокурору. Познавательный аспект на этой стадии присутствует в виде деятельности по выяснению соблюдения прав обвиняемого в ходе предшествующей уголовно-процессуальной деятельности либо при исследовании доказательств на предмет возможного их исключения из доказательственной базы, собранной по уголовному делу (ст. 235 УПК). Активизируется он при рассмотрении уголовного дела по существу особенно во время допроса подсудимого. Давая показания, подсудимый сообщает суду сведения об обстоятельствах уголовного дела, которые затем в том или ином виде отражаются в соответствующем судебном решении. Они могут выступать в качестве фактического основания вынесения такого решения или быть его составляющей частью. Данный аспект влияния связи поведения обвиняемого на судебные решения, в том числе на приговор, весьма важен и актуален, так как в судебном заседании обвиняемые почти всегда используют своё право

на дачу показаний. Отказываясь по различным причинам от их дачи в досудебном производстве, они, как правило, сохраняют намерение объяснить свои действия, ставшие предметом судебного разбирательства, непосредственно суду. По нашим данным, отказы подсудимых от дачи показаний в суде носят единичный характер. Из трёхсот обобщённых уголовных дел нами были выявлены только три таких случая (приложение 2). Они были обусловлены безразличным отношением подсудимых к своей судьбе.

Если же обратиться к судебной процедуре, именуемой особым порядком постановления приговора (гл. 40 УПК), то там опять на первый план выступает организационно–правообеспечительный характер связи поведения обвиняемого с решениями суда. Рассматривая уголовное дело в указанном формате, судья прежде всего должен убедиться в том, что ходатайство о его применении обвиняемым заявлено добровольно и после консультации с защитником, что он действительно согласен с предъявленным обвинением и осознаёт характер и последствия заявленного им ходатайства. Выяснение указанных вопросов позволяет суду определить своё отношение к показаниям обвиняемого, данным им по существу предъявленного ему обвинения, а также к другим доказательствам, собранным по уголовному делу, которые образуют фактическую основу выносимого им решения. Тот факт, что указанные доказательства не приводятся и не анализируются в приговоре, отнюдь не означает, что они не изучаются судьёй в ходе судебного разбирательства. Не требуя их приведения и оценки в приговоре, закон, на наш взгляд, исходит из того, что позитивное восприятие судьёй поведения обвиняемого, вызвавшее применение по его делу порядка, предусмотренного главой 40 УПК, гарантирует достоверность собранных по делу доказательств, в том числе показаний самого подсудимого.

Именно на таком характере связи поведения обвиняемого с решением суда основан особый порядок судебного разбирательства, закреплённый в главе 40 УПК. Поэтому для большей чёткости правового регулирования деятельности суда и его обязанностей при вынесении приговора без проведения судебного разбирательства, предлагаем ч. 7 ст. 316 УПК изложить в следующей редакции: «Если судья на основании изучения материалов уголовного дела придёт к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

Особую группу отношений подсудимого и суда в рассматриваемом плане образуют его правомочия, предусмотренные в ч. 7 ст. 292 УПК, позволяющие ему представить суду свои формулировки решений по вопросам о доказанности вменяемого ему в вину деяния, того, что оно совершено им, и другим вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора (ст. 299 УПК).

По этой же причине, судебные решения под обозначенным углом зрения не поддаются строгому разделению (классификации). Тем не менее, если исходить из ранее указанного положения о превалирующем значении в них того или иного варианта обозначенных аспектов их связи с поведением обвиняемого, то они могут быть представлены в виде трёх групп.

Первую группу образуют судебные акты, в которых разрешаются вопросы факта (наличия или отсутствия) преступления, вменяемого в вину обвиняемому (подсудимому), и, соответственно, его квалификации и наказания, а также все иные акты, принятие которых связано с установлением определённых обстоятельств, исследованием и оценкой данных фактического характера (доказательств). К ним относятся: все

итоговые решения суда – приговор, постановление (определение) о прекращении уголовного дела; постановления (определения) о приостановлении производства по уголовному делу; об избрании, изменении, отмене меры пресечения, продлении срока её действия, о производстве экспертизы, об исключении доказательств и некоторые другие судебные акты.

Вторая группа состоит из судебных решений организационно-процессуального плана, основным назначением которых является обеспечение проведения судебного разбирательства и прав его участников. Это постановления (определения) о назначении судебного заседания, возвращении уголовного дела прокурору, о допуске к участию и замене в процессе государственного обвинителя, переводчика, защитника и т.д.

Третья группа объединяет судебные акты, подчинённые исключительно обеспечению реализации прав обвиняемого, разрешению заявляемых им ходатайств и приносимых жалоб. В неё входят постановления (определения), опосредующие рассмотрение всех ходатайств и заявлений обвиняемого, а также его жалоб на уже принятые судами решения (приговоры, постановления, определения).

С точки зрения обязательности для суда связь принимаемых им решений с поведенческой характеристикой обвиняемого тоже не может быть определена однозначно. Даже с учётом обозначенной её сущностной характеристики эта связь не прямолинейна, а опосредованно-избирательная, потому что знания судей относительно разрешаемых обстоятельств формируются за счёт различных сведений и их источников, а не только посредством их получения из показаний или объяснений обвиняемого. Последние могут быть частично либо полностью отвергнуты судом, и в этом смысле они для него необязательны. А с точки зрения процедуры их восприятия любые сведения, сообщаемые обвиняемым в процессе производства уголовно-процессуальных действий, а также содержащиеся в

его официально сделанных заявлениях, ходатайствах или жалобах, как и восприятие самих приведённых актов поведенческой характеристики обвиняемого, образуют предмет особого обязательного направления деятельности суда. Суд не может не замечать или игнорировать указанные проявления уголовно-процессуального поведения обвиняемого (подсудимого) и во всех случаях должен выразить к ним своё отношение в принимаемом решении либо путём принятия отдельного самостоятельного решения (например, при отказе в удовлетворении заявленного ходатайства).

Системное представление о внутренних качествах и свойствах связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми судом, и правоприменительной базы, на основе которой эта связь проявляется, позволяет перейти к более подробному анализу отдельных сторон наиболее важных аспектов рассматриваемого правового явления. Таковой в первую очередь, безусловно, является сущностная, познавательная направленность уголовно-процессуальной деятельности, опосредованная решениями суда. Все итоговые и многие промежуточные судебные решения базируются на доказательствах, исследуемых в соответствующих судебных заседаниях, в числе которых, как правило, всегда присутствуют сведения, полученные от обвиняемого. И тут возникают два небезыntenерсных вопроса.

Во-первых, признавая показания обвиняемого и содержащиеся в них сведения самостоятельным источником доказательств и доказательством (ст. 74, 77 УПК), законодатель в тексте некоторых норм закона допускает отступления от этого правила и говорит, только о возможности их использования в этом качестве. Так, в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК при определении прав обвиняемого указывается, что обвиняемый вправе возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии дать показания он «должен быть предупреждён о том, что его показания *могут быть использованы* в качестве доказательств по уголовному делу...». Возникает вопрос, разве когда-то они

могут не быть таковыми или использоваться в качестве доказательств избирательно, по усмотрению должностного лица? Думается, что это недоразумение обусловлено редакционной неточностью изложения использованной законодателем формулировки, хотя заложенный в ней смысл может быть неплохим «оружием» в руках недобросовестных правоприменителей. Учитывая данное обстоятельство, предлагаем исключить из обозначенного текста закона словосочетание «могут быть использованы» и изложить его так: «При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупреждён о том, что его показания имеют значение доказательств по уголовному делу и могут быть использованы в этом качестве даже при его последующем отказе от них, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 настоящего кодекса».

Во-вторых, большинство судебных решений в отношении обвиняемого принимаются в судебных заседаниях с его участием, где ему предоставляется возможность отстаивать свои интересы. Но форма его деятельности в таких случаях не определена. Например, при рассмотрении в суде ходатайства об избрании ему в качестве меры пресечения заключения под стражу или продления срока её действия обвиняемый согласно ч. 6 ст. 108 УПК «заслушивается» в числе других лиц, явившихся в судебное заседание. Такая же схема регулирования деятельного участия обвиняемого (подсудимого) используется законодателем и при регламентации рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК, в кассационном и надзорном производстве, а также на предварительном слушании, где могут даже допрашиваться свидетели по поводу обстоятельств производства следственных действий, а обвиняемый только может возражать (ст. 234 УПК). Возникает вопрос: какова цена такого возражения и предыдущего «заслушивания» обвиняемого? Смеем утверждать – практически нулевая, потому что в протоколе соответствующего судебного заседания в таких случаях делается запись: «обвиняемый возражал против его ареста» или нечто подобное без

приведения и расшифровки сущности фактических данных, на которых основано его мнение. Отсюда и довольно распространённые, приводимые в литературе, факты ссылок судей в соответствующих постановлениях на то, что «доводы обвиняемого (защитника) о невозможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу ничем не аргументированы».¹

По обобщённым нами материалам указанного производства они присутствовали почти в 28% всех случаев (приложение 2). По нашему мнению, рассматриваемый вопрос нуждается в упорядочении. Все подобного рода выступления или заслушивания обвиняемого (подсудимого) должны приобрести чётко определённую форму с приданием ей правового значения источника сведений об исследуемых обстоятельствах. В этом качестве может выступать объяснение, которое в УПК РСФСР 1960 года употреблялось в виде официального средства общения подозреваемого и обвиняемого с должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство наряду с показаниями (ст. 46, 52), а ныне употребляется только применительно к правам подозреваемого (ст. 46 УПК РФ). Кстати, УПК РСФСР придавал термину «объяснение» такой же смысл, как и показаниям. В уже упомянутой статье говорилось, что обвиняемый вправе давать объяснения по предъявленному обвинению. Представляется, что замена этого термина в данном случае в УПК РФ термином «показания» вполне уместно и закономерно, поскольку смысловое его значение было именно таким.

Следует отметить, что некоторые авторы всё же различали показания обвиняемого как сведения о фактах и его объяснения этих фактов как средство защиты². Разделяя точку зрения учёных, возражающих против такого деления информации, исходящей от обвиняемого, ввиду его

¹ См.: Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2011. С. 216.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 599.

условности¹, считаем возможным её разграничение по процессуальному происхождению. На наш взгляд, термину «объяснения» следует придать ранее предложенное нами значение, тем более что практически почти в этом же смысле он уже введён (точнее восстановлен) в ст. 144 УПК. С целью реализации нашего предложения понятие «объяснения» прежде всего надо предусмотреть в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК, где записать, что обвиняемый вправе давать объяснения и показания. Статью 77 следует озаглавить: «Показания и объяснения обвиняемого», ввести в неё новую часть, в которой дать определение объяснений по типу, использованному применительно к показаниям. Его формулировка может звучать так: «Объяснения обвиняемого – сведения, сообщаемые им при осуществлении в ходе досудебного производства и в суде всех других, помимо допроса, уголовно-процессуальных действий».

Среди других вопросов рассматриваемого аспекта связи поведения обвиняемого с судебными решениями весьма актуальным и практически значимым является вопрос об отношении суда к фактам отказа подсудимого от показаний, данных им в ходе предварительного расследования, или их существенного изменения. Такие ситуации встречаются чуть ли не по каждому второму уголовному делу, рассматриваемому судом в общем порядке, то есть порядка 40% (приложение 2). В подавляющем большинстве подобного рода случаев обвиняемые заявляли о своей непричастности к совершённом преступлении, которая признавалась ими в ходе предварительного расследования уголовного дела. Мотивируется такое поведение обвиняемыми чаще всего неправомерным физическим либо психологическим воздействием, оказываемым на них при задержании и расследовании уголовного дела, а иногда непониманием происходящего и его последствий либо боязнью осложнения отношений со следователем в надежде на суд.

¹ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 414; *Лазарева В.А.* Указ. соч. С. 246.

Безусловна, подобная мотивация не беспочвенна. Практике известны неединичные, доказанные в предусмотренном законом порядке случаи указанного воздействия на обвиняемых в целях получения от них признательных показаний. Некоторые из них стали темой публичных выступлений в известных изданиях¹. Следовательно, распространённое среди представителей стороны обвинения утверждение, что отказ подсудимого в суде от признательных показаний, данных им в ходе предварительного расследования уголовного дела, – это способ или попытка избежать уголовной ответственности, не всегда отражает действительность. Кстати, подобные формулировки встречаются в обвинительных приговорах не только при отказах подсудимых от ранее данных ими показаний, но и при последовательном отрицании ими своей вины. Так, в приговоре Клинского городского суда Московской области по уголовному делу М. записано: «К показаниям подсудимого М. о том, что он не совершал преступления... суд относится критически и считает, что данные показания даны последним с целью избежать ответственности за совершённое преступление»². Подобные записи, касающиеся показаний подсудимых, содержались почти в 40% всех обобщённых нами уголовных дел, по которым подсудимые не соглашались с предъявленным им обвинением(приложение 2). Возникает вопрос: на чём может основываться такой вывод суда и допустим ли он в акте правосудия?

Известно, что показания обвиняемого являются одним из видов доказательств по уголовному делу. Признание или отрицание обвиняемым своей вины в совершении преступления не меняет их сущностной значимости как правового явления³. В любом случае всё, что излагает

¹ См.: Колесник А. Оперский «слоник» // Рос. газ. 2011. № 165 (5541), 29 июля; Алимов Т., Брайловская С., Корякин О., Фалалеев М. Убойный отдел // Рос. газ. 2012. № 55 (5728), 14 марта; Брайловская С. Веник подшили к делу // Рос. газ. 2012. № 107 (5780), 14 мая; Павловская Т. Строчка в деле // Рос. газ. 2013 № 255 (6231), 13 нояб.

² Уголовное дело № 1- 167- 2013 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ // Архив Клинского городского суда Московской области за 2013 г.

³ Предложения отдельных учёных исключить показания обвиняемого из системы уголовно-процессуальных источников доказательств, по нашему мнению, противоречат логике уголовно-процессуальной деятельности (см., напр.: Горбачёв А. Признание обвиняемого – «особо убедительное доказательство?» // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 38–40).

обвиняемый об исследуемых обстоятельствах уголовного дела при его допросе, должно расцениваться как доказательство и может быть положено в основу принимаемого уголовно-процессуального решения, с одной лишь разницей, что признание им своей вины должно быть подтверждено совокупностью собранных по делу доказательств¹. Эта оговорка, содержащаяся в ч. 2 ст. 77 УПК, призванная исключить «погоню» правоприменителей за признанием обвиняемого и её восприятие в виде «царицы доказательств», до сих пор не всегда правильно воспринимается на практике. А ведь она может выступать даже в виде преграды применения порядка, предусмотренного главой 40 УПК, если по уголовному делу нет других доказательств, кроме признания обвиняемого своей вины в совершении преступления и его согласия с предъявленным ему обвинением². Стремление во что бы то ни стало получить от обвиняемого признательные показания и на них построить обвинение порождает массу проблем как для правоприменительного процесса, так и для самих правоприменителей. Одной из них как раз является отношение к изменению подсудимым в суде своих показаний, данных в ходе предварительного расследования.

Между тем давать или не давать показания, если давать, то когда и какие именно – это право обвиняемого, не подлежащее обсуждению³. Все их суд должен исследовать и оценить по правилам, закреплённым в законе, и принять либо отвергнуть те из них, которые соответствуют или не

¹ В литературе предложено различать признательные показания, сопровождаемые изложением сведений, детализирующих обстоятельства совершения преступления, и подобные показания, в которых обвиняемый сообщает правоохранительным органам только уже известные им сведения (см.: *Волосова Н.Ю.* О доказательственном значении признания обвиняемым своей вины // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции (Саранск, 7–8 декабря 2006 г.). Саранск, 2006. С. 118). По мнению указанного автора и некоторых других исследователей, доказательственное значение последней разновидности показаний обвиняемого практически равно нулю, потому что они ничего не добавляют к собранному следствием доказательственному материалу (см. также: *Центров Е.* Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // *Российская юстиция.* 2003. № 5. С. 44). Приведённое утверждение, на наш взгляд, некорректно, поскольку базируется не на оценке сути данных обвиняемым показаний, а на их сравнении с другими доказательствами, собранными по делу.

² На практике, как правило, именно в таком сочетании в суде ставится вопрос перед подсудимым, выразившим желание о рассмотрении его уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ, что составило 68% (122) от уголовных дел (179), где применялся особый порядок судебного разбирательства.

³ См.: *Якимович Ю.К., Пан Т.Д.* Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб., 2005. С. 126–127.

соответствуют обстоятельствам уголовного дела, подтверждаются или опровергаются другими, имеющимися в деле доказательствами, с указанием соответствующих доводов в принимаемом судебном решении. Запись о том, что суд расценивает отказ подсудимого от прежних признательных показаний как способ уйти от ответственности, в приговоре не уместна.

Заявление подсудимого о применении в его отношении насилия при даче им показаний должно быть предметом особого внимания суда. Помимо его учёта при исследовании и оценке показаний подсудимого, суд должен принять меры к его официальному оформлению в протоколе судебного заседания и проведению по нему соответствующей проверки в порядке, предусмотренном законом. Сегодня это делается, но зачастую формально, поэтому и количество случаев подтверждения правомерности отказа обвиняемого от ранее данных им показаний не столько, сколько их могло бы быть. Соответствующее заявление обвиняемого через прокурора направляется в следственный орган, который в большинстве случаев по имеющимся у него сведениям и материалам, в лучшем случае по двум-тём отобраным объяснениям, составляет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и передаёт его в суд. В результате, круг замыкается, у суда развязаны руки, появились основания для внесения в приговор пресловутой записи о попытке ухода подсудимого от уголовной ответственности. Нужен иной, более результативный вариант реагирования на рассматриваемое поведение обвиняемого в суде, если мы действительно хотим, чтобы правосудие было подлинным, а не формальным.

На наш взгляд, в законе следует предусмотреть особый порядок рассмотрения и проверки таких заявлений подсудимого. Если подсудимый при отказе или изменении в суде показаний, данных им в ходе досудебного производства, аргументированно заявляет о применении к нему незаконных мер воздействия, то такие заявления должны проверяться работниками прокуратуры, органа, осуществляющего надзор за законностью деятельности

органов предварительного расследования, и поддерживающего государственное обвинение в суде, по правилам, предусмотренным ст. 144 УПК. При выявлении оснований для возбуждения уголовного дела заявление подсудимого и собранные материалы должны направляться в следственное подразделение регионального либо вышестоящего уровня, если основное дело расследовалось следственным управлением региона. При этом суд продолжает рассмотрение уголовного дела и выносит по нему соответствующее решение, если находит возможным дать верную оценку показаниям подсудимого. В противном случае рассмотрение уголовного дела откладывается до разрешения вопроса об обоснованности заявления, сделанного подсудимым. В связи с этим предлагаем ч. 1 ст. 253 УПК, предусматривающую основания для отложения судебного разбирательства, после слов «в связи с необходимостью истребования» дополнить словами «или получения» новых доказательств.

В контексте рассматриваемого вопроса есть смысл обратить внимание на то, что помимо дачи показаний и объяснений, заявлений ходатайств и подачи жалоб у обвиняемого есть ещё одно средство общения с должностными лицами органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, – заявление как самостоятельный акт его уголовно-процессуального поведения. Оно иногда встречается в тексте уголовно-процессуального закона (ст. 23, 64, 65, 120, 141, 271, 315, 317.1 УПК), но без должной правовой определённости его смысла, назначения и порядка использования обвиняемым. Изложенный аспект взаимосвязи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями – наглядное подтверждение необходимости должного законодательного урегулирования указанных вопросов.

Познавательный аспект взаимосвязи поведения обвиняемого (подсудимого) с судебными решениями включает также иную, помимо дачи собственных показаний и объяснений, его уголовно-процессуальную

деятельность в суде. Речь идёт об использовании им права на допрос свидетелей, потерпевших, других подсудимых (соучастников преступления), эксперта, переводчика, а также на представление и участие в исследовании доказательств. Заложенные в указанном праве возможности позволяют подсудимому активно воздействовать на процесс и результаты формирования представлений и знаний судей об обстоятельствах уголовного дела, а также иных обстоятельствах, образующих предмет проводимого ими судебного заседания, если для этого будут созданы соответствующие условия. Вполне возможно, например, в судебном заседании, разрешающем ходатайство следователя об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, предоставить обвиняемому право допроса лиц, указывающих на наличие оснований для его ареста, или попытаться убедить в этом судью путём настаивания на обстоятельном исследовании других предоставленных следователем доказательств этого. Верна позиция В.А.Лазаревой, отметившей, что «в российских условиях, где приоритет прав личности всё ещё существует только на бумаге, требуется иная процедура, дающая самому обвиняемому возможность участвовать в принятии решения и заставляющая суд учитывать приводимые им доводы»¹.

Проведённый нами анализ практики рассматриваемой сферы деятельности суда и обобщения других авторов позволяют говорить о необходимости введения в закон предложенных выше новелл, призванных существенно усилить влияние обвиняемого на процесс принятия в его отношении решения, ограничивающего конституционное право на неприкосновенность личности. Это может существенно снизить количество случаев безосновательного применения в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Затронутый вопрос представляет интерес не только с точки зрения существа, но и формы. Разделяя участников уголовного судопроизводства на

¹ Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Указ. соч. С. 208.

стороны и утверждая об их равенстве при исследовании доказательств, законодатель при этом одновременно существенно ущемляет права обвиняемого. В ст. 47 УПК, регламентирующей права обвиняемого, обозначено только его право на участие в судебном разбирательстве уголовных дел в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении судом вопросов, предусмотренных пп. 1-3 и 10 ч. 2 ст. 29 УПК, и ничего не говорится о формах, способах и средствах реализации этого права. Между тем закон (ст. 267 УПК) требует, чтобы суд в начале судебного заседания разъяснил подсудимому его права, указывая при этом ст. 47 УПК и ст. 82.1 УК РФ. В ст. 247 УПК, регламентирующей вопросы участия подсудимого в судебном заседании, о его правах тоже не упоминается. Так какие же права разъясняет суд подсудимому при открытии судебного заседания? Только его право участвовать, то есть присутствовать в судебном заседании? Не отсюда ли укоренившееся в судебной практике отношение к подсудимому как к безмолвствующему субъекту, которого судят, иногда о чём-то спрашивают и которому что-то порой монотонно разъясняют. Бывает, что судья довольно подробно перечисляет все, в том числе и предполагаемые права подсудимого на предоставление и участие в исследовании доказательств право задавать вопросы допрашиваемым лицам. Но делается это, как верно замечает адвокат А.А. Васяев, «очень быстрым и бубнящим голосом»¹ путём зачитывания в основном содержания ст. 47 УПК. Иногда подсудимого в ходе судебного заседания действительно спрашивают о его желании задать вопрос допрашиваемому лицу. Но это чаще всего, эпизодично, как бы для приличия. Такая повсеместная практика, (автором обобщен опыт судов Тамбовской и Саратовской областей, А.А. Васяевым – судов Республики Мордовия и г. Москвы) на отдельных довольно скромных и разрозненных упоминаниях на этот счёт, содержащихся в отдельных нормах, регулирующих судебное следствие. Так, в ч. 4 ст. 275 УПК

¹ Васяев А.А. Исследование доказательств при производстве по уголовным делам. М., 2009. С. 11.

указывается, что после возвращения в судебное заседание удалённого ранее подсудимого ему предоставляется возможность задать вопросы другому, допрошенному в его отсутствие подсудимому. О том же говорится в ч. 6 ст. 280 УПК применительно к случаям допроса несовершеннолетних свидетелей в отсутствие подсудимого. В ряде случаев право подсудимого на постановку вопросов допрашиваемым в суде лицам вытекает из текста норм, определяющих последовательность исследования доказательств в суде применительно к сторонам (ч. 2 ст. 274; ч. 1 ст. 275; ч. 3 ст. 278; ч. 2 ст. 282 УПК).

Представляется, что такая регламентация одного из основных прав обвиняемого (подсудимого), реально обеспечивающего ему возможность воздействовать на решение суда, принимаемое в его отношении, абсолютно неприемлема. В законе необходимо чётко и однозначно записать, что подсудимый пользуется правом на допрос свидетелей, потерпевших и всех других лиц, допрашиваемых в процессе судебного разбирательства. Именно на допрос, а не на постановку вопросов. Как и в каком объёме его проводить, должен решать сам подсудимый, потому что он – сторона в уголовном процессе и субъект доказательственной деятельности. Данное правило, по нашему мнению, следует распространить на все судебные процедуры, в которых принятие судебного решения обусловлено установлением наличия определённых законом оснований путём исследования имеющихся в материалах уголовного дела либо в ином производстве (производства по рассмотрению вопросов, предусмотренных ст. 108, 109 УПК и др.)¹, а также дополнительно представляемых сведений.

¹ Подробнее о понятии и других аспектах уголовно-процессуального производства см.: *Элькинд П.С.* Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // *Юридическая процессуальная форма*. М., 1976. С. 251–275; *Рахунов Р.Д.* Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // *Вопросы борьбы с преступностью*. М., 1978. Вып. 29. С. 87–88; *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Указ. соч. С. 31–32; *Великий Д.П.* Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 13–14; *Манова Н.С.* Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов, 2003. С. 3–224; *Якимович Ю.К.* Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы международной научно-практической конференции (Минск, 13–14 октября 2006 г.). Минск, 2006. С. 161–164; и др.

Важной стороной правообеспечительного аспекта связи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями, является также законодательная регламентация процедуры выступления подсудимого в судебных прениях и представления им суду своих формулировок по вопросам, разрешаемым в приговоре (ст. 292 УПК).

Судебные прения – важный инструмент вербального способа воздействия на формирование знаний судей относительно исследуемых обстоятельств и содержание принимаемых ими судебных решений, потому что они предполагают обобщённое системное изложение сторонами исследованных в судебном заседании обстоятельств уголовного дела и собранных по нему доказательств под различным углом зрения и с различных позиций¹. Как верно отметил Ю.М. Грошевой, «во время судебных прений судья соотносит свои выводы с обоснованностью и правомерностью утверждений представителей обвинения и защиты»². Выступления участников судебных прений дают судьям (судье) возможность: а) расширить свои представления об исследуемых обстоятельствах; б) сопоставить их с позициями сторон и тем самым скорректировать предварительные выводы по делу либо убедиться в их правильности. Для суда судебные прения – это взгляд на обстоятельства уголовного дела со стороны, и взгляд профессиональный, анализирующий, основанный на доказательствах, бывших предметом совместного исследования суда и других участников судебного разбирательства. Восприятие судьями доводов, приводимых сторонами в их выступлениях, может происходить даже на подсознательном уровне. Именно поэтому кроме

¹ О сущности и других проблемах указанного этапа судебного разбирательства подробнее см.: Пашин С.А. Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 17–19; Данилевич А.А. Судебные прения и их место в системе судебного разбирательства уголовных дел // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. Калининград, 1991. С. 98–108; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2008. С. 126–130; Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». М., 2013.

² Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 30.

содержания здесь крайне важны эмоциональное и ораторские качества речей, произносимых сторонами. Познавательные явления всегда проявляются в диалектическом единстве с эмоциональными процессами. Конечно, не каждый подсудимый обладает соответствующими способностями, но его мнение при определённых условиях и соответствующей подготовке (о чём должен позаботиться защитник) тоже не может остаться без внимания суда.

Представляется, что действующую разрешительную (по ходатайству) регламентацию права подсудимого на выступление в судебных прениях следует преобразовать в обычную. Подсудимый – один из основных субъектов стороны защиты, равноправный участник судебного разбирательства, лицо, ожидающее решение суда по своему делу, и потому он, как, впрочем, и потерпевший, всегда и во всех случаях должен иметь непосредственное право на выступление в судебных прениях. По нашему мнению, ч. 1 и 2 ст. 292 УПК необходимо объединить в одну и перечислить в ней всех лиц, принимающих участие в судебных прениях.

В контексте изложенного, на наш взгляд, следует подумать и о повышении значимости формулировок, предлагаемых участниками судебного разбирательства, в том числе подсудимым, суду по вопросам, разрешаемым в приговоре. Хотя они не имеют для суда обязательной силы, в соответствии с ч. 7 ст. 292 УПК, но нелишним было бы указать в законе, что они прилагаются к протоколу судебного заседания¹, и обязать суд обосновывать в приговоре своё несогласие с основными выводами, содержащимися в них, поскольку они, как правило, отражают суть позиций сторон, изложенных ими в судебных прениях. Кстати, опытные и добросовестные судьи при написании приговоров и других судебных решений используют этот приём, потому что он позволяет повысить обоснованность принимаемого решения и одновременно снять или принизить будущие претензии сторон к его законности обоснованности.

¹ Такое упоминание содержится и в ч. 5 ст. 308 УПК Республики Беларусь.

Влияние уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого на уголовно-процессуальные, в том числе судебные решения, так многоаспектно, многовариантно и многообразно, что при том неизмеримом объёме решений, которые фигурируют по уголовным делам, не поддаётся не только количественному измерению, но и более или менее качественному анализу по отношению к каждому из них. Это влияние сказывается как на актах, принимаемых судом первой инстанции при разрешении уголовных дел по существу, судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций – при проверке их законности и обоснованности, так и на последующих судебных решениях, опосредующих возможность возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Подтверждением этого является высказанное В.А. Лазаревой суждение о необходимости ограничения правовых оснований возобновления уголовного преследования осуждённого и оправданного, в отношении которых итоговое судебное решение вступило в законную силу и определили их судьбу. Утверждая о том, что не всякое новое или вновь открывшееся обстоятельство может влечь принятие указанного решения, автор считает, что правовое регулирование этого вопроса помимо всех других обозначенных обстоятельств должно учитывать «влияние действий осуждённого или оправданного на неправосудность пересматриваемого окончательного решения»¹.

На наш взгляд, обозначенный аспект влияния поведения обвиняемого (осуждённого) на судебное решение может и должен стать одним из основных критериев допустимости отмены вступившего в законную силу окончательного решения суда с возобновлением уголовного преследования в отношении осуждённого или оправданного. «Поворот к худшему» указанным способом следует допускать только в двух случаях: 1) при наступлении новых общественно опасных последствий деяния, за которое

¹ См.: Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе. М., 2012. С. 263.

обвиняемый был осужден, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления; 2) при наличии процессуальной вины обвиняемого (осуждённого) в судебной ошибке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личность обвиняемого в уголовно-процессуальной науке долгое время воспринималась как отражение личности преступника (эти понятия наравне использовались даже в названиях научных работ) и исследовалась в основном под углом зрения состава совершённого преступления и других обстоятельств, характеризующих его поведение до и во время совершения преступного деяния, которые имеют значение для правильного разрешения уголовного дела по существу. Собственно уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, то есть поведение этого участника уголовного процесса в ходе производства по уголовному делу, не выделялось в виде самостоятельного предмета исследования и рассматривалось как некий обязательный, но второстепенный фрагмент всей обозначенной проблемы.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства, построение уголовного процесса на состязательных началах, наделение обвиняемого статусом полноправного участника процесса, существенное расширение его возможностей по оказанию воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, направления и формы её осуществления в корне изменили представления не только о правовом положении обвиняемого, но и о юридической значимости его поведения в ходе производства по уголовному делу. Оно стало качественно иным атрибутом уголовно-процессуальной деятельности, оказывающим системное воздействие на многие процессуальные решения, принимаемые в ходе осуществления уголовного судопроизводства. Указанные обстоятельства порождают объективную необходимость выделения уголовно-процессуального поведения обвиняемого и его связи с принимаемыми по делу процессуальными решениями в качестве самостоятельного предмета исследования.

Выступая одной из форм отражения личности обвиняемого и являясь структурным элементом данного правового феномена, уголовно-процессуальное поведение обвиняемого представляет собой обусловленную определенными социально-правовыми факторами программно-целевой направленности систему взаимосвязанных взглядов, отношений, действий (бездействия) лица, изобличаемого в совершении преступления, проявляемых и осуществляемых им с целью защиты своих прав и интересов при производстве по уголовному делу.

Объективированно-собирательным образом указанного явления, отражающим его содержание и суть, выступает поведенческая характеристика обвиняемого – категория, охватывающая всю совокупность сведений о личности обвиняемого и его реальном поведении при производстве по уголовному делу. Уголовно-процессуальное поведение обвиняемого и его поведенческая характеристика являются разновидностями форм отражения личностных качеств обвиняемого при производстве по уголовному делу: уголовно-процессуальное поведение характеризует личность и деятельность обвиняемого в динамике, а поведенческая характеристика предстаёт в виде статической совокупности соответствующих данных (сведений), то есть образа, аккумулирующего (отражающего) основные, сущностные черты и свойства реального проявления личности обвиняемого.

Введение в категориальный аппарат науки уголовного процесса категории «поведенческая характеристика обвиняемого» имеет важное теоретическое и практическое значение. В частности, в уголовно-процессуальной литературе часто пишут о структуре личности обвиняемого. Между тем, поскольку под личностью обвиняемого в науке уголовного процесса традиционно понимается физическое лицо, обладающее комплексом субъективных качеств и свойств, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого,

обвинительный акт либо обвинительное постановление, логически правильнее говорить не о структуре личности обвиняемого, а о структуре обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, то есть о поведенческой характеристике обвиняемого. В практическом отношении предлагаемая правовая категория создаёт возможность одновременного комплексного формирования и восприятия всей совокупности сведений об обвиняемом либо её определённой части (частная поведенческая характеристика обвиняемого), необходимой для эффективного производства конкретных уголовно-процессуальных действий и принятия с её учётом обоснованных решений по уголовному делу.

С учетом содержания, структуры и классификации процессуального поведения обвиняемого поведенческая характеристика обвиняемого включает в себя:

а) сведения биографического характера, требуемые для индивидуализации личности обвиняемого (фамилия, имя, отчество, дата, место рождения, место жительства, национальность обвиняемого и т.д.);

б) данные уголовно-правового характера о личности обвиняемого и действиях, вменяемых ему в вину, которые имеют значение при квалификации деяния, при принятии уголовно-процессуальных решений по существу уголовного дела, об избрании меры пресечения и другим вопросам.

в) сведения, отражающие отношение обвиняемого к предъявленному обвинению и выражающие его позицию по уголовному делу;

г) сведения, характеризующие поведение обвиняемого относительно осуществляемого производства по уголовному делу (содействие, противодействие, безразличное отношение и т.д.);

д) информация о семейном положении, роде и характере занятий до привлечения в качестве обвиняемого, социальном положении, состоянии

здоровья, психологических особенностях и других сторонах личности обвиняемого;

е) сведения, характеризующие отношения обвиняемого с потерпевшим (гражданским истцом), касающиеся в том числе возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда.

Поведение обвиняемого при производстве по уголовному делу, как всякое иное поведение человека, есть форма и результат взаимодействия личности со средой. Поведенческая характеристика обвиняемого не появляется и не возникает вдруг, этот своеобразный уголовно-процессуальный «портрет» указанного участника уголовного процесса формируется постепенно под воздействием целого ряда факторов как объективного, так и субъективного свойства. Факторологическую основу уголовно-процессуального поведения обвиняемого, в частности, составляют обстоятельства, характеризующие производство по уголовному делу, права и обязанности, предоставляемые законом обвиняемому, целевое их использование им, его личные свойства, ответственность, взаимоотношения с иными участниками уголовного судопроизводства, другие обстоятельства как личностного (внутреннего), так и внеличностного, то есть внешнего по отношению к личности обвиняемого, характера.

Внутренне мотивированная составляющая поведения обвиняемого, обусловленная личностными факторами, и внешне мотивированная (ситуационная) составляющая его поведения находятся в диалектической взаимозависимости. С одной стороны, обвиняемый, как и все люди, действует, обладая сознанием и волей, и в этом смысле любое общественное явление имеет для него свой психологический аспект. С другой стороны, он действует в условиях определённой правовой регламентации и обстоятельств, породивших необходимость её создания и применения. В качестве участника уголовно-процессуальной деятельности у него возникают определённые связи (отношения) с другими субъектами этой деятельности.

Выделение двух типов обстоятельств, играющих роль факторов, детерминирующих (формирующих) поведение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, и придание им потенциально равного значения в этом процессе, не означает признания их абсолютно одинакового и всегда равнонаправленного воздействия на поведение обвиняемого. Типологизация характеризует абстрактный, виртуальный процесс, в то время как в каждом уголовном деле в качестве обвиняемого выступает конкретный человек со своими индивидуальными особенностями, и всё производство по делу (его субъектный состав, используемые процессуальные средства и способы воздействия на обвиняемого, характер складывающихся при этом правоотношений и т.д.) приобретают специфически-индивидуальный оттенок. В таких условиях конкретные параметры соотношения воздействия внутренне мотивационных и внешних факторов на формирование поведения обвиняемого могут смещаться. При этом необходимо иметь в виду, что не все обстоятельства, воздействующие на поведение обвиняемого, поддаются строгому разграничению на внешние (ситуационные) и внутренние (личностные). Среди них можно выделить обладающие и теми, и другими признаками. Например, взаимоотношения обвиняемого с потерпевшим предстают, с одной стороны, как внешний ситуационный фактор, с другой – как проявление личностного свойства обвиняемого и потерпевшего. Подобная картина наблюдается в отношениях обвиняемого со следователем и другими должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Основу их составляют решения и действия, принимаемые следователем, которые по отношению к поведению обвиняемого носят ситуационный характер и выступают в качестве внешнего обстоятельства. Вместе с тем указанные взаимоотношения, сказывающиеся в той или иной мере на поведении обвиняемого, отражают личностные свойства обвиняемого. Таким образом, обстоятельства, формирующие уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, можно разделить на три группы:

внешние, или ситуационные, внутренние, или личностные, ситуационно-личностные.

Права и обязанности обвиняемого, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, образуют правовой базис его поведения в уголовном судопроизводстве. Выступая в качестве основополагающих компонентов правового статуса, определяя пределы возможного и должного поведения, права и обязанности закладывают определённую программу поведения обвиняемого в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Посредством предоставленных ему законом прав и выполнения возложенных на него обязанностей обвиняемый участвует в уголовно-процессуальном доказывании, в принятии решений должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, реагирует на эти решения, выстраивает процессуально значимые отношения с потерпевшим и другими участниками уголовно-процессуальной деятельности, инициирует и осуществляет другие действия по защите своих интересов.

Эффективность использования обвиняемым указанных правовых средств зависит от многих причин, но в первую очередь от полноты и качества законодательной регламентации его уголовно-процессуального статуса. Анализ действующего УПК позволяет сделать вывод, что спектр и объем предоставленных обвиняемому прав практически охватывает все направления уголовно-процессуальной деятельности, затрагивающие материально-правовые и процессуальные интересы этого участника уголовного процесса, и позволяет ему эффективно осуществлять их защиту. Однако это не означает, что современный институт прав обвиняемого безукоризнен и не нуждается в совершенствовании. Он совершенен в базовом отношении, но нуждается в детальной проработке как с позиции системности изложения, и с точки зрения содержания. Нынешнее содержание ст. 47 УПК в указанной части формировалось постепенно, путем внесения в неё изменений и дополнений, обусловленных

совершенствованием российского законодательства в целом, без учета должной последовательности. Совершенно неприемлемым, представляется уклонение законодателя от регламентации обязанностей обвиняемого. Исходя из изложенного, предлагается новая редакция отдельных пунктов ч. 4 ст. 47 УПК, позволяющая обвиняемому, в частности, участвовать практически во всех следственных действиях, а также дополнение указанной статьи набором обязанностей обвиняемого, которые предполагаются, исходя из действующей регламентации положения обвиняемого, и без которых невозможно судить о правомерности (неправомерности) поведения обвиняемого в уголовном судопроизводстве и допустимости применения к нему ограничительных мер, в том числе принудительного характера. Поскольку уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные отношения носят в основном публично-правовой характер, то программа поведения обвиняемого должна предусматривать, определенные обязанности: являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда; соблюдать установленный законом порядок производства следственных и других уголовно-процессуальных действий, а также порядок рассмотрения дела в суде; выполнять требования и распоряжения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, касающиеся соблюдения установленного законом порядка производства уголовно-процессуальных действий и судебного заседания.

Правовую норму с указанием названных обязанностей предлагается включить в ст. 47 УПК в виде отдельной части, ст. 267 и 268 УПК- дополнить указанием на разъяснение обязанностей подсудимому, потерпевшему, гражданскому истцу и ответчику, соответственно, ч. 1 ст. 111 УПК – положением, касающимся целей применения иных мер процессуального принуждения, указав в ней на то, что посредством их применения обеспечивается исполнение участниками уголовного судопроизводства возложенных на них обязанностей.

Чрезвычайно важным элементом программы, определяющей уголовно-процессуальное поведение, является предусмотренная уголовно-процессуальным законом юридическая ответственность, призванная корректировать действия участников процесса по использованию предоставленных им прав и исполнению возложенных на них обязанностей. Роль ответственности как составной части правового статуса обвиняемого и сегодня, в условиях отсутствия чёткости в регламентации обязанностей обвиняемого, довольно значима. Она существенно возрастёт, если будет законодательно упорядочена система возлагаемых на него обязанностей, поскольку механизм детерминационного воздействия ответственности на поведение обвиняемого, по общему правилу, предполагает наличие чётко обозначенной в законе обязанности и выраженное к ней отношение обвиняемого. Используя предоставленные ему права и реализуя обязанности, обвиняемый соизмеряет свои действия (бездействие) и их последствия с возможной ответственностью, предусматриваемой законом. Складывающееся в результате этого уголовно-процессуальное поведение обвиняемого оценивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, и самим обвиняемым не только с точки зрения его значимости на момент проявления, но и с проекцией на возможное его повторение в будущем.

Признавая, что наиболее выразительно уголовно-процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве проявляется в виде последствий неисполнения обязанностей либо иных нарушений закона, и в этом плане довольно обстоятельно изучена, следует отметить, что позитивный её аспект в современном уголовном процессе не утрачивает своего значения, а, наоборот, приобретает большую значимость, особенно в сфере регулирования процессуального поведения обвиняемого. Позитивное поведение обвиняемого в уголовном судопроизводстве не только приветствуется, но и поощряется на законодательном уровне (ст. 61 УК РФ,

ст. 25, 28 УПК и др). Значительно актуализируют рассматриваемый аспект процессуальной ответственности и необходимость его более глубокого изучения дифференциация форм уголовного судопроизводства, введение особого порядка судебного рассмотрения уголовных дел, возможность использования которого прямо обусловлена определённым характером позитивного поведения обвиняемого. Процессуальное поведение обвиняемого в случаях заключения досудебного соглашения о сотрудничестве формируется не только под воздействием возможных правовых последствий, наступающих при нарушении требований закона, но и вследствие необходимости действовать в интересах правосудия, используя права и выполняя взятые на себя обязательства, что гарантирует ему наиболее благоприятный для него вариант разрешения вопроса о мере наказания. Аналогичная ситуация складывается и при применении особого порядка рассмотрения уголовного дела, обусловленного согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Характер взаимоотношений с потерпевшим является одним из важнейших детерминантов уголовно-процессуального поведения обвиняемого. Обвиняемый и потерпевший – два субъекта уголовного процесса, интересы которых при всей их противоречивости образуют основу объекта всех уголовно-процессуальных отношений и самого уголовного судопроизводства. Потребность в сбалансированности правомочий указанных участников уголовного судопроизводства заложена в ст. 6 УПК, закрепляющей назначение российского уголовного судопроизводства, где говорится, что оно имеет своим назначением одновременно защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Однако при всей важности и значимости этих принципиальных положений, должного паритета в правовом механизме обеспечения прав и законных интересов обвиняемого и потерпевшего до сих

пор нет. Процессуальные правомочия потерпевших нуждаются в существенном расширении.

При определении влияния на поведение обвиняемого его взаимоотношений с другими участниками уголовного судопроизводства необходимо иметь в виду, что данные взаимоотношения имеют взаимозависимую направленность. Вступая во взаимоотношения с другими субъектами процесса, обвиняемый, естественно, ориентируется и рассчитывает на их ответное поведение. То, насколько оно будет соответствовать его ожиданиям, зависит от многих факторов, в том числе от характеристики, сущности и направленности поведения самого обвиняемого. Конкурентная борьба взаимодействующих мотивационных начал, присутствующая при этом, может привести как к согласию взаимодействующих сторон, так и к отказу одной из них принять или учесть просьбу, пожелание либо требование другой.

Двойственный характер носит связь поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу должностными лицами и органами. Являясь обстоятельством, детерминирующим уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, процессуальные решения в свою очередь выступают объектом воздействия этого поведения. Данный мотиватор уголовно-процессуального поведения обвиняемого неоднозначен и с точки зрения содержательной его характеристики. С одной стороны, он предполагает необходимость и возможность совершения определённых действий и принятия решений следователем и другими лицами, осуществляющими уголовно-процессуальное производство, которые не могут не сказываться, не отражаться на поведении обвиняемого; с другой стороны, обвиняемый, осуществляя свою защиту, не может не стремиться повлиять на совершаемые действия и принимаемые в его отношении решения, с тем чтобы воздействовать на их направленность и содержание. Диалектика таких

устремлений правоприменителей и обвиняемого проистекает из противостояния функций, осуществляемых рассматриваемыми участниками уголовно-процессуальной деятельности. Однако противостояние сторон не только не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость их взаимодействия, определённого сотрудничества в целях достижения полезных для каждой стороны результатов. В процессе такого взаимодействия происходит смещение, корреляция взаимных позиций сторон, прежде всего обвиняемого, который не может не учитывать то, как развивается судопроизводство по его делу, какие действия и решения принимаются в его отношении, к чему они могут привести. Воспринимая соответствующую информацию по уголовному делу, испытывая потребность использовать её в своих интересах, обвиняемый варьирует своё поведение в расчёте на принятие должностными лицами таких решений по делу, которые вели бы к освобождению его от уголовной ответственности либо смягчению будущего наказания.

Формы связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми по уголовному делу должностными лицами и органами, как и степень влияния исследуемого явления на указанные решения, могут быть самыми разнообразными, а механизм этого воздействия един. Он предстаёт в виде правовой технологии перевода охватываемых поведенческой характеристикой и осуществляемых обвиняемым в рамках норм уголовно-процессуального регулирования действий, поступков и других проявлений (заявление ходатайств, выражение согласия и т.д.) в плоскость процесса принятия правовых решений и структурирования их в систему элементов этого процесса, определяющих характер, направленность и результативность принимаемого акта. Чаще всего поведенческие акты обвиняемого создают основания или выступают в виде необходимых условий производства уголовно-процессуальных действий и принятия

соответствующих решений, а также в качестве юридических фактов и иных обстоятельств, обуславливающих и сопровождающих данный процесс.

Механизм воздействия поведенческой характеристики на процессуальные решения по уголовному делу предполагает возможность преобразования, содержательного изменения направленности, правовой значимости, а также взаимозамещения форм связи указанных правовых явлений. Связь, в которой обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, первоначально выступают в виде условия принятия соответствующего решения либо только учитываются при этом, может предстать в виде связи, в которой они приобретают значение оснований либо их составных элементов, и наоборот.

Отсутствие в структуре механизма принятия уголовно-процессуального акта его связи с поведенческой характеристикой обвиняемого создаёт возможность негативного восприятия последним осуществляемой в его отношении уголовно-процессуальной деятельности и нарушение его конституционных прав. Данное явление неоднократно обнаруживалось и констатировалось Конституционным Судом РФ при проверке соответствия Конституции РФ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих, в частности, прекращение уголовного дела и уголовного преследования в стадии предварительного расследования (постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П «по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. А. Боровкова и Н. И. Морозова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. №16 – П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко»).

Распространённое среди представителей стороны обвинения утверждение, что отказ подсудимого в суде от признательных показаний, данных им в ходе предварительного расследования уголовного дела, это способ или попытка избежать уголовной ответственности, не всегда отражает действительность. Заявление подсудимого о применении в отношении его насилия при даче им показаний должно быть предметом особого внимания суда. Нужен иной, более результативный вариант реагирования на рассматриваемое поведение обвиняемого в суде, если мы действительно хотим, чтобы правосудие было подлинным, а не формальным. Если подсудимый при отказе или изменении в суде показаний, данных им в ходе досудебного производства, аргументированно заявляет о применении к нему незаконных мер воздействия, то такие заявления должны проверяться работниками прокуратуры, органа, осуществляющего надзор за законностью деятельности органов предварительного расследования и поддерживающего государственное обвинение в суде, по правилам, предусмотренным ст. 144 УПК. При выявлении оснований для возбуждения уголовного дела заявление подсудимого и собранные материалы должны направляться в следственное подразделение регионального либо вышестоящего уровня, если основное дело расследовалось следственным управлением региона. При этом суд продолжает рассмотрение уголовного дела и выносит по нему соответствующее решение, если находит возможным дать верную оценку показаниям подсудимого. В противном случае рассмотрение уголовного дела откладывается до разрешения вопроса об обоснованности заявления, сделанного подсудимым. В связи с этим предлагаем ч. 1 ст. 253 УПК, предусматривающую основания для отложения судебного разбирательства, после слов «в связи с необходимостью истребования» дополнить словами «или получения» новых доказательств.

В диссертации содержится ряд других, связанных с изложенными выводами, соображений и предложений по исследуемым вопросам,

касающихся совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этой части и практики его применения. Отмечается, что тенденция максимального учёта мнения обвиняемого (подозреваемого) и его поведения при производстве предварительного расследования по уголовным делам, связанная с активизацией сотрудничества этих лиц с указанными органами, становится всё более очевидной. Таким образом, данный процесс в современных условиях является закономерным и обнадеживающим. Он свидетельствует о существенном изменении правовой значимости поведения обвиняемого (подозреваемого) при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, повышает научный интерес к этой проблеме и обуславливает необходимость более обстоятельного, глубокого изучения связи уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого (подозреваемого) с решениями, принимаемыми в уголовном судопроизводстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК***I. Законодательные, нормативные акты и иные официальные документы***

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 05 марта 2014 г., № 2-ФКЗ) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2014. № 15. – Ст. 1691
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 17 сентября // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: Спарк. 1988.
5. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ) «О судебной системе Российской Федерации» // Рос. газ. – 1997. – 6 янв.; 2014. – 7 фев.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ) // Рос. газ. – 2001. – 22 дек.; 2015. – 6 апр.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 03 марта 2015 г., № 7-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Рос. газ. – 2015. – 6 фев.
8. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп. от 21 июля 2014 г. № 233-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» // Рос. газ. – 1995. – 25 нояб.; 2014. – 24 дек.
9. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 21 декабря 2013 г. № 369-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349; 2013. – № 51. – Ст. 6689.
10. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.
11. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (с изм. и доп. от 21 июля 2014 г. № 276-ФЗ) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Рос. газ. – 1998. – 22 дек.; 2014. – 25 июл.
12. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп. от 14 октября 2014 г. № 301-ФЗ) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177; 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 42.
13. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп. от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ) «О полиции» // Рос. газ. – 2011. – 8 февр.; 2015. – 16 февр.

14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (с изм. и доп. от 21 июля 2014 г. № 271-ФЗ) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Рос. газ. – 2011. – 23 нояб.; 2014. – 25 июля.

15. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп. от 22 октября 2014 г. № 314-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Рос. газ. – 2011. – 23 нояб.; 2015. – 12 янв.

16. Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4054.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» // Рос. газ. – 2011. – 21 янв.; СЗ РФ. – 2012. – № 37. – ст. 5002.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом с запросом курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. №16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко». URL: http://www.vsrp.ru/print_page.php?id=8107 (дата обращения 04.02.2013).

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова» // Рос. газ. – 2013. – 29 нояб.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Рос. газ. – 2013. – 27 дек.

22. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 6 сентября 2009 г. № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. – 2007. – № 11.

23. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». М., 2014. Документ опубликован не был.

24. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» // Законность. – 2011. – № 12.

25. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 02.02.2014).

26. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15; 1990. – № 26. – Ст. 495.

27. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. // Свод законов РСФСР. Т. 8. – 854 с.

28. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому права на защиту» // Бюллетень Верховного Совета СССР. – 1978. – № 4.

29. Свод законов США USC § 1623 – False declarations before grand jury or court. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1623> (дата обращения 13.10.2013).

30. Проект Федерального закона № 93572-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части защиты прав граждан, пострадавших от преступлений» (ред., внесенная в ГД РФ ФС РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

31. Проект Федерального закона № 180771-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)» (ред., внесенная в ГД РФ ФС РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28 декабря 1960 г. (с изм. и доп. от 8 сентября 2012 г. Закон № 1001-V) // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1991. – № 4. – Ст. 20.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (с изм и доп. от 5 июля 2012 г. Законом № 5076-VI) // Уголовно-процессуальный кодекс Украины. – Киев: Центр учебной литературы, 2012. – 256 с.

34. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (с изм и доп. от 13 июля 2012 г. № 417-3). URL: http://pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9900295 (дата обращения 11.03.2014).

II. Научная литература

35. *Аврах, Я.С.* Психологические проблемы защиты по уголовным делам [Текст] / Я.С. Аврах. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 106 с.
36. *Адаменко, В.Д.* Советское уголовно-процессуальное представительство [Текст] / В.Д. Адаменко. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – 195 с.
37. *Алексеев, С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
38. *Альшевский, Т.В.* Процессуальные документы уголовного судопроизводства [Текст] / Т.В. Альшевский. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1983. – 72 с.
39. *Андреева, О.И.* Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) [Текст] / О.И. Андреева. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 138 с.
40. *Анисимов, С.Ф.* Мораль и поведение [Текст] / С.Ф. Анисимов. – М.: Мысль, 1985. – 185 с.
41. *Аширбекова, М.Т.* Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации) [Текст] / М.Т. Аширбекова, Ф.М. Кудин. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 240 с.
42. *Белкин, А.Р.* Теория доказывания [Текст] / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2000. – 429 с.
43. *Берн, Ш.* Гендерная психология [Текст] / Ш. Берн. – М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.
44. *Бернам, У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки [Текст] / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2007. – 1216 с.
45. *Боброва, Н.А.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты) [Текст] / Н.А. Боброва, Т.Д. Зражевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 154 с.
46. *Божьев, В.П.* Уголовно-процессуальные правовые отношения [Текст] / В.П. Божьев. – М.: Юрид. лит-ра, 1975. – 176 с.
47. *Болдырев, Е.В.* Правоприменение в Советском государстве [Текст] / Е.В. Болдырев, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, Л.Д. Воеводин. – М.: Юрид. лит-ра, 1985. – 304 с.
48. *Братусь, С.Н.* Юридическая ответственность и законность [Текст] / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – 216 с.
49. *Быков, В.М.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ [Текст] / В.М. Быков, Л.В. Березина. – Казань: Изд-во «Таглитмат» ИЭУП, 2006. – 256 с.

50. *Васяев, А.А.* Исследование доказательств при производстве по уголовным делам [Текст] / А.А. Васяев. – М.: Юрлитформ, 2009. – 224 с.
51. *Вебер, М.* Основные социологические понятия [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
52. *Ведерников, Н.Т.* Изучение личности преступника в процессе расследования [Текст] / Н.Т. Ведерников. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1968. – 84 с.
53. *Ведерников, Н.Т.* Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения [Текст] / Н.Т. Ведерников. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – 174 с.
54. *Ветрова, Г.Н.* Уголовно-процессуальная ответственность [Текст] / Г.Н. Ветрова. – М.: Наука, 1987. – 112 с.
55. *Витрук, Н.В.* Общая теория правового положения личности [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
56. *Володина, Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика [Текст] / Л.М. Володина. – М.: Юрист, 2006. – 352 с.
57. *Гобозов, И.А.* Социальная философия [Текст] / И.А. Гобозов. – М.: Академ. проект, 2008. – 692 с.
58. *Григорьев, В.Н.* Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии) [Текст] / В.Н. Григорьев, Г.А. Кузьмин. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2003. – 136 с.
59. *Григорян, В.Л.* Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления [Текст] / В.Л. Григорян. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2012. – 144 с.
60. *Грошевой, Ю.М.* Проблемы формирования судьейского убеждения в уголовном судопроизводстве [Текст] / Ю.М. Грошевой. – Харьков: Вища школа; Харьков. ун-т, 1975. – 144 с.
61. *Грошевой, Ю.М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе [Текст] / Ю.М. Грошевой. – Харьков: Вища школа; Харьков. ун-т, 1979. – 144 с.
62. *Давыдов, П.М.* Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Текст] / П.М. Давыдов, П.П. Якимов. – Свердловск: Изд-во Сердлов. ун-та, 1961. – 100 с.
63. *Демина, Л.Д.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности [Текст] / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. – 123 с.
64. *Деришев, Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России [Текст] / Ю.В. Деришев. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – 340 с.

65. *Добровольская, Т.Н.* Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики [Текст] / Т.Н. Добровольская. – М.: Юрид. лит-ра, 1971. – 200 с.
66. *Добросельский, П.В.* Общие аспекты психики [Текст] / П.В. Добросельский. – М.: Благовест, 2008. – 352 с.
67. *Дружинин, В.Ф.* Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях: Философско-психологический анализ [Текст] / В.Ф. Дружинин. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1996. – 168 с.
68. *Еникеев, М.И.* Следственные действия: психология, тактика, технология [Текст] / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. – М.: Проспект, 2011. – 216 с.
69. *Жогин, Н.В.* Возбуждение уголовного дела [Текст] / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
70. *Завадская, Л.Н.* Механизм реализации права [Текст] / Л.Н. Завадская. – М.: Наука, 1992. – 288 с.
71. *Зайцева, Е.А.* Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.А. Зайцева. – Волгоград: ВА МВД России, 2006. – 192 с.
72. *Закиян, С.М.* Эпигенетика [Текст] / С.М. Закиян, В.В. Власов, Е.В. Дементьева. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 592 с.
73. *Зинатуллин, З.З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики) [Текст] / З.З. Зинатуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 136 с.
74. *Зусь, Л.Б.* Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства [Текст] / Л.Б. Зусь. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1978. – 87 с.
75. *Каминская, В.И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе [Текст] / В.И. Каминская. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 182 с.
76. *Кальницкий, В.В.* Следственные действия [Текст] / В.В. Кальницкий. – Омск: Омск. акад. МВД России, 2003. – 72 с.
77. *Карпушин, М.П.* Уголовная ответственность и состав преступления [Текст] / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. – М.: Юрид. лит-ра, 1974. – 232 с.
78. *Карякин, Е.А.* Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики) [Текст] / Е.А. Карякин. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2005. – 98 с.
79. *Клещина, Е.Н.* Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.Н. Клещина, Д.В. Шарова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 288 с.
80. *Коврига, З.Ф.* Уголовно-процессуальная ответственность [Текст] / З.Ф. Коврига. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 191 с.
81. *Коврига, З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение [Текст] / З.Ф. Коврига. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 175 с.

82. *Коршик, М.Г.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии [Текст] / М.Г. Коршик, С.С. Степичев. – М.: Юрид. лит-ра, 1969. – 80 с.
83. *Костенко, Р.В.* Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств [Текст] / Р.В. Костенко. – Краснодар: Экоинвест, 2005. – 300 с.
84. *Кокорев, Л.Д.* Подсудимый в советском уголовном процессе [Текст] / Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 271 с.
85. *Кон, И.С.* В поисках себя: Личность и её самосознание [Текст] / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
86. *Корнуков, В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 179 с.
87. *Корнуков, В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 137 с.
88. *Корнуков, В.М.* Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности [Текст] / В.М. Корнуков, В.А. Лазарев, В.Д. Холоденко. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2002. – 156 с.
89. *Кудин, Ф.М.* Избранные труды [Текст] / Ф.М. Кудин. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 396 с.
90. *Лаврухин, С.В.* Поведение преступника как объект криминалистического моделирования [Текст] / С. В. Лаврухин. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – 388 с.
91. *Лебедев, В.М.* Акрибология (общая часть) [Текст] / В.М. Лебедев. – Томск, 2000. – 56 с.
92. *Лейкина, Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность [Текст] / Н.С. Лейкина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 128 с.
93. *Лейст, О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву [Текст] / О.Э. Лейст. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 240 с.
94. *Ленин, В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1968. Т. 18. – 547 с.
95. *Леонтьев, Д.А.* Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности [Текст] / Д.А. Леонтьев. – М.: Смисл, 2003. – 487 с.
96. *Лившиц, Ю.Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе [Текст] / Ю.Д. Лившиц. – М.: Юрид. лит-ра, 1964. – 138 с.
97. *Липинский, Д.А.* Процессуальная ответственность [Текст] / Д.А. Липинский, Е.В. Чуклова. – М.: Изд-во Юрлитформ, 2013. – 184 с.
98. *Лорен, Г.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе [Текст] / Г. Лорен. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

99. *Лупинская, П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы [Текст] / П.А. Лупинская. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – 168 с.
100. *Лупинская, П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательства и практика [Текст] / П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2006. – 174 с.
101. *Малков, В.П.* Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания) [Текст] / В.П. Малков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. – 307 с.
102. *Манешин, В.С.* Дисциплина и общество (социально-философский аспект) [Текст] / В.С. Манешин. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 302 с.
103. *Манова, Н.С.* Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм [Текст] / Н.С. Манова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – 228 с.
104. *Маркс, К.* Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1960. Т. 16. – 842 с.
105. *Маркс, К.* Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1961. Т.20. – 828 с.
106. *Мартынчик, Е.Г.* Адвокатское расследование в уголовном процессе? Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования [Текст] / Е.Г. Мартынчик. – М.: Юрист, 2009. – 258 с.
107. *Матусевич, И.А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследований преступлений [Текст] / И.А. Матусевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – 128 с.
108. *Михайлов, В.А.* Методологические основы мер пресечения [Текст] / В.А. Михайлов. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 1998. – 189 с.
109. *Михайлов, В.А.* Процессуальный порядок применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.А. Михайлов. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 1995. – 193 с.
110. *Мотовиловкер, Я.О.* Вопросы теории советского уголовного процесса [Текст] / Я.О. Мотовиловкер. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1971. – 284 с.
111. *Муратова, Н.Г.* Процессуальные акты органов предварительного расследования [Текст] / Н.Г. Муратова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 118 с.
112. *Новиков, С.А.* Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России [Текст] / С.А. Новиков. – СПб.: ИД СПб. ун-та, 2004. – 240 с.
113. *Николаева, В.В.* Влияние хронической болезни на психику [Текст] / В.В. Николаева. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 168 с.
114. *Петрухин, И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе [Текст] / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

115. *Петрухин, И.Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение [Текст] / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
116. *Полстовалов, О.В.* Современные проблемы криминалистической тактики [Текст] / О.В. Полстовалов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 376 с.
117. *Рахунов, Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву [Текст] / Р.Д. Рахунов. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.
118. *Сабитов, Р.А.* Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) [Текст] / Р.А. Сабитов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 192 с.
119. *Самсин, А.И.* Социально-философские проблемы исследования потребностей [Текст] / А.И. Самсин. – М.: Высшая школа, 1987. – 158 с.
120. *Ситаров, В.А.* Социальная экология [Текст] / В.А. Ситаров, В.В. Пустовойтов. – М.: ИЦ «Академия», 2000. – 280 с.
121. *Соловьев, А.Б.* Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России (от УПК РСФСР 1960 г. к УПК РФ 2001 г.) [Текст] / А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 304 с.
122. *Фрейд, З.* Психология бессознательного [Текст] / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
123. *Фролов, В.В.* Общественные законы в условиях социализма: философско-психологический анализ [Текст] / В.В. Фролов. – М.: Высш. Школа, 1990. – 140 с.
124. *Хачатуров, Р.Л.* Общая теория юридической ответственности [Текст] / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб: Изд-во «Юридический центр-пресс», 2007. – 950 с.
125. *Хачатуров, Р.Л.* Юридическая ответственность [Текст] / Р.Л. Хачатуров, Р.Г. Ягутян. – Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. – 200 с.
126. *Холоденко, В.Д.* Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности [Текст] / В.Д. Холоденко. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 32 с.
127. *Хмыров, А.А.* Косвенные доказательства [Текст] / А.А. Хмыров. – М.: Юрид. лит-ра, 1979. – 184 с.
128. *Хмыров, А.А.* Косвенные доказательства в уголовных делах [Текст] / А.А. Хмыров. – СПб: Изд-во «Юридический центр-пресс», 2005. – 250 с.
129. *Цветков, П.П.* Исследование личности обвиняемого (на предварительном следствии и в суде первой инстанции) [Текст] / П.П. Цветков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 149 с.
130. *Цыпкин, А.Л.* Право на защиту в советском уголовном процессе [Текст] / А.Л. Цыпкин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1959. – 337 с.
131. *Шейфер, С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Текст] / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2008. – 240 с.

132. *Шейфер, С.А.* Следственные действия: Система и процессуальная форма [Текст] / С.А. Шейфер. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
133. *Шейфер, С.А.* Следственные действия: Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение [Текст] / С.А. Шейфер. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 184 с.
134. *Шпилев, В.Н.* Участники уголовного процесса [Текст] / В.Н. Шпилев. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 176 с.
135. *Экман, П.* Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь [Текст] / П. Экман. – СПб: Питер, 2010. – 334 с.
136. *Эллис, С.Д.* Эпигенетика [Текст] / С.Д. Эллис, Т. Дженювейн, Д. Рейнберг. – М.: Техносфера, 2010. – 495 с.
137. *Элькинд, П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве [Текст] / П.С. Элькинд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 143 с.
138. *Якимович, Ю.К.* Судебное производство по УПК Российской Федерации [Текст] / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. – СПб: Изд-во «Юридический центр-пресс», 2005. – 252 с.
139. *Якуб, М.Л.* Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / М.Л. Якуб. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 80 с.

III. Учебные издания

140. *Абушенко, В.Л.* Новейший философский словарь [Текст] / В.Л. Абушенко. – Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
141. *Аверьянова, Т.А.* Криминалистика: учебник для вузов [Текст] / Т.А. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 944 с.
142. *Алексеев, Н.С.* Очерк развития науки советского уголовного процесса [Текст] / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 251 с.
143. *Асмолов, А.Г.* Личность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Текст] / А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьева. – М.: Мысль. 2001. Т. 2. – 634 с.
144. *Баев, М.О.* УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии: возможные пути заполнения и разрешения последних [Текст]: учеб. пособие / М.О. Баев, О.Я. Баев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. – 57 с.
145. *Бандуровский, К.В.* Личность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Текст] / К.В. Бандуровский. – М.: Мысль, 2001. Т. 2. – 634 с.
146. *Безлепкин, Б.Т.* Настольная книга судьи по уголовному процессу [Электронный ресурс] / Б.Т. Безлепкин. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

147. *Безлепкин, Б.Т.* Уголовный процесс России [Текст] / Б.Т. Безлепкин. – М.: Юристъ, 2004. – 730 с.
148. *Белкин, Р.С.* Теория доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева и др.; отв. ред. Р.С. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит-ра. 1973. – 736 с.
149. *Белоносов, В.О.* Российский уголовный процесс [Текст]: учеб. пособие для вузов / В.О. Белоносов, И.В. Чернышева. – М.: Дашков и К, 2008. – 480 с.
150. Большая советская энциклопедия. В 30 т. 3-е изд. Т. 3. Бари – Браслет [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. «Советская энциклопедия», 1970. – 640 с.
151. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Т. 19. Отоми – Пластырь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. «Советская энциклопедия», 1975. – 648 с.
152. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Т. 20. Плата – Проб [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. «Советская энциклопедия», 1975. – 608 с.
153. *Гуценко, К. Ф.* Уголовный процесс западных государств [Текст] / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М.: Зерцало-М, 2001. – 480 с.
154. *Горшнев, В.М.* Юридическая процессуальная форма. Теория и практика [Текст] / В.М. Горшнев, П.Е. Недбайло. – М.: Юрид. лит., 1976. – 279 с.
155. *Гуськова, А.П.* Выявление судом обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого [Текст]: учеб. пособие / А.П. Гуськова. – М.: РИО ВЮЗИ, 1984. – 62 с.
156. *Еникеев, З.Д.* Механизм уголовного преследования [Текст]: учеб. пособие / З.Д. Еникеев. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2002. – 116 с.
157. *Клаус, Г.* Кибернетика и философия [Текст] / Г. Клаус; пер. с нем. И.С. Добронравова, послесл. Л.Б. Баженова. – М.: ИИЛ, 1963. – 532 с.
158. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права [Текст] / С.А. Комаров. – М.: Юрайт. 1997. – 416 с.
159. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г.) [Текст] / Г. Д. Агамов, Р. Х. Бахтиев, Т. А. Боголюбова и др; под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. – М.: Норма, 2002. – 896 с.
160. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / К.Б. Калиновский, А.В. Смирнов; под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. – 1008 с.
161. *Кривошеев, А.С.* Изучение следователем психологии обвиняемого [Текст]: метод. пособие / М.М. Коченов, Н.И. Ефимова, А.С. Кривошеев, О.Д. Ситковская. – М. Политиздат, 1987. – 52 с.

162. Краткий психологический словарь [Текст] / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 432 с.
163. Криминалистика [Текст] / А.А. Беляков, В.И. Брылев, М.Х. Валеев, И.Ф. Герасимов; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высшая школа, 1994. – 420 с.
164. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Кудрявцев. – М.: ИГ «Форум-ИНФРА-М», 1998. – 216 с.
165. Курс советского уголовного процесса [Текст] / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, А.Д. Бойков, и др.; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит-ра, 1989. – 640 с.
166. Лазарева, В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России [Текст]: учеб. пособие для магистров / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – М.: Юрайт, 2011. – 312 с.
167. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе [Текст]: учеб.-практ. пособие / В.А. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – 344 с.
168. Лазарева, В.А. Прокурор в уголовном процессе [Текст]: учеб. пособие для магистров / В.А. Лазарева. – М.: Юрайт, 2012. – 295 с.
169. Лупинская, П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве [Текст]: учеб. пособие / П.А. Лупинская. – М.: ВЮЗИ, 1972. – 80 с.
170. Лубшев, Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле [Текст]: учеб.-практ. пособие / Ю.Ф. Лубшев. – М., 1997. – 408 с.
171. Маклаков, А.Г. Общая психология: учебник для вузов [Текст] / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2008. – 584 с.
172. Матузов, Н.И. Теория государства и права [Текст]: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
173. Михайленко, А.Р. Составление процессуальных актов по уголовным делам: теория, методика, примерные образцы документов [Текст]: учеб. пособие / А.Р. Михайленко. – Киев: Головное изд-во издательского объединения «Выща школа», 1989. – 198 с.
174. Назаров, В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели [Текст]: учебное пособие / В.И. Назаров. – М.: КомКнига, 2005. – 520 с.
175. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин, В.В. Демидов и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2008. – 117 с.
176. Немов, Р.С. Психология. Кн. 1: Общие основы психологии [Текст] / Р.С. Немов. – М., ВЛАДОС, 2003. – 688 с.

177. Психология: Полный энциклопедический справочник [Текст] / сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: СПб.: ИД «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК», 2007. – 892 с.
178. *Ратинов, А.Р.* Психология допроса обвиняемого [Текст]: метод. пособие / А.Р. Ратинов, Н.И. Ефимов. – М., 1988. – 114 с.
179. Руководство для следователей [Текст] / Р.С. Белкин, А.И. Винберг и др; под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юрид. лит-ра, 1971. – 752 с.
180. Советский уголовный процесс [Текст]: учебник / М.А. Чельцов. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Госюриздат, 1962. – 503 с.
181. Современная социология права [Текст]: Учебник / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристь, 1995. – 297 с.
182. *Строгович, М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса [Текст] / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.
183. *Сухова, О.А.* Правовая природа, понятие, значение и классификация процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: учеб. пособ. / О.А. Сухова. – Саранск: Красный Октябрь, 2007. – 76 с.
184. *Толеубекова, Б.Х.* Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Часть общая [Текст]: учебник / Б.Х. Толеубекова. – Алматы: Баспа, 1998. – 432 с.
185. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / В.С. Комиссаров, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, П.Г. Пономарев и др.; под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд., с изм. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 496 с.
186. Уголовное право России [Текст]: практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. М.: Вольтерс Клувер, 2007. – 808 с.
187. Уголовный процесс [Текст]: учебник / К.Б. Калиновский, А.В. Смирнов; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 698 с.
188. Уголовный процесс Российской Федерации [Текст]: учебник / А.С. Александров, И.В. Блинова - Сычкарь, В.Л. Будников, В.М. Быков и др.; отв. ред. А.П. Кругликов. – М.: Проспект, 2010. – 736 с.
189. Философский энциклопедический словарь [Текст] / А.М. Прохоров, И.В. Абашидзе, П.А. Азимов, А.П. Александров и др.; гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалева, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
190. *Фролов, Е.А.* Множественность преступлений как институт советского уголовного права [Текст]: учеб. пособие / Р.Р. Галиакбаров, Е.А. Фролов. – Свердловск: Изд-во Сердлов. ун-та. 1967. – 20 с.
191. *Чирков, А.П.* Ответственность в системе права [Текст]: учеб. пособие / А.П. Чирков. – Калининград, 1996. – 78 с.

192. *Щерба, С. П., Савкин, А.В.* Деятельное раскаяние в совершенном преступлении (значение, правовые последствия и доказывание) [Текст]: практическое пособие / А.В. Савкин, С.П. Щерба. – М.: Спарк, 1997. – 110 с.

IV. Публикации в периодических изданиях и научных сборниках

193. *Chris, French.* Why Giving Polygraph Tests to Sex Offenders is a Terrible Idea. URL: <http://www.theguardian.com/science/2012/aug/10/polygraph-lie-detector-tests-sex-offenders> (дата обращения 31.01.2014).

194. *Vaughan, Bell.* The Truth about Lie Detectors. URL: <http://www.theguardian.com/science/2012/apr/22/lie-detector-fallibility-criminal-psychology?guni=Article:in%20body%20link> (дата обращения 31.01.2014).

195. *Абраева, Ж. Е.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [Текст] / Ж.Е. Абраева // Молодой ученый. – 2013. – №12. – С. 615-616.

196. *Абшилава, Г.В.* К вопросу о процедуре принятия судом решения об особом порядке судебного разбирательства в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [Текст] / Г.В. Абшилава // Мировой судья. – 2010. – № 12. – С. 20-23.

197. *Алимов, Т.* Убийный отдел [Текст] / Т. Алимов, С. Брайловская, О. Корякин, М. Фалеев // Рос. газ. – 2012. – 14 марта.

198. *Альперт, С.А.* Принцип публичности (официальности) и его значение в деятельности советских органов предварительного расследования [Текст] / С.А. Альперт // Научная конференция по работам, выполненным в 1955 г.: тезисы докладов. – Харьков, 1956. – С. 51–54.

199. *Артамонов, А.Н.* Надзор за производством дознания в сокращенной форме [Текст] / А.Н. Артамонов // Законность. – 2013. – № 7. – С. 36-39.

200. *Артамонова, Е.А.* О законодательном соотношении прав потерпевшего и обвиняемого в УПК РФ [Текст] / Е.А. Артамонова // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Собр. научных статей. Выпуск II. – Саратов, 2010. – С. 159-163.

201. *Артамонова, Е.А.* Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы [Текст] / Е.А. Артамонова // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 47-50.

202. *Артамонова, Е.А.* Кто должен разъяснить обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский следователь. – 2011. – № 2. – С. 8-10.

203. *Артамонова, Е.А.* Согласие обвинителя и потерпевшего — обязательное условие рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский следователь. — 2012. — № 12. — С. 17–19.

204. *Артамонова, Е.А.* Значение волеизъявления обвиняемого и (или подозреваемого) для принятия решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке [Текст] / Е.А. Артамонова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2014. — № 1. — С. 118–125.

205. *Артамонова, Е.А.* О праве потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи [Текст] / Е.А. Артамонова // Вектор науки ТГУ серия: «Юридические науки». — 2014. — № 2. — С.16–18.

206. *Бассин, Ф.В.* О так называемом психосоматическом подходе к проблеме развития и преодоления болезни [Текст] / Ф.В. Бассин // Клиническая медицина. — 1970. — № 9. — С. 18–29.

207. *Брайловская, С.* Веник подшили к делу [Текст] / С. Брайловская // Рос. газ. — 2012. — 14 мая.

208. *Бровкина, М.* Искушение [Текст] / М. Бровкина // Рос. газ. — 2014. — 20 февр.

209. *Буранов, Г.К.* Обеспечение законности при вступлении защитника в уголовный процесс [Текст] / Г.К. Буранов // Обеспечение законности в уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции (Саранск, 7–8 декабря 2006 г.). — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. — С. 93–97.

210. *Ведерников, Н.Т.* Личность обвиняемого в контексте уголовно-процессуальных отношений [Текст] / Н.Т. Ведерников // Вестник ТГУ. Право. — 2012. — № 3. — С. 11–17.

211. *Ведерникова, О.* Где найти защиту? [Текст] / О. Ведерникова // Рос. газ. — 2012. — 21 февр.

212. *Волеводз, А.Г.* Половина госбюджета России ежегодно — цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528&soch=1> (дата обращения 02.02.2014).

213. *Волосова, Н.Ю.* О доказательственном значении признания обвиняемым своей вины [Текст] / Н.Ю. Волосова // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции (Саранск, 7–8 декабря 2006 г.). — Саранск, 2006. — С. 118–123.

214. *Гармаев, Ю.П.* Влияние адвоката-защитника на показания подозреваемого (обвиняемого): Каковы его пределы? [Текст] / Ю.П. Гармаева // Сибирский юридический вестник. — 2003. — № 2. — С. 98–100

215. *Горбачёв, А.* Признание обвиняемого — «особо убедительное доказательство?» [Текст] / А. Горбачева // Российская юстиция. — 2004. — № 6. — С. 38–40.

216. *Горя, Н.* Принцип состязательности и функции защиты [Текст] / Н. Горя // Российская юстиция. – 1990. – № 7. – С. 22–23.

217. *Григорян, В. Л.* Статья 51 Конституции РФ и ее трактовка в судебно–следственной практике [Текст] / В.Л. Григорян // Новая правовая мысль. – 2009. – № 4. – С. 51–52.

218. *Гриненко, А.Ф.* Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый [Текст] / А.Ф. Гриненко // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 51–52.

219. *Гуськова, А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела российскому уголовному судопроизводству? [Текст] / А.П. Гуськова // Проблема противодействия преступности в современных условиях: материалы научно-практической конференции (Уфа, 16–17 октября 2003 г.). – Уфа: РИО БашГУ, 2003. Ч. 1. – С. 61–66.

220. *Гуськова, А.П.* К вопросу о судебной защите прав и свобод человека, гражданина в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / А.П. Гуськова // Российский судья. – 2005. – № 6. – С. 11–14.

221. *Гуськова, А.П.* Процессуальные решения в современном уголовном судопроизводстве. Их правовая природа и особенности [Текст] / А.П. Гуськова // Вестник ОГУ. – 2011. – № 3. – С. 49–53.

222. *Давлетов, А.А.* Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы [Текст] / А.А. Давлетов // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 47–48.

223. *Данилевич, А.А.* Судебные прения и их место в системе судебного разбирательства уголовных дел [Текст] / А.А. Данилевич // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. – Калининград: Изд-во Калинин. гос. ун-та 1991. – С. 98–108.

224. *Деришев, Ю.В.* Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» [Текст] / Ю.В. Деришев // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 34–36.

225. *Дикарев, И.С.* Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат [Текст] / И.С. Дикарев // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. под общ. ред. и предисл. И.С. Дикарева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 22–34

226. *Добровольская, Т.Н.* Об изменении порядка прекращения уголовных дел и некоторых спорных проблемах правосудия [Текст] / Т.Н. Добровольская // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. – С. 177–181.

227. *Дорошков, В.В.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [Текст] / В.В. Дорошков // Российский судья. – 2004. – № 9. – С. 32 – 36.

228. *Дьяконова, О.Г.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: проблемы теории и практики [Текст] / О.Г. Дьяконова // Российский судья. – 2010. – № 4. – С. 13-16.

229. *Евстигнеева, О.В.* Дознание в сокращенной форме в свете требования справедливости уголовного судопроизводства [Текст] / О.В. Евстигнеева // Вектор науки ТГУ серия «Юридические науки». – 2014. – № 2. – С. 41-43.

230. *Егоров, И.* Законный вопрос [Текст] / И. Егоров // Рос. газ. – 2014. – 10 янв.

231. *Ищенко, Е.П.* Кто защитит потерпевшего? [Текст] / Е.П. Ищенко // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 2–10.

232. Защита семьи Политковской обжаловала приговор Павлюченкову // Рос. газ. – 2012. – 24 дек.

233. *Карнеева, Л.М.* Прекращение уголовных дел в судебном заседании [Текст] / Л.М. Карнеева // Сов. юстиция. – 1973. – № 8. – С. 7–8.

234. *Кашапов, Р.М.* Виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений [Текст] / Р.М. Кашапов // Российский следователь. – 2011. – № 15. – С. 18–20.

235. *Карякин, Е.А.* Стадия возбуждения уголовного дела: «за» и «против»... [Текст] / Е.А. Карякин // Современное право. – 2004. – № 12. – С. 55–57.

236. *Краснопольская, И.* Ответ доктору Споку [Текст] / И. Краснопольская // Рос. газ. – 2013. – 18 июля.

237. *Ковтун, Н.Н.* Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования [Текст] / Н.Н. Ковтун // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 47-49.

238. *Козлова, Н.* Спросите у жертвы [Текст] / Н. Козлова // Рос. газ. – 2013. – 25 июня.

239. *Колесник, А.* Оперский «слоник» [Текст] / А. Колесник // Рос. газ. – 2011. – 29 июля.

240. *Корнуков, В.М.* Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей [Текст] / В.М. Корнуков // Советское государство и право. – 1988. – № 7. – С. 81–88.

241. *Корнуков, В.М.* Обеспечение прав личности в состязательном уголовном процессе [Текст] / В.М. Корнуков // Вестник СГАП. – 2000. – № 2 (21). – С. 3–9.

242. *Корнуков, В.М.* Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования [Текст] / В.М. Корнуков // Сборник материалов научной конференции к 160-летней годовщине со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого (С.-Петербург, 11–12 октября 2007 г.). – М., 2008. – С. 102–104.

243. *Корнуков, В.М.* Обеспечение прав личности в российском уголовном процессе: былое, настоящее и думы [Текст] / В.М. Корнуков // Вектор науки ТГУ серия: «Юридические науки». – 2014. № 2. – С. 60-64.

244. *Корнуков, В.М.* Правовая регламентация обязанностей и ответственности свидетеля в сфере уголовно-процессуальных отношений [Текст] / В.М. Корнуков, М.А. Баранова // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 92–95.

245. *Корнуков, В.М.* Ответственность в системе факторов, определяющих процессуальное поведение обвиняемого [Текст] / В.М. Корнуков, Д.С. Устинов // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы международной научно-практической конференции (г. Тольятти 13-14 ноября 2012). – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 155-165.

246. *Корнуков, В.М.* Следственная власть и ее роль в осуществлении правосудия по уголовным делам в Российской Федерации [Текст] / В.М. Корнуков // Вестник СамГУ. – 2014. – № 11. – С. 43-39.

247. *Косарев, В.Н.* Причинный механизм формирования корыстного поведения [Текст] / В.Н. Косарев // Российский следователь. – 2009. – № 14. – С. 18–20.

248. *Кругликов, А.П.* Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела? [Текст] / А.П. Кругликов // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. под общ. ред. и предисл. И.С. Дикарева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 58-73.

249. *Кудрявцев, В.Н.* Мотивы преступного поведения [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Юридическая психология. – 2007. – № 4. – С. 2 – 7.

250. *Кудрявцева, А.В.* Уровни решения задач как основание разграничения компетенции эксперта и специалиста [Текст] / А.В. Кудрявцева // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.: В 2 ч. — Екатеринбург, 2005. Ч. 1. – С. 488-489.

251. *Куликов, А.* Покойному предъявят обвинение в организации убийства саратовского прокурора [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2010. – 10 февр.

252. *Куликов, В.* Арестовывать теперь будут по-европейски [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2010. – 6 окт.

253. *Куликов, В.* Какая компенсация будет положена жертвам преступления? [Текст] / А. Куликов // Рос. газ.: Неделя. – 2013. – 5 сент.

254. *Куликов, В.* Верховный Суд засчитал устную явку с повинной [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2012. – 3 апр.

255. *Куликов, В.* Кара в особом порядке [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2011. – 23 нояб.

256. *Куликов, В.* Минюст расширит применение досудебных соглашений [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2012. – 10 янв.
257. *Куликов, В.* Не дождался [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2013. – 3 сент.
258. *Куликов, В.* Непробиваемые [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2013. – 20 сент.
259. *Куликов, В.* По мелочи – не сажать [Текст] / А. Куликов // Рос. газ. – 2013. – 9 авг.
260. *Купцова, К.О.* Преступное поведение и механизм совершения вымогательства [Текст] / К.О. Купцова // Право и политика. – 2011. – № 6. – С. 967–973.
261. *Лазарева, В.А.* Дознание в сокращенной форме: вопросы доказательственного права [Текст] / В.А. Лазарева // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. тр. Вып. 3. – Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 2014. – С.646–657
262. *Ларьков, А.* Рецензия на книгу Н. Ведерникова «Изучение личности преступника в процессе расследования» [Текст] / А. Ларьков // Социалистическая законность. – 1969. – № 8. – С. 94–95.
263. *Любишкин, Д.Е.* Проверка добровольности волеизъявления обвиняемого как условие применения особого порядка судебного разбирательства [Текст] / Д.Е. Любишкин // Уголовный процесс. – 2011. – № 5. – С. 60–67.
264. *Мальцев, В.В.* Категория «общественно опасное поведение» и ее уголовно-правовое значение [Текст] / В.В. Мальков // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 52–59.
265. *Макаров, А.М.* Каким быть уголовному процессу? [Текст] / А.М. Макаров, Л.Б. Алексеев // Советское государство и право. – 1990. – № 11. – С. 152.
266. *Мартыничик, Е.Г.* Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции и модели) [Текст] / Е.Г. Мартыничик // Адвокатская практика. – 2003. – № 6. – С. 21–29.
267. *Масликова, Н.В.* Некоторые аспекты оценке противоречивых показаний подозреваемого, обвиняемого в процессе познания по уголовным [Текст] / Н.В. Масликова // Российский следователь. – 2012. – № 24. – С.7–10.
268. *Маслов, И.В.* Адвокатское расследование [Текст] / И.В. Маслов // Законность. – 2004. – № 10. – С. 34–38.
269. *Маслов, И.В.* Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение КС РФ [Текст] / И.В. Маслов // Уголовный процесс. – 2012. – № 5. – С. 48–52.
270. *Медведев, Ю.* Вынести мозг [Текст] / Ю. Медведев // Рос. газ. – 2013. – 25 сент.
271. *Миронов, Р.Г.* Права, обязанности и законные интересы подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Текст] / Р.Г. Миронов // Вестник ВЭГУ. – 2009. – № 5 (43). – С. 59–70.

272. Михайленко, А.Р. Укрепление процессуального положения обвиняемого в уголовном процессе [Текст] / А.Р. Михайленко // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе: сб. статей. – Саратов, 1981. – С. 92–95.

273. Мудьюгин, Г.Н. Доказательственное значение поведения обвиняемого [Текст] / Г.Н. Мудьюгин // *Коришик М.Г., Степичев С.С.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. – М., 1969. – С. 43–53.

274. Мудьюгин, Г.Н. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого [Текст] / Г.Н. Мудьюгин // Социалистическая законность. – 1961. – № 6. – С. 29–34.

275. Насонова, И.А. Взаимоотношения адвоката – защитника с подозреваемым и обвиняемым [Текст] / И.А. Насонова // Вестник Воронежского института МВД. – 2002. – № 2. С. – 90-92.

276. Насонова, И.А. Об эффективности участия защитника в следственных действиях [Текст] / И.А. Насонова // Российский следователь. – 2008. – 23. – С.10-13.

277. Насонова, И.А. Проблемы реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве средства защиты обвиняемого [Текст] / И.А. Насонова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1. – С. 217-219.

278. Насонова, И.А. Ювенальные аспекты обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту [Текст] / И.А. Насонова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. – № 4. – С. 111 – 115.

279. Насонова И.А., Насонов А.А. Руководитель следственного органа и начальника подразделения дознания как субъекты обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту [Текст] / И.А. Насонова, А.А. Насонова // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2012. – № 2. – С. 90-92.

280. Насонова, И.А., Цинова М.В. Отдельные аспекты функционирования уголовно-процессуального института дознания в сокращенной форме [Текст] / И.А. Насонова, М.В. Цинова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014.– № 2. – С. 7-11

281. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались [Текст] / С.А Новиков // Российский судья. –2013. – № 2. – С. 42-46.

282. Огурцов, Н.А. Проблемы науки уголовного права и совершенствование законодательства об уголовной ответственности [Текст] / Н.А. Огурцов // Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. – Рязань: НИ и РИО, 1979. – С. 99–123.

283. Орлов, Ю.К. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела [Текст] / Ю.К. Орлов // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 36–37.

284. *Павловская, Т.* Кущевка возмущается [Текст] / Т. Павловская // Рос. газ. – 2011. – 13 дек.
285. *Павловская, Т.* Строчка в деле [Текст] / Т. Павловская // Рос. газ. – 2013. – 13 нояб.
286. *Пахомов, С.Н.* Психология обыска // Юридическая психология. 2007. № 4. С. 7–10.
287. *Петрухин, И.Л.* Состязательность и правосудие (К 100-летию М.С. Строговича) [Текст] / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 128–137.
288. *Пеленицын, А.Б., Сошников А.П.* Полиграф: научная обоснованность [Текст] / А.Б. Пеленицын, А.П. Сошников // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 2. – С. 12–15.
289. *Полищук, Д.А.* Психологические особенности общения при допросе [Текст] / Д.А. Полищук // Прокурорская и следственная практика. – 2002. – № 1/2. – С. 199–215.
290. *Полстовалов, О.В.* Подготовка к преодолению конфликтов, возникающих при производстве следственных действий [Текст] / О.В. Полстовалов // Вестник криминалистики. – 2006. – № 2 (6). – С. 40–45.
291. *Рахунов, Р.Д.* Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы [Текст] / Р.Д. Рахунов // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1978. Вып. 29. – С. 83–91.
292. *Рогаткин, А.А.* О реформе уголовно-процессуального права РФ [Текст] / А.А. Рогаткин, И.Л. Петрухин // Проблемы российской адвокатуры: сб. статей. – М.: Спарк, 1997. – С. 100–114.
293. *Саморока, В.А.* Тактика допроса и стратегия поведения: криминалистика [Текст] / В.А. Саморока // Российский следователь. – 2005. – № 12. – С. 2–4.
294. *Свиридова, Ю.В.* Применение особого порядка судебного разбирательства [Текст] / Ю.В. Свиридова, Ю.С. Ултургашев // Уголовный процесс. – 2005. – № 8. – С. 32 – 38.
295. *Северцов, А.Н.* Эволюция и психика [Текст] / А.Н. Северцов // Психологический журнал. – 1982. – № 4. – С. 149–159.
296. *Соколов, Е.И.* Психологический тип личности как фактор риска в патогенезе ишемической болезни сердца [Текст] / Е.И. Соколов, А.П. Зуев, В.М. Фомина и др. // Кардиология. – 1991. – Т. 31, № 7. – С. 102–105.
297. *Сергеев, В.И.* Независимость адвокатуры от государства – необходимое условие защиты прав человека [Текст] / В.И. Сергеев // Адвокатская практика. – 2002. – № 4. – С. 40–48.
298. *Строгович, М.С.* Права личности: вопросы теории [Текст] / М.С. Строгович // Вопросы философии. – 1979. – № 4. – С. 6–15.
299. *Стройков, В.* Реализация права защитника на опрос лиц [Текст] / В. Стройков // Законность. – 2004. – № 6. – С. 52–54.

300. *Талынева, З. З.* Плюсы и минусы существования дознания в сокращенной форме [Текст] / З.З. Талынева // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С.245-246.

301. *Тарасов, А.А.* Новое в правовых формах использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам [Текст] / А.А. Тарасов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 4. – С. 79–87.

302. *Тарханов, И.А.* Об уголовно-правовых предписаниях, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение (тенденции и перспективы правового регулирования) [Текст] / И.А. Тарханов // Уголовное право в XXI веке: материалы международной научной конференции (МГУ им. М.В. Ломоносова, юридический факультет, 31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 203–206.

303. *Татьянина, Л.Г.* Заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: вопросы, оставшиеся без ответа [Текст] / Л.Г. Татьяна // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – 2010. – № 1 (3). – С. 98–100.

304. *Тисен, О.Н.* Основания возвращения прокурору уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашения о сотрудничестве // Российское правосудие. 2014. № 4. С. 85-91.

305. *Тюппа, Е.В.* Потерпевший и его представитель должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый [Текст] / Е.В. Тюппа // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной региональной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 156–160.

306. *Федосенко, В.* Все свободны [Текст] / В. Федосенко // Рос. газ. – 2013. – 6 сент.

307. *Фалалеев, М.* Детектор лжи разрешили применять до возбуждения уголовного дела [Текст] / М. Фалалеев // Рос. газ. – 2013. – 16 сент.

308. *Центров, Е.* Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе [Текст] / Центров Е. // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 43–45.

309. *Чепрасов, М.Г.* К вопросу о реализации законных интересов обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст] / М.Г. Чепрасов // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 12. – С. 101-105.

310. *Чирков, В.И.* Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека [Текст] / В.И. Чирков // Вопросы психологии. – 1996. – № 3. – С. 116–130.

311. *Чурилов, Ю.Ю.* Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон [Текст] / Ю.Ю. Чурилов // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 2. – С. 40–42.

312. *Шадриков, В.Д.* Проблемы профессиональных способностей [Текст] / В.Д. Шадриков // Психологический журнал. – 1982. – № 5. – С. 13–26.

313. *Шамардин, А.А.* Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом [Текст] / А.А. Шамадрин // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 60–61.

314. *Шорохова, Е.В.* Тенденции исследования личности в советской психологии [Текст] / Е.В. Шорохова // Проблемы психологии личности: сб. статей. – М.: Наука, 1982. – С. 8–24.

315. *Шейфер, С.А.* К вопросу об активизации доказательственной деятельности защитника по уголовному делу [Текст] / С.А. Шейфер // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. статей, посвященных 35-летию юридического факультета. – Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 375–385.

316. *Шейфер, С.А.* Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года [Текст] / С.А. Шейфер // Вектор науки ТГУ серия:» Юридические науки». – 2014 № 2. – С. 160-164.

317. *Шестакова, Т.* Ущемленные права потерпевших [Текст] / Т. Шестакова // Законность. – М. – 2003. – № 8. – С. 21–22.

318. *Юнусов, А.А.* Институт досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого с прокурором: об оптимальности установленного порядка [Текст] / А.А. Юнусов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 290-296.

319. *Якимович, Ю.К.* Некоторые аспекты участия защитника в уголовном процессе [Текст] / Ю.К. Якимович // Правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. статей. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – С. 132–145.

320. *Якимович, Ю.К.* Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе [Текст] / Ю.К. Якимович // Материалы международной науч.-практ. конф. (Минск, 13–14 октября 2006 г.). – Минск, 2006. – С. 161–164.

V. Диссертации и авторефераты диссертаций

321. *Баев, М.О.* Тактика профессиональной защиты от обвинения в уголовном процессе России [Текст] / М.О. Баев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1998. – 24 с.

322. *Бояринцев, В.Н.* Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве [Текст] / В.Н. Бояринцев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1987. – 18 с.

323. *Великий, Д.П.* Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы [Текст] / Д.П. Великий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 32 с.

324. *Григорян, В.Л.* Защита и защитительная деятельность как факторы, определяющие построение уголовного процесса и выполнение его задач [Текст] / В.Л. Григорян: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 214 с.

325. *Землянухин, А.В.* Отказ от обвинения в системе уголовно-процессуальных актах [Текст] / А.В. Землянухин: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 190 с.

326. *Игнатова, Н.М.* Изучение личности обвиняемого защитником и использование полученных данных в ходе защиты [Текст] / Н.М. Игнатова: дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1997. – 172 с.

327. *Куцова, Э.Ф.* Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности (советский уголовный процесс) [Текст] / Э.Ф. Куцова: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1986. – 46 с.

328. *Кожевников, Л.Л.* Обязанности обвиняемого: понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения [Текст] / Л.Л. Кожевникова: автор. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2003. – 22 с.

329. *Минина, М.Л.* Теория отражения и проблема интерпретации [Текст] / М.Л. Минина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. – 24 с.

330. *Пашин, С.А.* Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу [Текст] / С.А. Пашин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. 1988. – 20 с.

331. *Шаров, Д.В.* Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве (по материалам практики следователей внутренних дел) [Текст] / Д.В. Шаров: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 208 с.

VI. Материалы правоприменительной практики

332. Архив Тамбовского областного суда за 2007–2014 гг.

333. Архив Саратовского областного суда за 2007–2014 гг.

334. Архив Московского областного суда за 2007–2014 гг.

335. Архив Токаревского районного суда Тамбовской области за 2007–2014 гг.

336. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения 12.08.2014).

337. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360> (дата обращения 12.08.2014).

338. Сведения о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за январь – сентябрь 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic/> (дата обращения 02.02.2014).

339. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД РФ. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения 02.02.2014).

340. Постановление о прекращении производства по уголовному делу в отношении Александриной О.С. по основанию, предусмотренному пунктом 4 части 1 статьи 24 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в связи со смертью), обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. URL:

http://gagarinsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=142036120&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения 05.02.2014).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Результаты анкетирования практических работников

Анкета опроса 264 практических работников Тамбовской, Липецкой, Орловской, Саратовской, Брянской областей, Ставропольского края

1. Ваша должность:

а) дознаватель, следователь, руководитель следственного органа МВД	24	9,1%
б) следователь, руководитель следственного органа СУ СК РФ	33	12,5%
в) помощник прокурора, прокурор	130	49,2%
г) адвокат	24	9,1%
д) судья	53	20,1%

2. Ваш опыт работы:

а) менее 1 года	45	17,1%
б) от 1 до 3 лет	68	25,8%
в) от 3 до 10 лет	92	34,8%
г) более 10 лет	59	22,3%

3. Имеет ли правовое значение при расследовании и разрешении уголовного дела то, как ведет себя подозреваемый, обвиняемый при производстве по уголовному делу, то есть его уголовно-процессуальное поведение?

а) да, имеет существенное значение	130	49,2%
б) да, но не существенное	100	37,9%
в) практически не имеет	34	12,9%

4. Если это поведение имеет значение, то какие наиболее важные действия и поступки обвиняемого учитываются при производстве по делу?

а) отношение к обвинению: признание вины, отрицание вины, безразличие	168	63,7%
б) деятельность обвиняемого по защите своих прав и законных интересов при производстве по уголовному делу	14	5,3%
в) противодействие следствию и правосудию всеми средствами, в том числе, и не законными	32	12,1%
г) иные	50	18,9%

5. Как влияет поведение обвиняемого на решения, принимаемые при производстве по уголовному делу?

а) положительно	145	54,9%
б) отрицательно	66	25%
в) никак не влияет	53	20,1%
г) иное	-	-

6. На какие решения влияет поведение обвиняемого (подозреваемого) при производстве по уголовному делу?

а) о производстве отдельных следственных действий	56	21,2%
б) о продлении сроков предварительного расследования	36	13,6%
в) о производстве судебной экспертизы	23	8,7%
г) о применении меры пресечения, особенно при выборе ее вида	102	38,6%
д) на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве	65	24,6%
е) об особом порядке судебного разбирательства	107	40,5%
ж) на приговор	63	23,9%
з) иные	13	4,9%

7. Как часто Ваши процессуальные действия и принимаемые решения были обусловлены поведением обвиняемого (подозреваемого) в ходе производства по уголовному делу?

а) довольно часто	79	29,9%
б) редко	122	46,2%
в) никогда	63	23,9%

8. Как вы относитесь к тому, чтобы по каждому уголовному делу процессуальное поведение обвиняемого объективно и официально отражалось в отдельном развернутом процессуальном документе?

а) положительно	111	42,1%
б) отрицательно	122	46,2%
в) иначе	31	11,7%

9. Возможно ли, принятие решения об особом порядке судебного разбирательства в отношении обвиняемого, согласившегося с предъявленным обвинением и ходатайствующим об этом, если его поведение в других аспектах характеризуется проявлением негативных моментов (не является в назначенный срок по вызовам, отказывается сотрудничать со следствием и т.д.)?

а) да	173	65,5%
б) нет	84	31,8%

в) иное	7	2,7%
---------	---	------

10. Требуется ли при принятии решения в особом порядке судебного разбирательства, признание виновности обвиняемым, либо достаточно его согласия с обвинением?

а) да, требуется	210	79,6%
б) нет, не требуется	46	17,4%
в) иное	8	3%

11. Как Вы относитесь к производству по уголовному делу в форме особому порядку судебного разбирательства?

положительно	180	68,6%
отрицательно	54	20,4%
никак	30	11%

12. Как вы относитесь к тому, что бы предоставить обвиняемому право заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в подготовительной части судебного разбирательства уголовного дела?

а) положительно	171	64,8%
б) отрицательно	39	14,8%
в) никак	54	20,4%

13. Известны ли Вам случаи, когда органы предварительного расследования и суд субъективно, в угоду принимаемого процессуального решения, оценивали процессуальное поведение обвиняемого? Такие случаи встречаются:

а) часто	28	10,6%
б) иногда	119	45,1%
в) никогда	114	43,2%
г) иное	3	1,1%

14. Будет ли способствовать объективной оценке органами предварительного расследования и судом поведения обвиняемого во время производства по уголовному делу законодательное закрепление поведенческой характеристики обвиняемого в качестве доказательства по уголовному делу?

а) да	117	44,3%
б) нет	143	54,2%
в) иное	4	1,5%

Приложение № 2

Результаты изучения 300 уголовных дел, рассмотренных судами Московской, Саратовской, Тамбовской областей за 2007 -2014гг., по которым привлечено качестве обвиняемого 384 человека.

1. Всего изучено уголовных дел 300, из них:

а) преступления против личности	76	25,3%
б) преступления в сфере экономики	156	52%
в) преступления против общественной безопасности и общественного порядка	50	16,7%
г) преступления против здоровья населения и общественной нравственности	18	6%

2. Всего обвиняемых 384, из них:

а) мужской	348	90,6%
б) женский	29	7,6%
в) преступление совершено в соучастии лицами обоих полов	7	1,8%

5. Характеристика личности обвиняемого:

а) положительная	206	53,6%
б) посредственная	81	21,1%
в) отрицательная	97	25,3%

6. Какая мера процессуального принуждения избиралась к обвиняемому?

а) Подписка о невыезде	230	60%
б) Обязательство о явке	83	21,6%
в) Заключение под стражу	66	17,2%
г) не избиралась (уголовные дела частного обвинения)	5	1,2%

7. На каких основаниях избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу? (66 = 100%)

наличие только процессуальных оснований (может скрыться от следствия, воспрепятствовать производству по уголовному делу, продолжать заниматься преступной деятельностью)	22	33,3%
наличие процессуальных оснований и фактических данных, подтверждающих их	44	66,7%

8. Изменялась ли мера процессуального принуждения?

а) да	9	2,3%
б) нет	375	97,7%

9. В какую сторону изменялась мера процессуального принуждения?

а) на более строгую	9	100%
б) на более мягкую	-	-

10. Возмещен ли вред обвиняемыми на стадии предварительного расследования:

а) да	70	23,3%
б) нет	230	76,7%

11. Отношение обвиняемого к предъявленному обвинению (384= 100%):

а) признал свою вину	279	72,6%
б) отрицал свою вину	59	15,4%
в) не выражал никакого отношения к делу	46	12%

12. Содержание показаний обвиняемого:

а) самоизобличающие	294	76,6%
б) показания, в которых он либо приуменьшал свою роль в совершенном преступлении, либо оговаривал других, либо их менял	46	11,9%
в) отказался от дачи показаний	44	11,5%

13. Отношение обвиняемого со следователем:

а) посредством позитивного поведения оказывал содействие органам предварительного расследования и суду в расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела	249	64,8%
б) путем уклонения от органов предварительного следствия и суда, дачи противоречивых показаний и т.п. препятствовал осуществлению правосудия по уголовным делам	66	17,2%
в) к осуществлению правосудия в отношении него относился безразлично	69	18%

14. Причины, на которые ссылается обвиняемый при изменении показаний либо отказе от них:

а) неправомерное физическое либо психологическое воздействие	54	60%
б) непонимание происходящего и его последствий	18	20%
в) боязнь осложнения отношений со следователем в надежде на суд	9	10%

г) иное	9	10%
---------	---	-----

15. Порядок рассмотрения уголовного дела:

а) в общем порядке судебного разбирательства	121	40,3%
б) в особом порядке судебного разбирательства	179	59,7%
в) иное	-	-

16. Оценка отказа от обвиняемым показаний либо их изменение на суде (90 =100%)

а) как попытка уйти от ответственности	35	38%
б) как попытка затянуть судебный процесс	20	22,2%
в) как попытка ввести заблуждение суд	20	22,2%
г) иное	15	17,6%

17. Постановка вопроса перед обвиняемым об отношении к обвинению, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства.

а) признаете ли вы себя виновным	30	16,9%
б) согласны ли вы с предъявленным обвинением	27	15,1%
в) признаете ли вы себя виновным и согласны ли вы с предъявленным обвинением	122	68%

18. Итоговое решение:

а) обвинительный приговор	268	89,4%
б) оправдательный приговор	1	0,3%
в) постановление о прекращении уголовного дела	24	8%
г) постановление о применении принудительной меры, медицинского характера	7	2,3%

Приложение № 3**Проект****Федеральный Закон****«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс
Российской Федерации»****Статья 1**

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание Законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; N 30, ст. 3015; 2003, N 27, ст. 2706; N 50, ст. 4847; 2007, N 24, ст. 2830; N 31, ст. 4011; 2008, N 49, ст. 5724; 2010, N 18, ст. 2145; 2011, N 1, ст. 16, 45; 2013, N 14, ст. 1662; N 30, ст. 4053) следующие изменения:

1) дополнить часть 1 статьи 24 пунктом 6¹ в следующей редакции:

«явка с повинной в случаях и при условиях, предусмотренных статьями 25, 28, 28¹ настоящего кодекса»;

2) в статье 47

а) пункт 3 части 4 изложить в следующей редакции «возражать против обвинения, давать объяснения и показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупреждён о том, что его показания имеют значение доказательств по уголовному делу и могут быть использованы в этом качестве даже при его последующем отказе от них, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 настоящего кодекса»;

б) дополнить часть 4 пунктом 2¹ в следующей редакции:

«после предъявления обвинения, в случае согласия с ним и признания себя виновным ходатайствовать о применении в отношении него особого порядка принятия судебного решения»;

в) часть 4 с п. 1- п 10 изложить в следующей редакции:

« 4. Обвиняемый вправе:

1) знать, в чем он обвиняется;

2) возражать против обвинения, давать объяснения и показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания имеют значение доказательств по уголовному делу и могут быть использованы в этом качестве даже при его последующем отказе от них, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 настоящего кодекса;

2¹) после предъявления обвинения, в случае согласия с ним и признания себя виновным ходатайствовать о применении в отношении него особого порядка принятия судебного решения;

3) давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет.

4) получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, копию постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования;

5) представлять доказательства;

6) заявлять ходатайства и отводы;

7) пользоваться помощью переводчика бесплатно;

8) пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;

9) иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности;

10) участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника, а с разрешения следователя и в

производстве других следственных действий, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания»;

г) дополнить часть 4 пунктом 16¹ в следующей редакции:

«допросить свидетелей, потерпевших и всех других лиц, допрашиваемых в судебном разбирательстве»;

д) дополнить частью 4¹ в следующей редакции:

«4¹ обвиняемый обязан:

1) являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда;

2) соблюдать установленный законом порядок производства следственных и других уголовно-процессуальных действий, а также порядок рассмотрения дела в суде;

3) выполнять требования и распоряжения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, касающиеся соблюдения установленного законом порядка производства уголовно-процессуальных действий и судебного заседания»;

3) в статье 77

а) в названии после слова «Показания» дополнить словами «и объяснения»;

б) дополнить частью 1¹ следующей редакции: «1¹. Объяснения обвиняемого – сведения, сообщенные им при осуществлении в ходе досудебного производства и в суде всех других, помимо допроса, уголовно-процессуальных действий»;

4) в статье 91

а) часть 1 изложить в следующей редакции:

Орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии фактических данных удостоверяющих, что:

1) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) потерпевшие или очевидцы указывают на данное лицо как на совершившее преступление;

3) на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления.

б) в ч. 2 после слов « При наличии» убрать слово «иных» и добавить слово «фактических»

5) часть 1 статьи 94 изложить в следующей редакции

«1. Подозреваемый подлежит освобождению по постановлению дознавателя или следователя, при наличии фактических данных указывающих на:

1) отсутствие оснований подтверждающих подозрение в совершении преступления;

2) применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 настоящего Кодекса»;

б) часть 1 статьи 97 изложить в следующей редакции:

«Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии фактических данных, свидетельствующих, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от предварительного следствия и суда; 2) может продолжить заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу»;

7) часть 1 статьи 108 изложить в следующей редакции:

«Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в

совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 настоящего Кодекса. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет при наличии фактических данных о том, что им нарушена ранее избранная мера пресечения»;

8) часть 1 статьи 111 изложить в следующей редакции:

«В целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства, выполнения обязанностей его участниками и надлежащего исполнения приговора дознаватель, следователь или суд вправе применить к подозреваемому или обвиняемому следующие меры процессуального принуждения:

- 1) обязательство о явке;
- 2) привод;
- 3) временное отстранение от должности;
- 4) наложение ареста на имущество».

9) в статью 144 добавить часть 13 в следующей редакции:

«О начале доследственной проверки по поступившему сообщению о преступлении дознаватель, орган дознания, начальник подразделения дознания, следователь, руководитель следственного органа выносит постановление»

10) часть 1 статьи 176 изложить в следующей редакции:

«Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится при наличии фактических сведений указывающих на наличие следов преступления, и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»;

11) статью 181 изложить в следующей редакции:

«При наличии фактических данных, указывающих на необходимость проверки и уточнения сведений, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц»;

12) в части 1 статьи 182 после слов «является наличие» слово «достаточных» исключить и дополнить словом «фактических»;

13) в статье 215

а) часть 1 исключить;

б) добавить часть 1¹ в следующей редакции:

«Признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь выносит постановление.

в) добавить часть 1² в следующей редакции:

«Следователь уведомляет об окончании следственных действий обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное статьей 217 настоящего Кодекса право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, о чем

составляется протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса»;

14) в части 1 статьи 253 после слов «в связи с необходимостью истребования» дополнить словами «или получения новых доказательств»;

15) в статье 267 после слов «его права» дополнить словами «и обязанности»

16) в части 1 статьи 268 после слов «их права» дополнить словами «, обязанности»

17) в статье 292

а) часть 2 исключить;

б) часть 1 изложить в следующей редакции: «Прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. В прениях сторон также участвуют подсудимый, потерпевший и его представитель, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители»;

18) части 7 статьи 316 УПК изложить в следующей редакции:

«Если судья на основании изучения материалов уголовного дела придёт к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

19) в части 1 статьи 317.1 после слов «указанное ходатайство» добавить слова «с согласия потерпевшего, за исключением случаев, когда мнение потерпевшего может препятствовать раскрытию и расследованию особо общественно значимых преступлений».